

ФРАНЦИЯ

БОЛЬШОЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ПУТЕВОДИТЕЛЬ

Алексей Алексеевич Дельнов
Франция. Большой
исторический путеводитель
Серия «Большой исторический путеводитель»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6111047

*Франция : большой исторический путеводитель / Дельнов А. А.: Эксмо, Алгоритм; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-42549-5*

Аннотация

Миллионы людей в мире мечтают хоть раз в жизни побывать во Франции – ведь она манит, притягивает, влюбляет! Но подождите отправляться в путешествие – вам не помешает сначала узнать много нового, важного и удивительного об этой великой стране. Во Франции достопримечательности располагаются чуть ли не на каждом квадратном метре, почти с каждым закоулком связаны грандиозные исторические события – без нашей книги вы рискуете заблудиться в лабиринте времени и истории страны. Путеводитель по этому лабиринту мы написали иронично и остроумно – его очень легко читать.

На страницах путеводителя вас ждут встречи с Цезарем, Карлом Великим, Филиппом Красивым, Людовиком XIV, кардиналом Ришелье, Марией-Антуанеттой, Наполеоном, Жаком Шираком и даже – Николя Саркози. Ну и конечно, со многими другими, кто был причастен к французской истории, похожей на исторический блокбастер и романтическую сагу одновременно.

Содержание

К читателю	4
Древняя Галлия	6
Праистория	6
Кого застал Цезарь	11
Соседи-германцы	19
Первое завоевание Галлии	23
Великое галльское восстание	29
Начало империи	36
Золотой век империи	40
Натиск варваров. Кризис III века	44
Доминат – твердая власть на пепелище	52
Константин Великий	55
Гибель империи	60
От Галлии к Франции	78
Начало Меровингов	78
Хлодвиг	81
Потомство короля Хлодвига	90
В королевстве франков	96
Зрелость Меровингов	103
Короли обленились. Да здравствуют майордомы!	110
Карл Великий	113
Империя после Карла	126
Новые волны нашествий	130
В соседних королевствах	136
Мир классического Средневековья	141
На старте второго тысячелетия	141
Феодализм	143
Что могут короли?	153
Крестьяне	156
Заря урбанизации	159
О города, о нравы...	164
Конец ознакомительного фрагмента.	172

Алексей Алексеевич Дельнов

Франция: большой исторический путеводитель

К читателю

«Ах! Франция! Нет в мире лучше края!» К этому взвизгу душевному грибоедовской барышни с чистой совестью присоединились бы многие поколения русских людей. Конечно же, и нынешнее поколение. Несмотря на то, что, в отличие от нескольких предыдущих, которые полжизни бы отдали, лишь бы хоть на карачках вскарабкаться на Эйфелеву башню – оно может любить возделенную страну не только платонически. Не только как царство мечты, возведенное на фундаменте из книг, кинофильмов и репродукций. Теперь что – купил путевочку, выправил визу, и, пожалуйста, на randevu. Ну, прямо как в самодержавной России.

Только вот возвращаются люди, переполненные самыми яркими впечатлениями – и заодно с хвастливыми восторгами отпускают всякие шуточки. Типа того, что «Франция, конечно, расчудесна, только если бы там еще и французов не было – совсем бы хорошо». Что такое? Да вот, и буржуазны они чересчур: расчетливы до мелочности, эгоистичны. И к пришедшей публике не очень-то добросердечны, порою раздражительны. Хотя не без достоинств: выпить не дураки, по амурной части – на уровне своей славы, рожи жизнерадостные.

Но, господа-товарищи, есть ведь что и возразить. Во-первых, уж кому-кому, а не нашим в смертных грехах народившимся новорусским загребалам, и тем более не тем, кто у себя дома на них налюбовался, на чужих буржуев квакать. А во-вторых, и в самых главных: если народ соединяет в себе массу самых противоречивых свойств, которые и с плюсом, и с минусом, и с неопределенным знаком – разве это не свидетельство его, по меньшей мере, высокой незаурядности?

Буржуазность? Ее отнюдь не стыдился сам император Наполеон. По собственным признаниям, он и всю свою политику строил в расчете на вящую прибыль отечественной коммерции и промышленности. Но это на словах. А вот летят в порыве безудержной храбрости (тужур!) на огнедышащий вулкан батареи Раевского плотные массы французских кирасир – как летели до этого в десятках других сражений. Сколько их там вернется из этого пекла, многим ли доведется, хотя бы в преклонных летах, напялить теплый домашний колпак и подсчитывать проценты с ценных бумаг? «Гусар, доживший до тридцати лет, это не гусар, а дерьмо». Этот афоризм изрек маршал Ланн, не постеснявшийся, однако, дожить до сорока – когда ему оторвало ноги австрийским ядром. Его великий начальник тоже любил афоризмы. «Хороший государственный служащий не должен доживать до пенсии». Сам-то он до пенсии дожил – до острова Святой Елены. Хотя враги еще в 1813 году предлагали ему по-хорошему угомониться и мирно сосуществовать в довоенных границах. А он – ни в какую.

Не мелочны и не расчетливы были защитники баррикад, моряки дальнего плавания, вспыльчивые дуэлянты – невольники чести с аристократическим тиком... Хотя порою действительно – поглядит по сторонам в спокойную пору в тихом городке путешественник, и признает: нет страны более буржуазной.

Тому же стороннему наблюдателю французы покажутся иногда взбалмошными позерами. «Мне надо сосредоточиться», – они и это произнесут, эффектно рисуясь. Не верится, что вслед за этим можно нырнуть на какую-то душевную глубину. Но чего достигли французские гении вот так вот театрально сосредоточась – надеюсь, рассказывать не надо. Мы же с вами интеллигентные люди...

А возьмите эротизм французов. Какая такая неземной силы, всеобъемлющая любовь светилась, по свидетельствам всех очевидцев, в глазах святой Орлеанской Девственницы Жанны д'Арк – та любовь, что взвела ее на костер? Соглашусь, что это пример слишком высокий. Но представляется, что не запросто, а как-то по-особенному, одухотворенно поднимались из теплых постелей, от сладко посапывающих возлюбленных, Антуан де Сент-Экзюпери и его бесшабашные товарищи-летчики – и усаживались за штурвалы тщедушных почтовых самолетиков. На которых перелететь океан и перевалить через Анды вероятность не больше, чем у маркиза вернуться с дуэли.

Миллионы подобных примеров, из которых следует фундаментальный вывод: в высших своих проявлениях любовь француза сама ищет соседства со смертью. Так повелось с незапамятных времен, когда еще и французов не было, а были галлы (кельты).

«Любовь (имеется в виду сексуальная. – А.Д.) и голод (или жадность. – А.Д.) правят миром». Хорошо сказано (кажется, кем-то из приверженцев психоанализа). Возможно, действительно правят. Значительной частью мира и значительной частью французов. Но не миром и тем более не Францией. Потому что были и те, кто, раздираемые своею противоречивостью, породили несравненную французскую культуру и разыграли великую драму французской истории.

О-ля-ля!

Провинции Франции на празднике «Юманите» (Ж. Эффель)

Древняя Галлия

Праистория

Так кто же они, французы? В прямом смысле – вопрос, конечно, глупый, потому что ответ бездонен, а значит, отсутствует. Но, по крайней мере, откуда они взялись?

Была такая индоевропейская общность народов. Пару десятков тысяч лет назад (может, больше, может, меньше) стала складываться где-то в бескрайних степях и лесостепях Евразии. Где именно – разброс мнений так же широк, как степи – от северного Причерноморья до южных отрогов Гималаев. Но где бы то ни было, у некоей совокупности племен сложился общий язык – праиндоевропейский (лингвистам и историкам удалось реконструировать нечто правдоподобное). Схожие культуры, схожие верования. Не одинаковые, конечно. И о каком-то политическом единении речь не идет, разве что о сосуществовании в близком и тесном соседстве племенных союзов (не без периодического мордобоя между собой, разумеется).

Потом эта общность стала растекаться по белу свету. Кто-то ушел в Индию – позднейшая наука окрестила их индоариями. Кто-то, чтобы далеко не ходить, осел на Иранском нагорье и в его окрестностях (древние иранцы). А значительная часть двинулась на запад, в сторону Европы – с ответвлениями на Кавказ, в Малую Азию, на Ближний Восток.

Впрочем, это было рассредоточение очень предварительное. Потом кого куда только не носило. И общность та превратилась разве что в языковую, в одну из самых крупных языковых семей. Хотя скажи людям попроще, к примеру, из таджиков, армян и датчан, что у них в языке много общего – подумают, что над ними шутят. Уж очень разные были судьбы у индоевропейцев – на марше и на новых местах.

Западный поток можно как-то отследить по письменным источникам других народов. Так что известны имена племен, племенных объединений, а то и государств. Есть и хронологические наметки. К XVIII веку до нашей эры в Восточной Анатолии (ныне – азиатская Турция) стало образовываться Хеттское царство. Освоившись на новом месте, хетты все шире стали расправлять плечи и выше задирать нос – в XIII веке до нашей эры видим их атакующими египетские владения в Сирии, где их с большим трудом сдержал фараон Рамсес II. Но – немного столетий спустя Хеттское царство само сделалось жертвой завоевания. Отличились загадочные «народы моря» – предположительно, сброд со всего Средиземноморья, но стержнем его, скорее всего, были греки (тоже индоевропейцы). Эти надолго закрепились на Ближнем Востоке под именем филистимлян, и Палестина – топонимическая память о них (это будто бы их, согласно Ветхому Завету, крушил ослиной челюстью еврейский командос Самсон). Что удивляться, сброд в определенных обстоятельствах бывает весьма конструктивен. Непотребное разноплеменное скопище основало Рим (чего стоит бандитское «похищение сабинянок» – во время праздника, на который специально зазвали ради такого дела соседнее племя). И, сделав предусмотрительные оговорки, спросим: а что, собственно, такое Соединенные Штаты Америки?

С IX века до нашей эры известно государство Урарту, созданное предками армян – сначала на Армянском нагорье. Потом оно вошло в боевое соприкосновение с Ассирией в Месопотамии и поближе к Средиземноморью (кстати, в средние века Великая Армения простиралась до Ливана включительно).

В XIV веке до нашей эры проявляет себя ахейское (древнегреческое) Микенское царство, а за сотню лет до этого ахейцы проникли на Крит и изрядно подкосили процветающую там прекрасную минойскую цивилизацию – правда, при этом взяли из нее много хорошего.

Наверное, где-то в эти же времена греческие племена (не только ахейские) ушли на Балканы, латинские на Апеннинский полуостров. В Подунавье, в Прикарпатье и в очень широких их окрестностях, вплоть до Среднего Днепра и Вислы, расположились славяне. Балты, как можно догадаться, взяли курс на восточную Прибалтику (кто дошел – стали предками латышей и литовцев, но дошли не все: отставшие, кто уцелел, были ассимилированы, по большей части славянами).

Рейн, Скандинавия – стали опорными географическими координатами драчливых германцев. И не обидели себя землицей разместившиеся как поблизости от них, так и в дальнем отдалении племена кельтов. Они больше всех интересны для нас, потому что кельты – это в том числе и галлы, а галлы – это этническая основа (субстрат) будущих французов.

Вот в самом общем виде картина расселения индоевропейцев по Европе и Средиземноморью.

* * *

Кельты – это тоже понятие широкое и многообразное. Опять же, множество племен с разными судьбами. Но с родственными языками и культурой.

Ареал их расселения необыкновенно обширен. Британские острова, север и запад Пиренейского полуострова, Галлия (по-нынешнему: Франция, Бельгия, Нидерланды, южная Германия, Швейцария, Северная Италия), Богемия (Чехия), земли по Дунаю (там, где теперь Австрия и Венгрия), Балканы (Болгария).

По ходу истории еще и не туда заносило. В Малую Азию (племя галатов – им адресовал одно из своих посланий апостол Павел. В Турции и сейчас бытует название области Галатия. И команда футбольная есть «Галатасарай»). В Бессарабию, в Прикарпатье (есть даже версия, что «Галиция», «Галич» – от галлов. Но это скорее что-то из разряда раннего оранжевого бреда).

Кельтское изображение быка на камне

Такое глобальное расселение кельтов объясняется во многом тем, что они очень быстро множились и постоянно были заняты поиском плодородных земель. Каждый год наступала «священная весна»: пора, когда юноши-разведчики отправлялись присматривать места для новых поселений. Переселялись роды, общины, племена – вплоть до Малой Азии, как мы видели.

* * *

Теперь о галлах – о племенах, расположившихся от Пиренеев и южных альпийских предгорий до Рейна. О них сведений не очень много. «Отца истории» Геродота, несравненного информатора о древних народах, увы, тянуло все больше на Восток. У него читаем о египтянах, скифах, персах и прочих, а по интересующему нас вопросу всего лишь: «Кельты же обитают за Геракловыми Столпами по соседству с кинетами, живущими на самом крайнем западе Европы» – это он, надо думать, об иберийских кельтах, о галлах же – вообще ни гугу.

Первая развернутая информация о галлах появляется в связи со знаменитыми событиями IV века до нашей эры, когда «гуси Рим спасли». И где-то тогда же появился этноним «галлы»: от латинского «петухи». Забияки, любители эффектного и яркого.

Подробнее всего можем прочесть об этом у Плутарха, в жизнеописании римского полководца Камилла, который отразил нашествие галлов на свой родной город. Из этих страниц можем почерпнуть много примечательного, в том числе кое-что о довольно продолжительном предшествующем периоде.

Великий историк пишет о галльских племенах, расселившихся между Пиренеями и Альпами, т. е. по средиземноморскому побережью: «Спустя долгое время им удалось в первый раз попробовать вина, привезенного из Италии. Вино так понравилось им, все так обрадовались новости испытанного удовольствия, что вооружились, взяли с собой родных и двинулись по направлению к Альпам, ища землю, которая производит такие плоды. Всякую другую они считали неплодородной и невозделанной».

Далее, что присуще Плутарху, следует довольно анекдотическая, зато занятная подоплека такого разворота событий. Оказывается, вино галлам не без намерения привез этруск Аррунт (Этрурия – в северной Италии), у которого перед этим на родине самым подлым образом отбил жену молодой богач Лукумон. Лукумон был сиротой, жил у Аррунта как у опекуна, и вскоре отблагодарил за все хорошее – завел шашни с его женой. Дошло до того, что любовники не хотели уже соблюдать никаких приличий и ничего не скрывали. Опекун обратился в суд, но, как во всяком цивилизованном обществе (этруски жили именно в таком), очень многое решали деньги. Кончилось тем, что Аррунта же и приговорили к изгнанию.

Тогда несчастный муж устроил галлам помянутое угощение и заодно намекнул, где такой благодати вдоволь. Галлы двинулись в страну этрусков, раскинувшуюся между Альпами и побережьями Адриатического и Тирренского (Этрусского) морей. Страна была сплошным садом, с огромными пастбищами, обильно орошаемая реками. Там были большие города, приспособленные для безбедной, роскошной жизни. Галлы вломились туда, оттеснили прежних хозяев и зажили в свое удовольствие среди вождельных виноградников.

Через какое-то время, то ли расплодившись, то ли еще почему, пришельцы двинулись еще дальше и осадили очередной этрусский город – Клузий. Клузийцы отправили гонцов в Рим, умоляя избавить их от варваров.

Бронзовый кабан

Римские посланники явились в стан осаждающих, попросили объяснить, за что они ополчились на этот город. И тогда галльский вождь Бренн изрек с ухмылочкой знаменательные слова (или это слова самого Плутарха – но все равно они очень содержательны как характеристика эпохи): «Клузийцы обижают нас: они могут обрабатывать только небольшую часть своей земли, но хотят владеть большею. Мы иноземцы, нас много, мы бедны, а они не хотят поделиться с нами. Так и вас, римляне, обижали раньше альбанцы, фиденцы, ардейцы, теперь же обижают вейцы, капенцы и многие из племен фаллисков и вольсков. За это вы объявляете им войну – и если они не уступят вам части своих владений, обращаете в рабство, грабите их землю, разрушаете города.

Но вы не делаете ничего дурного и несправедливого: вы следуете лишь древнейшему из законов, закону, на основании которого собственность слабого принадлежит сильному – начиная от бога и кончая животным. Природа внушила сильнейшему иметь больше, нежели слабейшие. Полноте жалеть осажденных клузийцев, иначе вы научите галлов, в свою очередь, жалеть, сострадать тем, кого обижают римляне».

Дедушка Крылов выразил это более кратко и емко: «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».

Дальнейший разворот событий был быстрым. Римские послы проникли в Клузий, стали ободрять горожан на дальнейшую оборону – ясно было, что миром кончить дело не удастся. Произошла очередная стычка под стенами города, один из послов ввязался в нее, убил знатного галла и снял с него доспехи. Сородичи убитого узнали его, и «казус белли» был исчерпывающий: «римлянин нарушил общие, чтимые всеми людьми права и законы – явился в качестве посла, ведет же себя, как неприятель». Бренн снял осаду с Клузия и повел войско на Рим.

Далее – первое сражение. Римляне разгромлены, галлы идут прямо на их столицу. Защищать город практически некому, жители покидают его. Только небольшой отряд вои-

нов и наиболее патриотично настроенные из граждан укрываются в крепости на вершине высокого и крутого холма Капитолия.

Да еще совершают подвиг седобородые старцы-сенаторы: усаживаются в своих креслах из слоновой кости на Форуме, на ступенях перед зданием Сената. Сидят недвижно, с длинными посохами в руках. Ворвавшиеся в город галлы поначалу опешили: не статуи ли это на самом деле? Но вот один из захватчиков решился наконец – дернул старика за бороду. Тот огрел негодея посохом, в ответ – смертельный удар меча, и все героические старики были перебиты.

Капитолий осажден наглухо, положение тяжелое, голод. Тем временем римским диктатором избирается опальный (из-за внутренних дрязг) полководец Камилл. Но он требует, чтобы избрание, в соответствии с традицией, подтвердили осажденные на Капитолии: сейчас это единственные полноценные граждане Рима, все остальные – изгнанники.

Одному юноше удастся проникнуть в твердыню по почти отвесной скале, получить требуемое подтверждение и вернуться обратно. Камилл начинает готовить войско.

Но галлы заметили на глинистом склоне холма следы того, что здесь кто-то сумел взобраться. А где вскарабкался один – куда легче будет многим, помогая друг другу. И темной ночью враги безмолвно полезли по круче. Удача: они уже на стенах, а изможденная стража мирно дрыхнет. Но – на Капитолии находились священные гуси из храма Юноны. Гусь и так птица беспокойная, а от голода – тем более (они разделяли общую участь, хорошо еще, что самих не съели – побоялись гнева богини). Птицы заготали, побежали к налетчикам – может быть, надеясь на подачку. Защитники очнулись, ринулись в бой, галлы полетели вниз. Вослед им – проштрафившийся начальник караула. «Гуси Рим спасли».

Но голод лютей, мочи уже никакой, с внешним миром связи нет. Осажденные начали переговоры о сдаче.

Договорились об огромной контрибуции – тысяче фунтов золота. Стали выносить из крепости сокровища, принялись взвешивать. Галлы сначала жульничали втихую, надавливая на весы. Римляне заметили, возмутились. Тогда Бренн выступил в своем амплуа: отстегнул меч и бросил на чашу с гирями. Осажденные вознегодовали: «Что это значит?» А в ответ – крылатая фраза, обращенная ко всем последующим векам: «Что же другое, как не горе побежденным?!» Но тут, как положено в хорошем фильме, подоспел Камилл со своей ратью (перед этим перебившей большой вражеский отряд, осаждающий город Ардею: галлы перепились на сон грядущий).

Диктатор прекратил процедуру, заявив, что римляне привыкли спасать отечество железом, а не золотом. У Бренна хватило наглости возмутиться на нарушение договора, но последовали битва, славная победа римлян и изгнание пришельцев.

Кого застал Цезарь

Сведения Плутарха, как они ни интересны, мало говорят нам о галлах как таковых: разве что они были воинственны, легкомысленны, любили выпить и у них были вожди со своенравным характером.

Самое полное описание Галлии и галлов дал в середине I века до нашей эры великий ее завоеватель – римский полководец Гай Юлий Цезарь (102—44 годы до нашей эры) в своих «Записках о Галльской войне». Некоторые сведения оставили нам Тацит и другие римские историки – правда, в их годы Галлия была уже нивелированной провинцией империи. Что-то находим у византийских авторов. Много и хорошо поработали археологи. Картина складывается следующая.

Галлия состояла из нескольких явно выраженных частей. Цизальпийскую Галлию – ту, что «по сю сторону Альп» (если смотреть с итальянской колокольни), лежащую на этрусских в прошлом землях, римляне называли еще «Галлия тогата», или «одетая в тогу». Ее обитатели рано попали под власть Рима и были почти полностью романизированы – усвоили латинский язык, восприняли культуру. Они первыми из неиталийцев получили права римского гражданства, со временем знать даже стала избираться в сенат. Правда, сказать, что здесь полностью переняли римские обычаи, римский образ жизни, нельзя – что-то от исконного племенного уклада сохранялось. Тем не менее «галлы, одетые в тогу», по большому счету, вне римской державы себя не мыслили. Их знать, копируя рабовладельческие повадки римских патрициев, видела в этом свидетельство своего подлинного величия, а не «утрату национального достоинства».

Нарбоннская Галлия (юг и юго-восток нынешней Франции) тоже шла по пути романизации, но ко времени Цезаря продвинулась по нему не так далеко: она попала в зависимость от Рима незадолго до начала Галльской войны. А когда попала, стала называться Провинцией (отсюда происходит «Прованс»).

Наконец, Трансальпийская (Заальпийская) Галлия, или «Галлия косматая», «Галлия, одетая в штаны». Та Галлия, что до середины I века до нашей эры гуляла сама по себе. Это почти вся современная Франция, Бельгия, часть Голландии, Швейцарии, левый берег Рейна. В ней, в свою очередь, различали несколько частей. Юго-Западная, между Пиренеями и рекой Гаронной, была населена племенем аквитанов (почему и известна до сих пор как историческая область Аквитания). Аквитаны были не чистыми кельтами, они изрядно смешались с уроженцами автохтонных иберийских племен (исконно проживавшими здесь неиндоевропейцами). Центральную часть занимали чистокровные галльские племена. На востоке, где сейчас приальпийские кантоны Швейцарии, жили гельветы – как и аквитаны, вобравшие в себя кровь древних местных народов. На севере, между Секваной (Сеной) и Рейном стационарным боевым лагерем расположились племена белгов. Они вели непрекращающуюся войну с зарейнскими германцами.

С германцами в теснейшем контакте находились и многие другие племена, особенно на севере и востоке Галлии. С одной стороны, это были беспокойные соседи, да и галлы зачастую были не прочь их побеспокоить. Но, с другой стороны, существовали и более конструктивные взаимовлияния – политические, экономические, культурные, религиозные, родственные, наконец. Так что давно отмечено значительное сходство жизненного уклада германских и галльских племен. Насчет белгов до сих пор ведутся споры, кто они в большей степени – германцы или кельты. А нацистские измерители черепов установили, что у обитателей северной Франции более выраженные нордические черты, чем у немцев.

Влияние античной цивилизации этрусками и Римом не ограничивалось. С давних пор (около 600 года до нашей эры) в Галлии обосновалась греческая колония Массилия (совре-

менный Марсель). Долгое время поддерживались отношения с Карфагеном: этот могучий финикийский город-государство имел владения на Сицилии и на Пиренейском полуострове (но к концу III века до нашей эры был повержен Римом).

Многообразны были связи с родственными кельтскими племенами, особенно теми, что за Ла-Маншем – на Британских островах. Самого высокого уровня культуры достигли тогда ирландцы.

* * *

Во времена Цезаря галльское общество было уже резко неоднородным. Вот что читаем в его «Записках»: «Во всей Галлии существуют вообще только два класса людей, которые пользуются известным значением и почетом, ибо простой народ там держится на положении рабов: сам по себе он ни на что не решается и не допускается ни на какие собрания. Большинство, страдая от долгов, больших налогов и обид со стороны сильных, добровольно отдается в рабство знатным, которые имеют над ними все права господ над рабами. Вышеупомянутые два высших класса – это друиды и всадники».

Всадники – племенная верхушка, представители сильных родов. Те, кто мог позволить себе воевать на коне (по этому признаку выделялась знать многих народов. Впрочем, галльская кавалерия хоть и использовалась впоследствии в римской армии, но ставилась ниже германской, тем более фессалийской и сирийской).

Из этих аристократов образовывались советы старейшин, выдвигались племенные и военные вожди. Это были вроде бы и выборные должности, но интриги, закулисная, а то и силовая борьба при избрании были не менее острыми, чем в Риме в худшие времена. Каждый всадник был окружен свитой зависимых от него амбактов (по римским понятиям – клиентов) и рабов. Они и были одним из главных орудий борьбы за влияние и власть.

Правда, Цезарь, возможно, несколько сгустил степень отчуждения социальных слоев, на самом деле их отношения были более патриархальными – что, как правило, наблюдается в сообществах, недалеко ушедших от родоплеменных. Но чисто формально римский клиент, к примеру, отличался от своего галльского собрата тем, что не только сам принимал обязательства по отношению к господину, но и тот отвечал ему тем же. Обедневший же галл поступал в услужение без всяких договорных условий – на его стороне могло быть только обычное право.

* * *

Мы видим, что заносчивость и задиристость «петухов»-галлов были отмечены римлянами уже при первой серьезной встрече. Позднее и греки, и римляне отмечали их как черту национального характера: галлы «страшно сварливы». Сцепятся, к примеру, два соседа, и тут же, глядишь, в схватку вступают и жены. «Которые сильнее их и голубоглазы... целая толпа чужеземцев не справится с ними, особенно когда, гневно откинув голову, скрежеща зубами и размахивая белоснежными и могучими руками, начнут они наносить удары не слабее ударов катапульты... Голос у большинства звучит резко и угрожающе, спокойно ли они говорят или сердятся».

Галльская знать, следуя своему темпераменту, постоянно вела междуособные стычки: это было образом жизни аристократов. Уметь биться и достойно встречать опасность и гибель считалось высшей доблестью. И с боем взять у соседа то, что нравится, – тоже.

Со временем знатные господа для набегов и обороны перестали ограничиваться услугами своих вооруженных клиентов – те большую часть времени были заняты по хозяйству,

а потому вояками были неважными. Стали обзаводиться постоянными дружинами, члены которых тоже становились своего рода знатью.

В таких условиях народное собрание простых общинников мало что могло значить: оно сходилось все больше для проформы, потому что «так повелось». В основном все заранее решали советы знатных людей. На них им худо-бедно приходилось договариваться и по поводу своих усобиц. Хотя бы потому, что для выяснения внешнеполитических отношений требовались совместные действия: межобщинные, межплеменные, а то и более глобальные столкновения происходили постоянно.

Галльский лучник (бронза)

Такие условия существования определяли характер галльских сельских поселений. Археологи часто находят группу строений, окруженных дубовой стеной и валом – это было жилище местного сильного человека и его присных. Здесь же могло укрыться все окрестное население со своим скотом. Случалось, что крестьянские поселения, разрастаясь, сами обзаводились стенами – становились тем, что спустя века получит название «бургов». Но было еще и довольно много свободных землепашцев и скотоводов, живших обособленными «большими семьями».

Удивительно, что при таком уровне конфликтности Галлия была высокоразвитой страной, богатой и густонаселенной. В ней проживало, по разным оценкам, от 15 до 20 млн. человек – плотность населения была близка к италийской. Хотя велики были различия между отдельными племенами – как в материальной культуре, так и в общественном устройстве. При этом не следует преувеличивать римское или греческое влияние. Галлы и сами достигли

многого, так что некоторые прирейнские племена могли быть более «продвинутыми», чем те, что поближе к Средиземноморью.

Сельское хозяйство во многих отношениях даже превосходило италийское. Галлам были знакомы колесный плуг, коса, жнейка. Наиболее ценными домашними животными (помимо коня, разумеется) у них считались свиньи. Свинопасы были в почете, ими были даже всеми почитаемые герои эпоса. И в цене были дубовые рощи – в них хрюшки нагуливали на желудях сало.

* * *

Главными центрами общественной, культурной и экономической жизни племен были оппидумы – города, крупнейшие из которых занимали площадь в несколько квадратных километров. Их окружали мощные «галльские стены» – сложные конструкции из толстых деревянных балок, скрепленных длинными железными гвоздями.

Дунум состоял обычно из нескольких кварталов, разделенных улицами. Отдельно жили мастера по металлу – кузнецы и литейщики. Владение металлом было у галлов на высочайшем уровне, они давно были знакомы с железом и добывали его в рудниках. Мы и о галльском изобразительном искусстве судим по неплохо сохранившимся до наших дней металлическим изделиям. Зачастую они изукрашены сложными узорами, из которых возникают не то люди, не то фантастические существа; или более реальные, но тоже замысловато стилизованные звери. Люди – пучеглазые, удивленно вззирающие, иногда с завывающими в огромные кольца невероятными усами.

Для нужд металлистов были устроены специальные подземные водоводы. Мастерские, построенные из бревен и глины, были заглублены, дверь выходила на улицу – изделия продавались по месту их появления на свет.

В других кварталах жили ювелиры, стекольщики, гончары. Мастера по дереву строили большие и малые суда, изготавливали разного рода повозки, искусно владели бочарным ремеслом. Кожа, текстиль – все это с успехом производилось и выделывалось в Галлии.

В особом «рыночном» квартале велась оживленная торговля – как внутренняя, так и внешняя: с Массилией, Карфагеном, этрусками, Римом. Было уже развито денежное обращение (хотя единой общегалльской монеты не было).

Отдельно располагались городские усадьбы богатых и знатных галлов – большие дома из дерева и камня, в которых могло быть до тридцати комнат с крытым двором в центре. Если простые горожане жили большей частью под соломенной крышей, то кто посостоятельнее могли позволить себе римскую черепицу.

Племенным центром племени паризиев была Лютеция на Секване (Сене) – думаю, не надо объяснять, во что этот оппидум со временем разросся.

* * *

Особая статья и предмет особого интереса еще одно правящее сословие – друиды. Жрецы, на которых почти полностью держалась религиозная жизнь галлов, носители и творцы духовной культуры и в то же время люди, обладающие огромным социально-политическим влиянием.

Слово Цезарю: «Друиды принимают деятельное участие в делах богопочитания, наблюдают за правильностью общественных жертвоприношений, истолковывают все вопросы, относящиеся к религии. К ним же поступает много молодежи для обучения наукам, и вообще они пользуются у галлов большим почетом. А именно: они выносят приговоры по всем спорным делам, общественным и частным; совершено ли преступление или убийство,

идет ли тяжба о наследстве или о границах – решают друиды. Они же назначают награды и наказания, и если кто – будет ли это частный человек или же целый народ – не подчинится их определению, то они отлучают виновного от жертвоприношений. Это у них самое тяжелое наказание. Кто таким образом отлучен, тот считается безбожником и преступником, все его сторонятся, избегают вести разговоры с ним, чтобы не нажить беды, точно от заразного...

Во главе всех друидов стоит один, который пользуется величайшим авторитетом. По его смерти ему наследует самый достойный, а если таковых несколько, то друиды решают дело голосованием, а иногда спор о первенстве разрешается даже оружием...

Их наука, как думают, возникла в Британии и оттуда перенесена в Галлию; и до сих пор, чтобы основательно с нею познакомиться, отправляются туда же для ее изучения».

Друиды были, как видим, цементирующей силой всего галльского общества, именно благодаря им поддерживалось чувство «галльского единства». Каждый год они собирались в одном из священных мест. Обычно это была дубовая роща в области племени карнаутов – поэтому считалось, что там находится как бы центр Галлии. После тайных обрядов и жертвоприношений, в том числе и человеческих, решались вопросы как духовные, так и вполне земные – по любому вопросу как межплеменной, так и частной жизни. Любой галл мог обратиться со своими нуждами к верховному собранию друидов.

Друиды были советчиками, предсказателями, толкователями снов, врачевателями. Они могли предотвратить кровопролитие, встав между двух изготавившихся к битве яростных воинств.

Особая сила друидов была в том, что многие из них жили среди прочих людей. Имели свой дом, семью, могли даже отправляться на войну как простые воины. Такие жрецы были во всех общинах.

Бог неба Таранис

Принадлежность к друидам не была наследственной. «Лучшие юноши народа» готовились к жреческому поприщу путем длительного обучения. Знания свои друиды никогда не записывали, а передавали их только в устной, скорее всего поэтической форме – отчего обучение растягивалось иногда на 20 лет. Ученики жили со своими наставниками уединенно – в пещерах, в лесных чашах.

Что касается науки друидов, то в древности бытовало мнение, что главная мудрость перешла к ним от Пифагора и его последователей. Все может быть, хотя это довольно сомнительно. Однако аналогии провести можно. Вспомним, что пифагоризм – это в первую очередь мистика чисел. Числовые соотношения – источник гармонии космоса, одним из проявлений которой является и музыкальная гармония («пифагоров строй»). В религиозных обрядах кельтов большое значение придавалось музыкальному сопровождению (любимым инструментом была арфа). Вера в бессмертие души – основа галльской религии. Эту веру особенно старательно внушали друиды своим ученикам – чтобы те, в свою очередь, укрепили ее во всем галльском народе. Хотя бы для того, чтобы воины шли в бой, не боясь смерти.

Где-то за океаном, далеко на западе, на закате солнца раскинулись таинственные «острова блаженных» – Эмайн-маха. Там среди прекрасных деревьев и цветов, среди журчащих чистейших ручьев ведут безбедное существование души усопших – тех, кто оказался достойным этого. Там вечный пир, там прекрасная музыка... Могут попасть туда, – и даже вернуться оттуда обратно, – и живые, как это случилось с героем ирландского предания Бранном. Плыл и плыл на запад, и приплыл. Может быть, ему так понравилось в Америке? Или не очень – раз вернулся?

Вера в бессмертие души была так велика, что люди давали деньги взаймы с условием, что в случае чего долг будет возвращен в загробном мире.

* * *

Плиний (I век нашей эры) оставил нам эффектное описание одного религиозного обряда: друиды при лунном свете, в белых одеяниях срезают с дуба омелу и заворачивают ее в специальную ткань – для приготовления волшебного целебного напитка.

Можно усмотреть в этих священнодействиях нечто глубокомысленно-символическое (эзотерическое), но вообще-то омела наделялась магическими свойствами у многих народов еще с первобытных времен. Это полупаразитарный кустарник, обретающийся обычно на стволах деревьев. Было распространено поверье, что омела зарождается от удара молнии в ствол дуба.

Многие обряды были кровавыми. Люди, тяжело больные или собирающиеся на войну, приносили или давали обет принести человеческую жертву – ибо были уверены, что у богов можно вымолить жизнь только в обмен на другую жизнь. Исполнением заведовали, разумеется, друиды.

Особенно могли ужаснуть стороннего наблюдателя общественные жертвоприношения. Некоторые племена сплетали из толстых прутьев огромные корзины в форме человеческого тела, наполняли их живыми людьми и поджигали. Наиболее благочестивым деянием считалось принести в жертву воров, грабителей и прочих преступников, но если таковых не доставало, на заклятие обрекались ни в чем не повинные люди.

Когда, в случае чрезвычайной внешней угрозы, объявлялся межплеменной военный сбор – воин, явившийся последним, подвергался страшным пыткам, а потом предавался не менее мучительной казни.

Мрачновато и то, что время галлы исчисляли не по дням, а по ночам. Объяснить это можно тем, что, согласно учению друидов, все галлы – потомки бога подземного царства.

В каких богов верили галлы – с определенностью сказать трудно. Цезарь приводит их имена, но употребляет при этом римские аналогии. Бога войны он называет, конечно же, Марсом. Ему в случае победы приносили в жертву «все, захваченное живьем». Понимайте, как хотите – Цезарь не уточняет. В его же честь в одно священное место сносили все трофеи, так что у некоторых племен скапливались целые горы этого скарба. Если кто-то пытался утаить что-либо – его ждала страшная смерть. Тот, кого Цезарь называет Меркурием – изобретатель всех искусств, он же проводник в путешествиях, помощник в торговле и прочей наживе денег. Юпитер обладает верховной властью над небожителями, Аполлон исцеляет от болезней, Минерва обучает ремеслам.

Сложность для историков в том, что галлы со временем романизировались, переняли римскую культуру и в первую очередь верховных римских божеств. Много значила еще и целенаправленная деятельность римской администрации, начиная с Цезаря. Во время завоевательной войны великий полководец всячески поддерживал друидов – в пику военному сословию всадников. Но потом симпатии круто переменились: всадники стали местной знатью, которую надо было романизовать в первую очередь, привить ей понятия Римского права и привлечь к управлению – как людей сведущих, известных местному населению и которых вообще стоило всячески прикармливать, чтобы они не дай бог не сорвались с поводка. А друиды стали не кем иным, как носителями национальной веры, традиций, менталитета – всего того, о чем новым римским подданным неплохо бы вспоминать пореже, а совсем хорошо – вовсе позабыть. Так что дни друидов были сочтены, и только романтики XIX века в своей всемирной тоске вновь стали грезить жрецами в белых одеяниях, священнодействующих в призрачном лунном свете с ветками омелы.

Но сохранились прекрасные памятники ирландской литературы. Аналогии между содержащимися в них мифами и эпическими повествованиями и тем, во что верили галльские друиды, можно проводить смело. Однако это предмет отдельного интереснейшего рассказа. Отметим только, что от кельтских преданий веет каким-то захватывающим, но непонятным нам духом, какой-то инаковостью. Воины без видимой причины заезжают в известковые холмы – сиды, и до сих пор оттуда не выехали. Герой собирается поутру подвергнуть пленника ритуальным смертным мучениям, а всю ночь напролет они ведут увлекательную (для обоих!) беседу. Другой доблестный персонаж ждет у себя в доме приближения врагов, которые, как ему предсказано, убьют его – и с интересом расспрашивает ясновидящего, кто они такие, как вооружены и во что одеты.

Здесь чувствуется общая с германцами вера в то, что над человеком довлеет рок. Противостоять ему бесполезно, и тщетно молить о пощаде эту страшную силу. Но высшая свобода человека – в том, чтобы все равно действовать по своей воле, бесстрашно идти в безнадежный бой – самоутверждаясь собственной гибелью... Страшновато, конечно. У нас, у русских, тоже не без того: в сладко-печальную минуту, бывает, вырвется: «что на роду написано...» Но все-таки в глубине души мы в рок не верим. Нашего Бога надо бояться, но Он вообще-то добрый, Его и упросить можно. А то и «авось, Бог не заметит» – это когда сделали или собираемся сделать, чего не надо бы.

Эротика в кельтских преданиях тоже хватает. Те же Тристан и Изольда, всякие там происшествия с королем Артуром, его родней и его дружинниками. Или такой вот сюжет: приближается герой Кухулин к одному селению, жители которого имеют основания полагать, что он сердит на них. Тогда они выводят ему навстречу за околицу обнаженных девушек – герой прыгает в бочку с водой, и вода мгновенно выкипает. Ну, чем не француз?

* * *

Что касается семейных обычаев галлов – в них тоже, как и в религии, обнаруживаем следы того, что принято относить к первобытной дикости. Отцы не позволяли сыновьям до достижения ими воинской зрелости даже приближаться к себе при народе. Женщины обладали некоторыми имущественными правами – к тому приданому, что жена приносила в дом мужа, он обязан был присоединить равноценное из своего имущества, и это было их общим капиталом. Кто кого переживал, тот становился владельцем всего. Но мужья имели над женами, как и над детьми, право жизни и смерти. Если же после внезапной смерти мужчины у его родственников возникали какие-то подозрения, они подвергали вдову пыткам, дознаваясь – не она ли тому причиной. Если женщина сознавалась – ее ждали новые пытки, а потом сожжение.

На похороны галлы не скупилась. Все, что было мило покойнику при жизни, отправлялось в его погребальной костер – включая животных. Да что там животные – рабы и клиенты знатного человека, если признавалось, что они ему были по-настоящему дороги, отправлялись туда же.

А вот интересный закон из области охраны общественного порядка. Если кто-то узнал нечто, затрагивающее интересы общины (неважно, при каких обстоятельствах: подслушал, сплетня пошла, дружок сболтнул спьяну) – то обязан был немедленно донести об этом старейшинам, самому же накрепко держать язык за зубами. Начальству виднее, что предпринять, а смуту в народе сеять не надо.

Соседи-германцы

Стоит поговорить и о них. И потому, что они жили рядом с галлами, и потому, что в жилах современных французов течет и их кровь. В некоторых департаментах неизвестно, чьей больше. А если отстраниться от такой расовой абстракции, как кровь, то вспомним раньше времени, что раннесредневековая французская аристократия (и вообще воинское сословие) состояла в большинстве своем из германцев-франков, и их влияние на культуру, на весь жизненный уклад будущей французской нации огромно. Кстати, обратим внимание на самих себя: нос картошкой – это черта не славянская, а финская. Значительная часть русских людей живет на землях финских племен, которые не сквозь землю провалились, а стали важнейшей компонентой этногенеза великорусской народности.

О древних германцах больше всего писали все тот же Юлий Цезарь и особенно Тацит (58—117 гг.). Говоря об их религии, Тацит особенно отмечает ее простоту: нет такого сплоченного жреческого сословия, как галльские друиды, отсутствуют изображения богов. Но вот захватывающее сообщение: германцы почитали в своих священных рощах «нечто тайное, видимое только их религиозному чувству». Тацит обратил внимание на большую роль мантики (гадания) в религии германцев. Так, когда племя задумает набег, жрецы выводят из заповедной рощи священных коней, запряженных в «божьи колесницы», и по их ржанию и по тому, как они трясут гривой, определяют, будет ли удача.

К сожалению, античные авторы не были знакомы с пантеоном германских богов, которых мы знаем по Старшей и Младшей Эддам. Тацит, как и Цезарь в случае с галльской религией, проводит только аналогии с римскими божествами. Но интересно его свидетельство, что на одном из островов моря (скорее всего, Рюгене на Балтике) почитается Мать-Земля. Мы же не будем здесь останавливаться на захватывающей дух мифологии, включающей многие сотни персонажей, от верховного бога Одина до коварного карлика Мирме.

* * *

Особое внимание авторы уделяют социальному укладу германцев, их обычаям. Цезаря привлекает строгость их нравов, «неиспорченность» цивилизацией. По его словам, когда-то галлы превосходили германцев воинской доблестью, побеждали их, захватывали земли за Рейном. Но германцы, оставшись верными прежней простоте своего уклада, сохранили и свои боевые качества, в то время как их недруги морально разложились, переняв у римлян склонность к роскоши и прочим излишествам нехорошим. Германцы стали сильнее: их превосходство стали признавать и сами галлы (не все, конечно – явно не белги и не гельветы).

Описание внешности и физических данных германцев, приведенное Тацитом, довольно нелестно: «Свирепые голубые глаза, русые волосы, большой рот, причем тела их обладают только силой для нападения, но у них нет сил для перенесения тяжести и трудов (имеется в виду военная служба. – *А.Д.*), и всего менее они переносят жажду и жару. К голоду же и холоду они привыкли благодаря климату и почве». Касательно последнего утверждения, можно привести и такое суждение уроженца благословенного Средиземноморья: «Кто станет стремиться в Германию, в страну невзрачную, с суровым климатом, неприятную для обитания и на вид, если только она ему не родина?» (его бы куда посеверо-восточней, сами понимаете, куда – он бы понял, что такое родину любить).

Тацит указывает и на некоторые другие недостатки, свойственные германцам – поскольку они варвары, а не представители цивилизованных народов: слабую дисциплинированность, отсутствие способности к концентрации энергии и трудолюбия. Надо же, те самые параметры, по которым мы сами ставим себя безнадежно ниже нынешних немцев

– да и сегодняшним итальянцам до них далековато. Цезарь, кстати, подобным же Тациту образом отозвался о галлах: «Насколько галлы смело и решительно готовы начинать любые войны, настолько они слабохарактерны и нестойки в перенесении неудач и поражений». Да, учиться и учиться еще было варварам. Благо и учителя нашлись (которым через пару-тройку столетий от учеников ох как не поздоровится).

Общественное устройство германцев, по Цезарю, весьма несложно. Существуют советы старейшин родов, но в мирное время у племени нет даже полновластного вождя. Однако в случае войны избирались предводители, имеющие право жизни и смерти над своими подчиненными (трусом, к примеру, обычно вешали на деревьях).

Основная пища – молоко, сыр, мясо. Германцы предпочитали скотоводство и охоту, земледелием занимались мало и неохотно. Не было и частной собственности на землю: старейшины наделяли землей отдельные роды или сообщество родов. Кому сколько захочется, земли много – но каждый год осуществлялся передел. Причин для этого, по мнению Цезаря, несколько. Главная – «чтобы в увлечении оседлой жизнью люди не променяли интереса к войне на занятия земледелием». А еще – «чтобы не стремились к приобретению обширных имений и люди сильные не выгоняли бы слабых из их владений... Чтобы не нарождалась у них жадность к деньгам, благодаря которой возникают партии и раздоры». И: «Наконец, это лучшее средство управлять народом путем укрепления в нем довольства, раз каждый видит, что в имущественном отношении он не уступает людям самым сильным».

* * *

Самое подходящее мужчине занятие – это война. В текущем году идет на организованный разбой, в набег на соседнее племя одна половина общины, другая остается на земле. На следующий год меняются ролями. Для общины честь, если вокруг ее территории не осталось иноплеменников – все разбежались куда подальше. Да оно и безопасней: не надо опасаться неожиданного вражеского нападения (возможно, такие взгляды на жизнь затвердились в германском менталитете с очень-очень древних кочевых индоевропейских времен. Ведь и многие сегодняшние кочевники приходят в беспокойство, настраиваются на агрессивный лад, как только завидят на горизонте чужие костры. Однако тут же заметим, что оскорбить гостя у германцев считалось величайшим грехом).

Частная инициатива для организации военной акции реализуется очень просто. Цезарь: «Когда какой-нибудь князь предлагает себя в народном собрании в вожди и вызывает желающих за ним последовать, тогда поднимаются все, кто сочувствует предприятию и личности вождя, и при одобрениях народной массы обещают свою помощь. Но тем из них, кто на самом деле не пойдет, после этого ни в чем не верят».

Вот почему на земле трудятся в основном женщины и те, кто поплоче, а чем доблестней воин, тем большая у него в мирное время склонность к праздности. Он не в своей тарелке, ему бы в поход...

Так что все заботы по дому и хозяйству – преимущественно на женщинах. Это весьма нравится Тациту, которому не по душе распущенность его соотечественниц-римлянок. У него сложилось впечатление, что постоянно пребывающие в трудах германские женщины ведут жизнь целомудренную, они не развращены ни забавами, ни зрелищами, ни пирами, заводят интрижку – у них и в уме нет.

Но – от мужского нерадения земля обрабатывается небрежно, агрокультура примитивна и нет никакого стремления к ее усовершенствованию.

Зато германец с малолетства приучается к суровой жизни. «Чем дольше молодые люди соблюдают целомудрие, тем больше им славы у своих: по их мнению, это увеличивает рост и укрепляет силу; познать до двадцатилетнего возраста женщину считается величайшим позо-

ром. Однако оба пола вместе купаются в реках и одеваются в шкуры или небольшие меха, которые оставляют значительную часть тела голой» (Цезарь).

* * *

Статус женщины довольно высок. Германцы полагали, что женщины наделены даром пророчества и не пренебрегали их советами. История донесла до нас имена прорицательниц Веледы и Альбруны, которых почитали как божеств, но и многие другие удостаивались подобных почестей.

Во время больших завоевательных походов, в которые отправлялось все племя целиком, мужчины больше всего опасались пленения своих жен и сестер. Во время битв бывали случаи: когда строй начинал колебаться, женщины принимались громко молить воинов, выставляя обнаженную грудь, – мол, не допусти, чтобы это досталось врагу, – и ход сражения круто менялся.

У Плутарха имеется описание первого крупного столкновения римлян с германцами, когда в конце II века до нашей эры племена тевтонов и кимбров, огнем и мечом пройдя сквозь Галлию, нагрянули на италийские земли. Им преградил дорогу полководец Марий, и вот что увидело римское войско: «Конница, числом до пятнадцати тысяч, выехала во всем своем блеске, в шлемах в виде страшных, чудовищных звериных морд с разинутыми пастьями, над которыми поднимались султаны из перьев. Отчего еще выше казались всадники, одетые в железные панцири и державшие сверкающие белые щиты».

Однако в решающей битве римляне переломили эту страшную силу. «Самая воинственная часть врагов погибла на месте, ибо сражавшиеся в первых рядах, чтобы не разрывать строя, были связаны друг с другом длинными цепями, прикрепленным и к нижней части панциря.

Римляне, которые, преследуя варваров, достигли вражеского лагеря, увидели там страшное зрелище: женщины в черных одеждах стояли на повозках и убивали беглецов – кто мужа, кто брата, кто отца, потом собственными руками душили маленьких детей, бросали их под колеса или под копыта лошадей и закалывались сами. Рассказывают, что одна из них повесилась на дышле, привязав к щиколоткам петли и повесив на них своих детей».

Примем в соображение: в том мире обращение человека в рабство было для него несчастьем силы просто мистической. Он переходил в новое, презренное качество – даже в глазах соплеменников и родных. А вся процедура-то: дернуть пленника за руку, будто уводя его за собой. Но это было «ударом божественной судьбы» – прежним человек не мог стать, даже в случае избавления.

* * *

После этих ужасов давайте лучше обратим внимание на динамику германского общества, которую можно проследить благодаря тому, что труд Тацита «Германия» был написан полтора столетия спустя после «Записок» Цезаря.

Выраженной государственной власти как не было, так нет. По-прежнему считающаяся высшим органом власти общая сходка воинов проходит под председательством верховного жреца. Право высказаться имеют все – у вождей нет преимущества. Но, и очень большое «но»: накануне этой общей сходки собирается совет вождей и знатных людей и в конфиденциальной обстановке обсуждает все дела (как мы это уже видели у галлов). На общий суд выносятся проекты уже готовых решений, и простонародью остается только вынести свой вердикт – «за» или «против» – нечленораздельными криками и стуком копий о щиты.

На политическую арену выдвинулись люди богатые и знатные, владельцы большого числа рабов. О наличии знати говорил еще Цезарь, но как-то неопределенно. Образовалась совокупность знатных родов, из их среды и выходят старейшины и военные вожди. Вождем мог стать даже знатный юноша – благодаря заслугам своих предков. Вождей еще избирали на народном собрании всего племени, но круг выбора был очень ограничен.

Появились племена с фактически монархической формой управления, где вожди превращались в ранних королей: они избирались из одной знатной семьи. Так, у маркоманнов такие вожди обязательно были из рода Маробода, у херусков – из того рода, к которому принадлежал знаменитый Арминий, истребивший в 9 году нашей эры три римских легиона в битве в Тевтобургском лесу. Тацит рассказывает, что однажды херуски оказались в большом затруднении: остался лишь один представитель начальственного рода, да и тот давно уже проживал в Риме и вполне там освоился. Делать нечего – избрали его.

Вокруг вождей складывается знать качественно нового типа. Те, кто стал дружинником вождя, заслужив полное его доверие. Они могли быть выходцами из любого племени – главное, что они смогли отличиться и дали своему предводителю клятву на верность. Они окружали его в бою: гибель вождя – позор для всей дружины. В мирное время это была его почетная свита.

Так появляются харизматические лидеры, так получает дальнейшее развитие индивидуальное начало в человеке: дружинник служит не роду-племени, а яркой личности. Здесь истоки западноевропейского рыцарства и богатырей Владимира Красного Солнышка, истоки богатейшей дружинной культуры, истоки понятия аристократической чести.

А пока эти гвардейцы, как и другие знатные германцы, свободные от войны дни и ночи проводят в попойках. «Обычные, как всегда среди пьяных, ссоры редко кончаются перебранкой, чаще ранами и убийством. Но зато и о примирении врагов, и о заключении родственных связей, и об избрании вождей, наконец, о войне и мире в большинстве случаев совещаются на пирах».

Первое завоевание Галлии

Главный герой следующих двух глав – все тот же Юлий Цезарь. Человек, на полтысячелетия накрепко пристегнувший судьбу Галлии к судьбе Рима – да и римскую судьбу повернувший очень круто.

К середине I века до нашей эры Вечный город уже несколько десятилетий кипел в гражданских смутах. В условиях всеобщего падения нравов, прогрессирующего развития эгоизма и цинизма правящей верхушки (тогдашние патриции все меньше походили на статуи прежних слуг народа) – республиканский порядок стал превращаться в олигархический беспредел.

Тон в начале столетия задали Марий и Сулла – два талантливых полководца. Первый в политике предпочитал нравиться плебеям, второй – аристократам. В этом они разнились, но сходились в другом – главной их опорой в схватке за диктаторскую власть были не плебеи, не аристократы, а собственные легионы. Кто на текущий момент брал верх – устраивал резню своих противников из числа столичной знати.

В конце концов победил Сулла (в 82 году до нашей эры). Перед тем, как он штурмом взял Рим, марианцы (ими предводительствовал сын недавно умершего Гая Мария) перебили большинство уцелевших сторонников победителя.

Сулла, разумеется, не мог не отплатить той же монетой (да он, думается, обошелся бы и без всякого предлога). Стали составляться проскрипционные списки – кого из недругов ликвидировать. И вот тут карьера Гая Юлия Цезаря, совсем еще молодого человека (ему было около двадцати) из старинной патрицианской фамилии (родословную которой возводили аж к троянцу Энею), могла прерваться в самом зародыше. Сулла потребовал, чтобы он развелся с горячо любимой им Клодией – дочерью заклятого врага диктатора. Юлий наотрез отказался – и сразу же оказался в страшном списке.

На свое счастье, он успел скрыться, а тем временем за него просили и влиятельная родня, и даже весталки. Сулла наконец смягчился, подумал – и вычеркнул одно из славнейших в мировой истории имен. Только слегка усмехнулся: «Вы еще об этом пожалеете».

А еще раньше Цезарю довелось попасть в плен к киликийским пиратам – когда он изучал ораторское искусство на Родосе. Те потребовали за него огромный выкуп. В ожидании вызволения Юлий вел себя с похитителями крайне надменно, читал им свои стихи и требовал восторгов. Обзывал невежественными варварами и обещал всех распять, как только освободится. Разбойники от души хохотали над потешным юнцом. Наконец, деньги получены, Юлий сразу нанимает боевые корабли, обидчики изловлены – и распяты.

* * *

Перейдем сразу к тому, что в 60 году до нашей эры в Риме образовался правящий триумвират пока еще не совсем формальных лидеров: Красса (в свое время сторонника Суллы, нажившегося на казнях и отличившегося подавлением восстания Спартака), Помпея (тоже начинал как сторонник Суллы и тоже приложил руку к разгрому Спартака) и Цезаря. Не будем пока заострять внимание на том, что в триумвиратах такого рода всегда двое лишних. Нам важнее то, что Гай Юлий Цезарь, отбыв срок на консульской должности, в 58 году до нашей эры по соглашению с коллегами стал проконсулом Провинции (Нарбоннской Галлии).

* * *

На месте его сразу же ждали серьезные проблемы. Неожиданно пришло в движение племя гельветов, обитавшее до того в западной части современной Швейцарии. Племя многочисленное и воинственное, поднаторевшее в непрерывной борьбе с зарейнскими германцами. Что их заставило подняться с обжитых мест – не ясно, но они сожгли вдруг свои дома и посеы, уничтожили все припасы, – кроме тех, что взяли с собой, – и отправились в дальний путь через всю Галлию, к приглянувшемуся им устью Гарумны (Гаронны), впадающей в Атлантический океан.

Гельветы направили к Цезарю послов, прося разрешения пройти через Провинцию. Тот сразу же проявил свои дипломатические способности. Попросил отсрочку, чтобы подумать, а думать долго не стал. В ускоренном темпе был сооружен 19-мильный вал со рвами, перегородивший гельветам путь. Явившиеся в оговоренный срок послы получили решительный отказ.

Пришельцы попытались было прорваться, но сразу поняли, что это дело пустое. У них оставался один путь – в обход Провинции, через земли племени секванов. Вроде бы непосредственно римские интересы это не затрагивало: секваны проживали в «косматой» Галлии, а потому все происходящее становилось делом сугубо внутригалльским.

Гай Юлий Цезарь

Но Цезарь так не думал. Кто знает, куда повернет 300-тысячная косматая толпа, в которой, помимо женщин и детей, 90 тысяч способных носить оружие мужчин – способность эту доказавших не раз? И была довольно свежая историческая память: в 107 году до нашей эры гельветы, примкнув к нашествию германцев, разбили одну из римских армий.

Проконсул стал собирать наличные силы, организовал ускоренный набор еще двух легионов. Гельветы тем временем стали разорять область эдуев – племени, традиционно дружественного Риму, а затем и других окрестных племен. Обиженные отправили к Цезарю послов, прося о помощи и защите.

Цезарь застиг значительную часть гельветов, когда те переправлялись через реку. Сначала разгромил тех, кто успел перебраться, потом сам форсировал преграду и добил остальных. После победы собрал на совещание эдуев. Раскрыл измену в их рядах: оказалось, один из их вождей вел двойную игру. Цезарь его простил, но дал понять, что милость его не безгранична. Потребовал обеспечить армию продовольствием, и эдуи согласились.

Римляне направились к богатому городу Бибракте, где хранились большие запасы. Но гельветы приблизились вплотную, явно готовя нападение. Перед римским полководцем оказалось войско, намного превосходящее его армию числом и не уступающее в вооружении. Но он принял вызов. Перед битвой Цезарь приказал увести своего коня и коней всех командиров – думать об отступлении, тем более о бегстве теперь не приходилось. И римляне, упорно сражаясь и умело маневрируя, одержали полную победу.

Уцелевшие гельветы прислали послов, изъявив полную покорность. Цезарь потребовал выдать ему заложников из числа знати (распространенная практика того времени), разоружиться и ускоренным маршем двигать восвояси – восстанавливать сожженные в помутнении рассудка собственные города и села. Поскольку он был наслышан, что они еще и уничтожили урожай, распорядился, чтобы племя аллоброгов, которых римляне тоже защищали от вторжения, поделилось с бедолагами.

Прослышав о такой славной победе, вожди многих галльских племен явились в ставку Цезаря с поздравлениями и благодарностью за то, что он спас от напасти всю Галлию (так уж и всю?). А потом галльские вожди, якобы по собственной инициативе посовещавшись, обратились с просьбой изгнать за Рейн обосновавшихся на левом берегу германцев Ариовиста. Вообще-то те оказались здесь еще до Цезаря, по соглашению с галльским племенем секванов, которому германцы помогли против эдуев, а сам Ариовист успел уладить все разногласия с Римом и заполучить статус его союзника и друга (между прочим, как раз во время консулата Цезаря). Но теперь прозвучал формальный общегалльский призыв – и Цезарь решил, что руки у него развязаны.

Опять безрезультатные переговоры – на этот раз с Ариовистом, и опять война. Германцев римские легионеры побаивались, немало наслышанные о их храбрости и воинском умении. Когда получили возможность присмотреться поближе – страха не убавилось. У Цезаря возникло даже опасение, что войско может зароптать. Но он умел говорить и умел воздействовать на солдат: «Я пойду на варваров хоть с одним только десятым легионом, ибо те, с кем мне предстоит сражаться, не сильнее кимвров, а сам я не считаю себя полководцем слабее Мария».

Потом битва – на территории современного Эльзаса, и трудная, но решительная победа. Германцев гнали до Рейна, переправиться через который удалось немногим – но среди спасшихся был Ариовист. Однако погибли две его жены и дочь, а другая дочь попала в плен.

Вроде бы можно было передохнуть – Цезарь вернулся к себе в Провинцию. Как и положено проконсулу, стал отправлять судебские функции. А еще принимал приезжих из Рима и внимательно следил, что там творится – на этом главном политическом фронте надо было держать ухо востро, тем более что туда скоро должен был вернуться из изгнания один из главных его недругов – Цицерон.

Но тут поступили сведения: что-то замышляют белги, вояки еще погрознее, чем гельветы. Цезарь пошел на них, и одолел паче чаяния быстро. Однако оказалось, что это только начало.

Каша заварилась на годы – взбудоражилось немало галлов. Кто-то шел на римлян войной, кто-то в это время изъявлял покорность, а потом неожиданно восставал. Был разбит, подвергался репрессиям, вымаливал пощаду и опять восставал. Племен в Галлии много, и все они очень разные – поди разберись, от кого чего ждать.

* * *

Но Цезарь умел разбираться. Он чувствовал, кто надежен, кто нет (эдуи, ремы, лингоны считались штатными союзниками Рима). Находил, с кем и против кого объединиться. Умел карать и умел прощать.

Если племя сразу выказывало мирные намерения – его вожди принимались с почетом, права не ущемлялись: назначались необременительные налоги, племя обязывалось предоставлять вспомогательные отряды. Но если договор потом нарушался – отступники могли дорого за это поплатиться. Особенно когда в таком восстании проливалось много римской крови – в таких случаях Цезарь был если не беспощаден, то очень суров.

Племя адуатаков объявило, что прекращает борьбу, и обещалось сдать оружие. Но оружие не сдало, а однажды ночью напало на римлян из своего главного города. Однако те были начеку – охранная служба в римской армии всегда была на высоте, а у Цезаря тем более. После жаркой битвы 53 тысячи горожан были проданы с аукциона в рабство. Бывало и строже: простые пленники шли в рабство, а знатные на казнь. И не всегда можно было удерживать разъяренных солдат от поголовной резни побежденных.

Но в целом, по меркам своего времени, Цезарь вел войну довольно гуманно. *Clementia, miseri – cordial* – в русском переводе «милосердие» – было его лозунгом. Он умел понимать людей и мог быть терпимым к их слабостям. Самому ведь приходилось ужом изворачиваться в чащобе римской политики, а Цезарь, похоже, был из тех, кому свойственно не только повышенное самоутверждение, но и склонность к нравственному самоанализу. Наверное, поэтому он так успешно проводил политику «разделяй и властвуй»: он не был политиканом, не напяливал маски. А если когда и напяливал, то все равно действовал и «от души» тоже.

Но несравненный сердцевед Байрон в прекрасной стихотворной форме выразил мысль, что загляни в потемки людские – там чего только не насмотришься, будь это даже сам Цезарь. Любому человеку свойственно давать иногда волю своим потемкам. Уже позднее, при подавлении великого галльского восстания, один мятежный город оказал особенно яростное сопротивление и сдался, только когда подкопами были перекрыты все источники воды. И тут победитель позволил себе забыть о милосердии – всем, кто был способен держать оружие, отрубили руки. А потом отпустили на волю – для наглядной агитации.

Кельтский шлем

Цезарь не понимал, да и вряд ли мог понять, что нельзя с одними мерками подходить к обычаям разных народов. Как жили галлы? Неутихающая борьба всех против всех, что внутри племени, что вовне. Какие тут договоры, какое тут «международное право»... Если какое-то племя подчиняло себе другое, то налаживать с побежденными доверительные отношения и в мыслях не было: победитель благоразумно ожидал удара в спину и готовился к нему. Потому что сам в такой ситуации поступил бы точно так же.

И когда адуатаки пообещали Цезарю сдать оружие, но мало того, что не сдали, но еще и напали вероломно – немногие из галлов осудили их за это. Что такого особенного они сделали? Военная хитрость, не более того.

А вот в Риме уже существовали понятия о международном праве, и однажды с их мерками подошли к самому Цезарю. В тот раз он принял посланников от враждебного племени, но заподозрил, что они просто отвлекают внимание для внезапного удара – а потому напал сам (воспользовавшись, правда, каким-то заурядным предлогом). Но оказалось, что племя к нападению не готовилось и нападения не ожидало.

Скандал был громкий, и не где-нибудь, а в Риме. Недруги Цезаря распались до того, что даже стали требовать его ареста и выдачи потерпевшим «за нарушение законов божеских и людских», за нападение на противника во время переговоров. Ну, это они, конечно, так, сгоряча... Во славу победоносных деяний героя в Риме постоянно устраивались молебствия и празднества, доселе невиданные. В столицу мира поступала из Галлии огромная добыча, от щедрот триумвира перепало очень многим. Так что за хвалебными восклицаниями негодующий ропот быстро заглох.

А Цезарь затем и рвался в Галлию, и всегда помнил, зачем он туда рвался. Он должен был вернуться в Рим не просто щедрым демагогом, умеющим завоевывать симпатии толпы: вернуться должен был полководец, покрытый немеркнувшей славой великих побед, владелец несметных богатств – вот тогда и можно будет завести разговор по существу, кто в триумвирате главный, и вообще, не слишком ли это много – трое. Ради этого он действительно провоцировал порою войны, без которых можно было обойтись, но которые сулили богатую добычу.

* * *

Как полководец Цезарь был на высоте. Стремительные дальние марши, мгновенно принимаемые на поле боя спасительные и победоносные решения. Он, как никто, умел использовать главные преимущества римской армии – ее маневренность и согласованность действий. Один на один галлы, тем более германцы, могли и не уступать римским легионерам, а то и превосходили их, особенно в конном бою. Но легион был поделен на когорты, манипулы, центурии, которые умели действовать сообща, перестраиваться, менять направление удара, если придется – организованно отступать. Бойцы были приучены к взаимовыручке, обладали чувством локтя. В ближнем тылу обязательно были резервы, всегда готовые или усилить атаку, или прикрыть опасный участок. Ни у кого в мире не было боевой единицы, равной римскому легиону.

Особая статья – отношение Цезаря к солдатам. Сказать «он был строг, но справедлив» – верно, но мало. Он не утруждал, не дергал их без надобности – но когда надо, был неумолим. Легионеры постоянно укрепляли свой лагерь. Без передыху вели осадные работы: возводили валы, рыли подкопы, перекрывали реки плотинами. Прорубались сквозь дебри, шли по пояс в горных снегах, наводили мосты. А Цезарь был рядом, и при этом не барствовал, пока другие надрывались: мог ободрить приветом, призывом, шуткой, мог сам таскать камни. Обладая феноменальной памятью, знал по имени почти всех центурионов и многих старослужащих солдат.

В бою же, когда дело доходило до крайности, когда не было уже сил для решающего броска или когда казалось, что все потеряно – он сам кидался в рукопашную, вырвав щит у первого попавшегося легионера и умело орудуя мечом.

На награды не скупился. И все это не было, опять же, популистской игрой: Цезарь искренне заботился о своих солдатах и искренне любил их. Он называл их не воинами, а более проникновенно – соратниками. Когда во время восстания галлов был перебит большой римский отряд, он был охвачен неподдельным горем, стал отращивать бороду и поклялся, что не сбреет ее, пока не отомстит.

Зато и на солдат своих он мог положиться, как на каменную стену. Однажды, когда они совсем изнемогли при осадных работах, полководец обратился к ним: «Да хватит мучиться, давайте уйдем – прямо сейчас!». Как же, ушли – откуда только силы опять взялись. И ни одного случая не только бунта, но и серьезного возмущения не было за все десять лет галльских войн.

Слово Плутарху: «Он сам добровольно бросался навстречу любой опасности и не отказывался переносить какие угодно трудности... Всех поражало, как он переносил лишения, которые, казалось, превосходили его физические силы, ибо он был слабого телосложения, с белой кожей, страдал головными болями и падучей. Однако он не использовал свою болезненность как предлог для изнеженной жизни, но, сделав военную службу средством исцеления, старался беспрестанными переходами, скудным питанием, постоянным пребыванием под открытым небом и лишениями победить свою слабость и укрепить свое тело».

* * *

По ходу боевых действий Цезарь не раз пересекал Рейн и углублялся в германские земли. Для переправы через великую реку наводились мосты – инженерные сооружения, дотоле невиданные.

Дважды вторгался на Британские острова. Не из праздного любопытства – хотя и о нем не забывал, оставив нам довольно ценные записи, первые в своем роде. Британские кельты оказывали помощь своим континентальным собратьям. И на суше, и на море – они имели неплохой флот и использовали его против римлян.

Но, скорее всего, не это было главным «казус белли» – поводом к войне. Проконсула гнал через Ла-Манш нестерпимый зуд империалиста. Британия была известна как земля богатая, и не только своими плодами и скотом, но и сокровищами недр: железом, серебром, золотом. Ради этого стоило в короткое время построить большую флотилию и пуститься в плавание.

Экспедиции эти, правда, были малоуспешны. Победы одерживались, но не решающие. Бритты благоразумно переходили к партизанской войне, а противостоят им без четкого знания местности – у Цезаря хватило ума сообразить, что лучше не надо. Интервенты набивали трюмы добычей, забирали с собой многочисленных пленников, – и обратно. До лучших времен (наступят через сотню лет).

Великое галльское восстание

В начале 54 года до нашей эры казалось, что война окончена, дело сделано – Галлия смирилась с римским диктатом. Но кто-кто, а Цезарь, успевший нутром прочувствовать, где он и среди кого, отдавал себе отчет, насколько все шатко и какой малой искры достаточно, чтобы полыхнуло.

Широкие слои галльского общества не собирались мириться с новыми реалиями – казалось, с какой бы стати? Вот они-то не очень четко представляли себе, с кем имеют дело.

Опорой нарождающегося римского владычества были те «партии», группировки знати, которым самим выгодно было опереться на пришлую силу – для того, чтобы занять ведущее положение в своих племенах. И Цезарь умело применял весь свой политический талант: кого надо поддерживал, кого надо сталкивал лбами. Учитывал племенную специфику: где назначал «царей», где преобразовывал аристократическую верхушку в «сенат», где-то в фаворе оставались традиционные племенные вожди и их окружение. Для облегчения себе жизни использовал старинную практику галлов, когда племена послабее становились «клиентами» более сильных: такими опекунами были провозглашены, в частности, эдуи и ремы. Будет кому присмотреть – ведь это давнишние римские друзья.

В тревогах и заботах о завоеванных областях Цезарь всегда помнил о главном – о Риме. А там события разворачивались судьбоносные. Отбыв в 55 году до нашей эры совместный консулат с Помпеем, Красс отправился наместничать в Сирию. Там ему замерещились лавры Александра Македонского – он задумал покорить Парфянское царство. А следом на очереди и Бактрия, и Индия...

Но парфяне обошлись с завоевателями по-кутузовски. После успехов 54 года до нашей эры, когда был захвачен ряд городов, Красс отправился в новый поход, решающий, как он его планировал. С ним вместе во главе отряда всадников был сын – Публий Красс, имевший знаки отличия за доблесть в Галлии, где он воевал под началом Цезаря.

Парфяне привычно отступили в безводные месопотамские степи, Красс устремился вослед, радуясь завоеванным просторам – и оказался в ловушке. При Каррах его окружили тучи прекрасных наездников и стрелков из лука и принялись истреблять легионеров с безопасной дистанции. Красс-младший бросился было на них со своим отрядом, но легкой галльской кавалерии трудно было противостоять защищенным латами парфянам. В отчаянном порыве галлы соскакивали на землю, пропарывали животы вражеским коням – но это было предсмертной отвагой. Погиб и их командир.

Армии оставалось или бесславно умереть, или капитулировать. При переговорах о сдаче старый Красс был предательски убит. Из римлян мало кто уцелел – большинство тех, кто не попал в плен, погибли на обратном пути. А эллинистически образованный парфянский владыка во время пира, под чтение «Вакханок» Еврипида продемонстрировал восторженным придворным голову незадачливого покорителя Азии.

Положение Цезаря осложнилось. Раньше он был как бы связующим звеном между Крассом и Помпеем, которые часто конфликтовали. К тому же неожиданно скончалась его дочь Юлия, которая была замужем за Помпеем – ее искренне любили и отец, и муж, и, похоже, римский плебс.

Цезарь предложил Помпею в новые жены свою внучатую племянницу (сестру будущего императора Октавиана Августа), а сам вознамерился сочетаться с его дочерью. Но тот от такой комбинации отказался, и женой его стала дочь Квинта Метелла Сципиона, явного недруга Цезаря.

В 52 году до нашей эры еще неприятность. Интересы Цезаря в Риме эффективно отстаивал знатный римлянин, любимец римской толпы Клодий. Содружество это было с душ-

ком. Когда-то Клодий, переодевшись женщиной, проник в дом Цезаря на таинство в честь праздника Доброй Богини – ища встречи с его супругой Помпеей. Было судебное разбирательство по делу о святотатстве – мужчинам присутствовать на таинстве было категорически запрещено. Но Клодий был неожиданно оправдан. Пощадил его сам Цезарь, который имел уже большое влияние в Риме. Видимо, наметанным взглядом политика прикинул, что от прощенного ловеласа может быть большая польза. Вот супругу свою он не простил, хотя любил ее, а вины на ней никакой не было. «Жена Цезаря должна быть вне подозрений» – так мотивировал свою строгость супруг, и вот откуда пошла эта фраза, которую повторяют из века в век, когда надо и когда не надо.

Клодий же, действительно, стал преданно отстаивать интересы Цезаря и занимался этим около десяти лет. Даже перешел из разряда патрициев в плебеи – чтобы легче было сеять смуту. В тогдашнем Риме у каждой политической группировки или просто у влиятельных лиц были служащие им многочисленные оравы из клиентов, вольноотпущенников, рабов и прикормленной римской шпаны. Были такие и у сторонников монопольной власти «сильной руки», и у разномастных защитников одряхлевшей республики (к ним относились как ностальгирующие романтики, так и сделавшие свою ставку люди себе на уме). Эти банды постоянно устраивали между собой побоища на улицах Рима и имели немалый вес в расстановке политических сил. Клодий, бессовестный авантюрист и кумир черни, был в такой обстановке как рыба в воде, а для Цезаря человеком очень ценным. Но вдруг его убивают в случайной стычке.

* * *

И вот от таких важнейших забот Цезаря отвлекают дела поближе и пострашнее. Все-таки полыхнуло.

Первые искры полетели в 54 году до нашей эры. Тот год был неурожайный, и проконсул разместил свои легионы по всей Галлии – так им легче было прокормиться. Пятнадцать когорт (полтора легиона) были размещены в области абуронов (между Маасом и Рейном). Но только они обосновались в своем лагере – галлы совершили нападение. Римляне без труда отбили его. После этого к римским командирам Сабину и Коте пожаловал вождь племени Амбиорикс и заверил, что он здесь ни при чем, что он лично многим обязан Цезарю. Племя решилось на нападение без его ведома. И предупредил: скоро к восстанию присоединятся остальные галлы, и уже идут на подмогу германцы. Поэтому настоятельно посоветовал присоединиться к силам покрупнее.

И добился своего. На рассвете следующего дня войско выступило из лагеря растянутой колонной, отягченное огромным обозом – и стало легкой добычей галлов. Командиры погибли, немногие оставшиеся в живых попытались укрепиться в покинутом лагере. До ночи как-то продержались, но потом все до единого покончили с собой. Вот тогда-то Цезарь и поклялся не брить бороду.

Амбиорикс времени не терял – поднял другие племена. Был осажден в своем лагере легион, которым командовал Квинт Цицерон, брат знаменитого оратора. Но этот ни на какие уловки не поддался и сумел дать знать Цезарю о своем бедственном положении. Тот не заставил себя ждать, и с 7-тысячным отрядом умелыми действиями разгромил 60 тысяч галлов.

Цезарь напряг все свои дипломатические способности, все свое умение убеждать – лишь бы не допустить цепной реакции. Кому давал обещания, кого запугивал. И отдадим ему должное: он признавал, что случившегося стоило ожидать, что всему виной – тяжесть римского владычества. А ведь сурового ярма на галлов еще и не накладывали, это оно им с непривычки таким показалось.

* * *

Следующий, 53 год до нашей эры Цезарь решил начать с карательных экспедиций. Но в начале весны, по обыкновению, созвал в своей ставке общегалльский съезд. Увидев, что некоторые вожди племен не явились и, поняв, что это открытое неповиновение, перенес мероприятие в центр (географический) Галлии – в город паризиев Лютецию (Париж). Это племя в восстании не участвовало.

На съезде опять были уговоры и угрозы, после съезда опять были походы и битвы. Галлам приходили на помощь германцы, и римляне вновь навевались за Рейн по прекрасным, в несколько дней сооруженным мостам.

Примечательно: вторгнувшись в страну зачинщиков мятежа абуронов, Цезарь обратился ко всем соседним галльским общинам с призывом: приходите и грабьте. И пришли, охотно пришли. Опустошение было страшное. Абуроны вообще исчезли из истории.

На очередном съезде, который состоялся осенью в Дукорторе (Реймсе), было проведено следствие для выявления главных виновников возмущения, и один из них, Аккон, был подвергнут мучительной казни.

Вроде бы стало тише. Обеспечив запасы продовольствия для армии, Цезарь отправился на зиму в Верхнюю Италию (Цизальпийскую Галлию). Там он узнал, что сенат избрал Помпея консулом, наделив его чрезвычайными полномочиями: дал возможность провести набор военнообязанных по всей Италии. Цезарь немедленно набирает новые легионы в Провинции, но они ему потребовались не там, где он, возможно, предполагал. О творящемся в Риме прослышали и галлы, они решили, что Цезарю теперь не до них, он больше не вернется, и оживились. Они ошибались, и 52 год до нашей эры стал самым кровавым в галльской эпопее.

Началось в области карнаутов – духовном центре галлов, где каждый год собирались со всей Галлии друиды. В городе Ценабе (Орлеане) безжалостно перебили всех римских граждан.

К восстанию присоединилось племя арвернов. Это оказало на галлов особенно большое воздействие. Арверны были сильнее всех и богаче всех в южной Галлии, и до сих пор соблюдали верность Риму – так что их пример был заразителен. А главное – среди арвернов выдвинулся молодой вождь Верцингеториг.

Конечно, галльские имена очень трудны, но это стоит запомнить. Потому что его обладатель сумел поднять Галлию на общенациональное восстание, а не на мятеж разрозненных племен, пусть и одновременный (немецкий историк Моммзен высказал мысль, что как греки осознали свою национальную общность только во время нашествия персов, так и галлы впервые прониклись ею, восстав сообща под предводительством Верцингеторига). Это был и военный талант, соизмеримый с Цезарем. Вскоре его провозгласили царем.

Времени он не терял. Собрал силы двенадцати соседних общин и послал их на Провинцию, а сам отправился поднимать другие племена.

Но тут неожиданно-негаданно появляется Цезарь с армией, усиленной новыми легионами. Действует он не менее энергично, чем его соперник: сквозь казавшиеся непроходимыми горные снежные заносы пробивается на территорию его родного племени.

Там он долго не задерживается – слишком рискованно. Двигается на другие восставшие племена, и повсюду ему сопутствует успех. Ценаб (Орлеан), где были истреблены римские граждане, наказан жестоко: отдан солдатам на разграбление и подожжен.

И тогда Верцингеториг избирает новую стратегию войны. Надо избегать фронтальных сражений со стальными римскими когортами. На стороне галлов превосходство в коннице – поэтому успех надо искать в быстрых нападениях на небольшие отряды, занятые добычей

продовольствия и транспортировкой его. Лишить римлян снабжения, не давать им покоя частыми набегами, обескровливать в мелких стычках.

И надо приучать себя к мысли, что ради общего блага приходится жертвовать родным и близким. Если требуется, сжигать свои села и даже города – чтобы они не стали приютом и опорными пунктами для римлян.

Все это похоже на ту партизанскую войну, которую за Ла-Маншем вели против Цезаря бритты. Но Верцингеториг сумел перенять у римлян еще и тактику использования быстро возводимых и хорошо укрепленных лагерей.

Галльские вожди одобрили его план. В один день запылало двадцать селений и городов племени битуригов. Но свою красоту и гордость, город Аварику (Бурж) битуриги смогли отмотить: это был один из прекраснейших и богатейших городов во всей Галлии. Пообещали, что никогда не сдадут его врагу.

Вскоре предоставилась возможность проверить силу этой клятвы – Цезарь осадил город. Осада действительно давалась римлянам очень тяжело. Солдаты надрывались, ведя осадные работы в болотистой местности. Верцингеториг все время был рядом, его летучие отряды тревожили постоянно.

Но в ход пошли все достижения римской инженерной мысли: валы, крытые галереи, подвижные башни, метательные машины. Осажденные попытались избавиться от этой угрозы внезапной ночной вылазкой, но были отбиты, хотя сражение продолжалось до самого утра. Положение становилось безнадежным.

Цезарь решил на штурм. Город был взят, и пощады от ворвавшихся солдат не было никому – ни женщинам, ни старикам, ни детям. Из сорока тысяч жителей несчастного города в живых осталось не более пятисот.

Но восстание после этого не пошло на убыль, напротив – еще больше разгорелось. И авторитет Верцингеторига после произошедшей трагедии только возрос: галлы убедились в превосходстве его замысла над стратегией больших сражений.

Цезаря ждал еще один неприятный сюрприз: стала назревать гражданская война внутри племени эдуев, вернейших римских союзников. Даже в Провинции стало неспокойно. В поисках дополнительных сил проконсул послал гонцов за Рейн, к недавно подчиненным германским племенам, с просьбой прислать конные отряды и легкую пехоту. И германцы не преминули поспешить на запах крови.

* * *

Развязка наступила у города Алезии, расположенного на высоком холме. Верцингеториг, решившийся оборонять город, расположил свое войско не только внутри стен, но и вокруг холма. Недавно в подобной ситуации он добился успеха у Герговии – там римляне вынуждены были отступить.

Подошедшие легионы стали возводить линию осадных укреплений длиной в 17 километров. Галлы мешали работам налетами своей конницы, и однажды развернулось большое кавалерийское сражение. Уже не в первый раз успех римлянам принесли германские всадники – бой с ними галлам был не по плечу.

Верцингеториг принял смелое решение – отослал своих конных воинов, чтобы они разнесли по всей Галлии призыв идти на выручку осажденному городу. Поведавать, что у запертой там 80-тысячной армии припасов осталось всего на месяц, а если она погибнет – это будет всеобщей катастрофой. Съезд вождей разослал по всем общинам разнарядки, кому сколько воинов выставить. Предполагалось, что прибудет, по крайней мере, 250 тысяч человек.

Но Цезарь, узнав об этом, тоже принимает необычное решение: приказывает возводить 20-километровую внешнюю линию обороны – от угрожающего извне ополчения.

В Алезии, действительно, скоро подошли к концу припасы, начинался голод. На военном совете прозвучало страшное предложение: употребить на пропитание защитников всех негодных к обороне. Но большинству это пришлось не по душе, было принято более мягкое решение: лишних отправить из города.

И вот огромная толпа исхудавших горожан, не так давно предоставивших свои родные дома для общего дела, двинулась к римским траншеям. Они умоляли обратить их в рабов – только бы накормили. Но Цезарь был неумолим и всех отправил обратно.

Наконец, стеклась в достаточном количестве общегалльская рать. Защитники воспряли духом. Дважды римляне были с жаром атакованы с двух сторон, из города и извне, но выстояли.

Третье сражение было решающим – соперники понимали, что на кону все, пан или пропал. Напор галлов был отчаянным, Цезарь сам ринулся в рубку в пурпурном плаще во главе конных когорт. Чаши весов трепетали, и тут пришло подкрепление – но не к галлам, а к римлянам.

Победа была полная. Положение осажденных стало безвыходным, напиравшее извне ополчение стало разбредаться – оно было слишком разноплеменным, а потому не очень стойким.

На следующий день последовала капитуляция. Верцингеториг в своих лучших доспехах, на нарядно убранном коне объехал вокруг возвышения, на котором восседал Цезарь, сорвал с себя вооружение и сел у его ног.

* * *

Что ожидало его? Шесть лет заключения в сырой римской тюрьме, в горьком ожидании, пока Цезарь наконец удосужится отпраздновать свой триумф.

О, это будет невиданное зрелище! Цезарь справлял подряд четыре триумфа: Галльский, Александрийский, Понтийский и Африканский. Его колесница ехала в сопровождении сорока огромных слонов, на повозках везли груды золота и тысячи золотых венков, горы других сокровищ, убранство из драгоценных пород дерева, слоновой кости, черепахового рога.

Триумфатора сопровождали верные соратники – его солдаты. Они, по обычаю, распевали веселые насмешливые песенки: «Эй, римляне, прячьте жен! Мы везем плешивого бабника!». Герой дня действительно всю жизнь был падок на любовные утехы, и взаимностью ему отвечали многие римские матроны – даже Муттия, жена Гнея Помпея. Этого стыдиться не стоило. Но из рядов ветеранов звучало и довольно обидное: намеки на давнее знакомство с армянским царем Никомедом, у которого, по упорным слухам, совсем еще юный Юлий выполнял роль... царицы, что ли. Цезарь всегда ожесточенно клялся, что ничего такого не было, но ему почему-то не верили. Когда он получил проконсульство в Галлии и на радостях расхвастался в сенате, что теперь он обретет вожделенную силу и всех своих врагов оседляет, кто-то отпустил злую реплику, что для женщины это нелегко. Цезарь на этот раз не стал огрызаться, а отшутился: в Сирии со славой правила Семирамида, а амазонки владели немалой частью Азии. Да, впрочем, в те времена к таким юношеским грешкам относились куда спокойнее, чем в христианские Средние века и даже спокойнее, чем в нашем третьем тысячелетии.

А в конце триумфа, по давно заведенному протоколу мероприятия, полагалось казнить пленных вражеских царей и вождей. По сути, это было жертвоприношение римским богам,

и ради этого поверженные владыки и сидели годами в темнице, а теперь шли прикованные к колеснице победителя. Вот что ждало Верцингеторига.

* * *

Но до этого еще шесть лет. После победы при Алезии Цезарь принялся за окончательное умиротворение новой римской провинции. Это было делом не простым, и растянулось оно на два года.

Верный своему принципу милосердия, Цезарь не стал сурово наказывать даже арвернов, родное племя Верцингеторига. Напротив, он хоть и взял от них знатных заложников, но зато вернул 20 тысяч пленников и разрешил самоуправление.

Трудно пришлось с племенами белгов, особенно с белловаками. Во всеобщем восстании они не участвовали, потому что считали, что объединяться с кем-либо – ниже их достоинства. Но теперь сами поднялись на борьбу во главе соседних племен, и даже кое-кто из германцев к ним примкнул. Цезарь все же одолел их всех и обошелся опять снисходительно. Вот только когда побежденные стали оправдываться, что весь спрос за мятеж с их вождя Коррея, который погиб в бою – заметил в ответ, что по себе знает, как легко все валить на мертвых. Но про себя рассудил, что хватит с них и того разгрома, который постиг их за время боевых действий.

А в завершение была упоминавшаяся уже дикая расправа с защитниками города Укселлодуна, которые очень упорно оборонялись и которым за это отрубили руки. Видно, у проконсула в пылу гнева промелькнуло, что милосердия проявлено уже более чем достаточно, можно и отдохнуть.

К 50 году до нашей эры Галлия практически успокоилась, ни о каких значительных волнениях упоминаний в источниках нет. В конце зимы Цезарь провел торжественный смотр всего своего войска – этим ставилась точка в долгой войне.

Если верить Плутарху, во время нее великому полководцу противостояло в разных битвах 3 миллиона человек. Миллион из них погиб, миллион был захвачен в плен (возможно, имеются в виду все войны Цезаря, а не только галльские. Но и в этом случае на долю галлов приходится львиная доля жертв). Было взято штурмом более 800 городов, покорено 300 народностей. Завоеванная территория составила 500 тысяч квадратных километров (почти площадь современной Франции).

Богатства захвачены были несметные. Цена золота по отношению к серебру в Риме упала на четверть. В армии-победительнице обогатились и офицеры, и солдаты, и, конечно же, сам проконсул. Светоний, писатель, впрочем, весьма ядовитый, отзываясь о его галльских делах так: он «опустошал капища и храмы богов, полные приношений, и разорял города чаще ради добычи, чем в наказание».

Теперь главной задачей стало устройство мирной жизни, включение «косматой» Галлии в общеримскую систему. Поначалу все завоеванные земли считались присоединенными к Нарбоннской Галлии – Провинции. Подход к разным племенам и общинам, как и во время войны, у Цезаря был строго индивидуальный. Он не собирался принудительно менять где-либо традиционную внутреннюю систему управления. Главное, чтобы «местные элиты» состояли из преданных Риму людей. Поначалу весьма терпимым было отношение к галльской религии и сословию друидов.

Три старых друга Рима: эдуи, ремы и лингоны стали пользоваться особыми правами (о их двусмысленном иногда поведении во время войны больше не вспоминали), они по-прежнему могли иметь «клиентов» из числа других племен. Остальные должны были выплачивать твердо установленный налог. В целом Трансальпийская Галлия первое время вносила

в римскую казну 40 млн. сестерциев ежегодно. Сумма весьма скромная, но что было взять с разоренной страны?

С.Л. Утченко: «Цезарь не создал, вернее, не успел создать в Галлии вполне законченной и стройной политико-административной системы, тем не менее, введенные им порядки оказались чрезвычайно устойчивыми и вполне реалистичными. Это доказывается хотя бы тем фактом, что, когда в Риме вспыхнула гражданская война и в Галлии почти не осталось римских войск, эта вновь завоеванная страна оказалась более верной Риму, чем некоторые провинции, казалось бы давно свыкшиеся с римским господством».

На новые земли сразу же нахлынули римские «капиталисты»: дельцы, торговцы, ростовщики. Это необычайно подхлестнуло деловую активность. Полным ходом пошел процесс романизации: как экономической (например, стали появляться латифундии – сначала римской, а потом и местной знати), так и культурной: в перспективе почти до полного забвения родного языка (его сменила латынь) и религии.

* * *

Цезарь не собирався надолго задерживаться в Галлии, да и проконсульские полномочия уже истекали. Он все чаще кидал взгляды за Альпы, на вожделенный Рим.

Там популярность его достигла высшей точки. Даже давний недруг Цицерон, – искренне уверенный, что это Цезарь в свое время упек его в изгнание, – изрек в одной из своих речей: «Могу ли я быть врагом тому, чьи письма, чья слава, чьи посланцы ежедневно поражают мой слух совершенно неизвестными доселе названиями племен, народностей, местностей?». Поэт Катулл, который, по словам самого Цезаря, заклеил его «вечным клеймом» как негодяя и похабника, под конец недолгой жизни стал величать галльского героя «знаменитым» и «славным».

Так что впереди – другие дороги. В 49 году до нашей эры жребий был брошен, двинувшиеся из Галлии легионы «перешли Рубикон» – маленькую речушку, которую сегодня не всякий автомобилист и заметит. Но тогда она была заповедной – через нее, лежащую по дороге на Рим, без особого постановления сената не имели права переходить войска.

Это стало началом гражданской войны, в которой Цезарь одолел Помпея, помпеянцев и сторонников республики. Потом диктаторская власть, новые завоевательные войны, не по возрасту африканские страсти с Клеопатрой. Великолепный четверной победный триумф, на который мы уже налюбовались.

А в 44 году до нашей эры один из величайших персонажей мировой истории пал под кинжалами заговорщиков в окровавленной тоге к подножию статуи погубленного им Помпея. В здании сената началась паника, и только к вечеру рабы положили тело убитого на носилки и понесли домой, и с носилок бессильно свесилась рука. Вот и последняя точка в беспримерной драме, самые славные и самые кровавые страницы которой были написаны в «косматой» Галлии.

Начало империи

Галлам предстояло теперь жить в PAX ROMANUM – «Римском мире», точнее – мире Римской империи. На ближайших страницах мы зачастую не будем выделять историю Галлии из истории империи. То, что творилось в Вечном городе – несколько столетий определяло и жизнь провинций. Рим, как мы видели, забирая, что считал положенным ему, никому не навязывал свой образ жизни. Но его античная культура была так соблазнительно-привлекательна, что действовала всепоглощающе. Авторы раннего средневековья зачастую совершенно не отделяют галлов от римлян (вернее, называют римлянами всех). Конечно, повсюду сохранялась специфика, и в Галлии она была сильна – но на политическом и социально-экономическом уровне значение ее было невелико. Рим нивелировал всех.

В PAX ROMANUM бывало и туговато. Галлам, как впоследствии жителям других завоеванных провинций, приходилось потесниться, чтобы было где разместиться римским лати-фундистам. Все больше внедрялось римское управление, все больше появлялось военных гарнизонов – а от чиновников и от военных всегда жди произвола и обиды.

Император Октавиан Август

Постоянно росли налоги. Шли они не только на имперские нужды – все более охочим до «хлеба и зрелищ» становился римский плебс. А как же, с возникновением империи (27 год до нашей эры) у него отняли всякое действенное участие в народоправстве (даже в хулиганских формах, как при поздней республике), оставив одни иллюзии. Главным способом выражения недовольства простого римского народа стал теперь громкий свист на трибунах цирка при появлении императора – это когда вдруг резко подскочили цены на хлеб. Правда, и этот свист дорогого стоил: власть имущие помнили, на что может быть способна эта толпа, а поэтому понимали, что хлеба и зрелищ у нее должно быть вдоволь. Египет потому всегда и находился под непосредственным управлением императорской администрации, что это была основная житница империи, снабжавшая зерном и Рим. Впрочем, до поры до времени большой приварок к бюджету давала военная добыча, так что налоги были терпимы.

Открывались новые возможности. Все больше галлов и германцев (последних особенно) могло поступить не только во вспомогательные войска, но и в легионы. Когда-то при-

вилегия и обязанность служить в них принадлежали исключительно римским гражданам (в старину считалось, что кто присутствует на народных собраниях, тот и становится в строй).

Но римская армия становилась все более профессиональной, а тут еще гражданские войны выкосили прежнюю основную питательную среду легионов: славящиеся выносливостью и отвагой италийские племена. Все эти родственные латинянам марсы, самниты, сабиняне понесли во время усобиц страшные потери. Воины Суллы за один только день перестреляли из луков на арене цирка 6 тысяч пленных самнитов, а сам диктатор успокаивал перепуганных душераздирающими криками, долетающими через окно, сенаторов: «Не беспокойтесь, это всего лишь наказывают кучку негодяев». В довершение и так обескровленное италийское крестьянство разорялось из-за конкуренции рабовладельческих латифундий (там за счет рабского труда собирали почти дармовой урожай) и из-за завоза дешевого хлеба из Египта.

Так что в легионы охотно стали брать уроженцев новых провинций (мы видели, как пополнял Цезарь свою армию в Нарбоннской Галлии). Привыкнув к суровой римской дисциплине, они становились отличными солдатами, – а прочих качеств им было не занимать, римляне в этом давно убедились. Наиболее способные и доблестные дослуживались до центурионов, а в перспективе и это был не предел.

Знатные галлы все чаще становились теперь не старейшинами, не племенными вождями, а магистратами по римскому образцу: привнесенное после Галльской войны городское самоуправление, сохраняющее в себе черты античного полиса, успешно прижилось и сохранялось до самого конца империи.

Но они поднимались и выше: в римскую администрацию, в том числе и в столичную. Со временем галльские аристократы стали занимать места даже в римском сенате (раньше всех, как мы помним, знать «своей» Галлии – «одетой в тогу», потом Нарбоннской, потом и «косматой» – когда таковой она оставалась только на злопыхательских языках римских старожил).

Провинциалам вполне по силам было сделать имперскую карьеру. Те из них, кто ставил перед собой такую цель, довольно органично подходили под новый общественно-психологический тип, складывающийся в Риме. Тип не гражданина, а подданного. Жители завоеванной провинции не несли в себе историческую память о славных временах республики, с ее народоправством и народными трибунами, когда очень веско звучало: «Не тронь меня – я римский гражданин». Когда «не из рук царя получали римляне милостыни, а консул получал из рук народа империй» (М.В. Алферова).

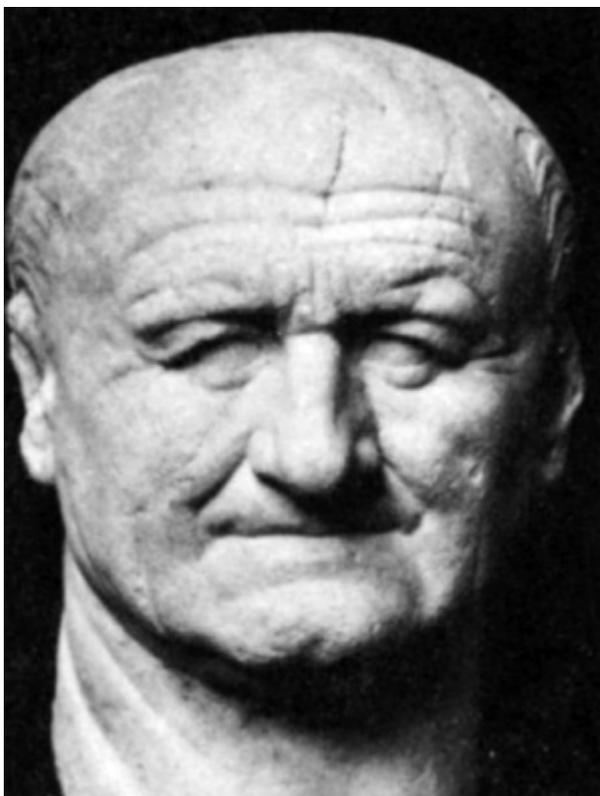
Им не надо было внутренне перестраиваться, чтобы стать старательными исполнителями воли вышестоящего бюрократа и верноподданными императора. Они думали о себе и о ближних своих, а не о высоких материях. Да так-то оно и внешне привлекательнее: перестроенные выглядят зачастую особенно гадко.

Вот сценка из времен императора Тиберия (правил в 14–37 гг. нашей эры). Выступает человек в сенате, говорит что-то дельное. И вдруг ему один из коллег в глаза: «Если ты такой говорливый да рассудительный, что ж ты все время помалкиваешь, когда мы Цезаря восхваляем?!» (Цезаря – в смысле Тиберия). И к вечеру нет человека. С конфискацией имущества, разумеется. А обличителю – положенный процент. В первое столетие империи таких мерзостей хватало – это потом они на время исчезли.

Впрочем, сенат был уже не тот. После гражданской резни уцелело не больше 30 знатных квирических родов (тех, что возводили свое происхождение к основанию города), и их представителей совсем немного было на скамьях этого славного учреждения. Занимался же сенат в лучшем случае тем, что доводил до ума проекты законов, присланные из канцелярии императора, и отслеживал их исполнение. Бюрократический орган, не более того.

* * *

Первый кризис империи произошел в 69 году – знаменитом «годе четырех императоров». А добавить еще несколько месяцев – императоров станет пять, и только один из них остался жить дальше. Первым всадил в себя кинжал, чтобы не попасть в лапы взбунтовавшихся преторианцев (личной охраны императора), «кровавый поэт» Нерон (перед смертью он успел изречь: «Какой великий артист умирает!»). Потом подобная участь одного за другим постигла еще троих. Легионы и преторианская гвардия впервые тогда вышли во всей зловещей красе на сцену римской политической жизни. Они были на ней и в эпоху гражданских войн, но тогда они преданно шли за своими харизматическими лидерами – полководцами, теперь же стали ощущать вкус собственного произвола, чинимого на самом высоком уровне. Сменившего Нерона Гальбу зарезали собственные преторианцы вскоре после того, как провозгласили императором: он не выплатил им вовремя награды, да еще и накричал грубо, когда они подняли бузу.

Император Веспасиан

Благо еще, что уцелевшим в том паноптикуме 69-го оказался волевой и авторитетный Веспасиан, прибывший во главе своих легионов из Иудеи, где был наместником. Человек уже пожилой, простонародный (его отец был сборщиком налогов в Галлии), в Гомерах и Платонах не начитанный, но основательный – со здравым умом и практической хваткой. От доносчиков отмахивался, даже от личной охраны отказался (помнил, что случилось с Гальбой).

Пришел к нему однажды молодой человек, весь расфуфыренный и надушенный, благодарить за назначение на выгодную должность. Старик недовольно повел носом, и выдал: «Лучше бы ты чесноку нажрался». Отобрал бумагу с назначением – и прогнал.

Это от него пошло «деньги не пахнут». Понастроил он по всему Риму очень комфортабельные отхожие места, но стал брать плату за пользование. Сын его Тит стал укорять отца

за скардность. А тот поднес ему к лицу монеты: «Что, пахнут чем?» – «Нет», – отвечает. – «А ведь эти деньги на мочке заработаны».

Так и считал он своим императорским предназначением: строить, зарабатывать, укреплять. Это он стал широко предоставлять права римского гражданина провинциалам. И в сенат провинциалы при нем попадали все чаще.

Тит, его старший сын, считался правителем милосердным – хоть и сурово поступил с восставшим Иерусалимом, при штурме которого сгорел дотла Иерусалимский храм (правда, не надо забывать, что в начале событий евреи перебили весь римский гарнизон, который обязались беспрепятственно пропустить).

Но Тит через два года правления скончался от какой-то болезни, а при его младшем брате Домициане наверху опять стало неуютно. Доносы, казни под надуманными предлогами, конфискации.

Золотой век империи

Домициан, что уже было не в новинку, плохо кончил – его зарезал собственный вольноотпущенник. Но после него наступил «золотой век Римской империи». Правление династии Антонинов, начавшееся в 97 году с Траяна и завершившееся в 192 году смертью Коммода. Которого, однако, к «золотому веку» можно отнести только с большими оговорками, это был «скорее гладиатор, чем император»: он из спортивного интереса 735 раз выходил на арену (отметим, что в его время гладиаторы все чаще были не рабами, а свободными людьми). Самым же славным из Антонинов был Марк Аврелий (отец Коммода), философ-стоик, оставивший нам свою замечательную книгу «Наедине с собою» – пожалуй, первую в жанре «исповеди души».

Если Траян еще вел большие завоевательные войны («колонна Траяна», украшающая Рим, воздвигнута в честь победы над даками), то его преемники целиком переключились на дела внутренние.

Антонины были людьми высококультурными, много создавшими (например, Адриан сам был неплохим архитектором) и заботившимися о благополучии своих подданных. Конечно, их тоже можно отнести к сложившейся уже имперской генерации правителей, с присущими им самовластными замашками. Обратился, например, к Траяну его друг, известный писатель Плиний Младший, с просьбой разрешить открыть в провинции, куда он был послан наместником, библиотеку. А император в ответном теплом письме как бы вскользь это дело запретил – ни к чему. Впрочем, по сравнению с тем, что было (и тем, что будет) – это сущие пустяки.

В эти десятилетия значительно улучшилась участь рабов. Тому были причины и объективные: с прекращением завоеваний резко сократился приток пленников, и рабы теперь были людьми, родившимися и выросшими среди прочих жителей империи, в той же культурной среде (не то, что многие из прежних, которые ни бе, ни ме по латыни). Хозяевам запретили убивать рабов «из прихоти» – под страхом изгнания или смертной казни. Стало наказываться и неоправданно жестокое обращение: одна римская матрона, мучившая своих служанок, отправилась на пять лет в ссылку. Рабынь нельзя стало продавать в публичные дома, рабов – в школы гладиаторов. Гладиаторские бои тоже стали уже не прежними кровавыми зрелищами: Марк Аврелий распорядился, чтобы бойцам выдавали только тупое оружие (иначе Коммод еще подумал бы – выходить ли так часто на арену).

Античный храм Дианы в Ниме

Владельцы крупных поместий все чаще отказывались от того, чтобы содержать невольников всем скопом, – как «говорящую скотину», – в полуподвальных казармах (эргастулах), откуда их рано утром выгоняли на работу плетью и палками с заостренными наконечниками. Теперь как в Италии, так и в провинциях предпочитали выделять рабам «пекулий» – надел земли и все необходимое для первоначального обзаведения. За это они отдавали значительную часть урожая и приплода. Раб мог обзавестись семьей, чего раньше не допускалось, и фактически превращался в крепостного.

Шел и встречный процесс – сходная участь все чаще постигала бедноту. Безземельные и малоземельные предпочитали переходить под господское покровительство, становясь колонами. А то и вынуждались: Римское право – Римским правом, а сильному обидеть слабого тогда было не труднее, чем сейчас.

* * *

В пору, когда империя перешла к стратегической обороне, острее встал вопрос о защите своих рубежей. Особенно на севере и северо-востоке: незамирные германские и кельтские племена постоянно тревожили Галлию и южную Германию своими набегами.

Развернулось строительство огромной оборонительной линии, которая была завершена (как казалось) и усовершенствована при Адриане в начале II века – «Адриановы валы».

Если идти с запада на восток, начиналась она в Британии, где проходила по границе нынешних Англии и Шотландии и защищала римские владения в Альбионе от пиктов и кельтских племен скоттов (предков нынешних шотландцев). На материке линия укреплений начиналась на побережье Северного моря и шла по рейнскому левобережью. От среднего течения Рейна она тянулась к Дунаю, защищая проживавших в междуречье замирных германцев от опасных собратьев. Дальше линия шла по правому берегу Дуная, а позднее была продолжена вдоль Карпат к самому Черному морю: и по сей час в Бессарабии показывают остатки «Трояновых валов», как их там называют.

Пятиметровой глубины рвы, земляные валы, высокие стены – где дубовые, где каменные; наблюдательные башни – это еще не все. Вдоль всей линии были построены крепости, в большинстве своем ставшие со временем торговыми и промышленными центрами. Целый букет разноязыких городов сегодняшней единой Европы уже тогда был звеньями мощной цепи укреплений: Колония Агриппина (Кельн), Могунтиак (Майнц), Аргенторат (Страсбург), Бонна (Бонн), Борметомаг (Вормс), Августа Тревиров (Трир), Августа Винделиков (Аугсбург), Виндобона (Вена), Аквинк (Будапешт), Сирмий (недалеко от Белграда).

За этой защитной стеной романизация Галлии пошла еще быстрее, образ жизни ее населения все больше приближался к италийскому. Храмы римских богов, общественные здания и дворцы возводились с использованием мраморных колонн и арок. Пролегли прямые, как стрела, знаменитые римские дороги, появились акведуки и канализация. Народ заполнял цирки и театры.

Знать и богачи тянулись за обосновавшимися в Галлии римскими латифундистами. На их виллах было на что посмотреть – от прекрасных античных статуй до ватерклозетов.

Галлия вышла, без преувеличения, на мировой рынок. Торговые связи Римской империи были огромны: достаточно сказать, что к 120 г. был налажен регулярный товарообмен с Китаем, а в 150 г. в Поднебесную прибыло римское посольство.

Соблазнов было много, и это стимулировало не только усиление эксплуатации низов, но и усложнение хозяйства и общественных отношений. Очень кстати пришлось римское право: в нем подробно и ясно были прописаны вопросы, связанные с имущественными отношениями.

* * *

Римский акведук в Галлии

В Галлии некоторое время довольно спокойно жилось и после «золотого века» Антонинов. В римских провинциях была налажена четкая система управления (в этом римляне были непревзойденными мастерами), и можно было жить, не очень интересуясь происходящим в столице империи. Что было обитателям Аквитании или берегов Секваны до дворцовых безобразий?

До того, например, что в течение нескольких лет на императорском троне пребывал душевнобольной юноша Элагабал. А парнишка был такой, что – вразнос. Он был пассивным гомосексуалистом и постоянно держал при себе возлюбленного из рабов. Мстя проти-

воположному полу за свою нетрадиционность, разъезжал на колеснице, запряженной обнаженными красавицами. В Сирии был найден метеорит, похожий на мужской половой член. Император возомнил, что это символ Солнечного Божества, и выстроил для него на римском холме Палатине огромный храм, себя же произвел в жрецы Солнца. Ради развития культа даже переступил через свои наклонности: женился на весталке (а их, бедных, когда-то за нарушение девственности в пещере замуровывали). Потом была разыграна мистерия, означавшая, что богиня Минерва «отдана в жены» этому с неба свалившемуся фаллосу.

Элагабал наверняка бы еще что-нибудь учудил, достойное упоминания, но его вместе с матерью прикончили преторианцы.

Натиск варваров. Кризис III века

Римляне были не из тех народов, которым свойственно успокаиваться. Они без всяких законов диалектики знали, что покой в нашем мире всегда относителен. А потому непрерывно укрепляли свой знаменитый оборонительный вал. Вдоль него была проложена широкая военная дорога для ускоренной переброски легионов.

Применялись и меры иного характера. Большинство земель в междуречье Рейна и Дуная были объявлены «императорскими вотчинами» и на них стали устраиваться колонии поселенцев. Туда приглашали малоимущих обитателей Галлии, селили захваченных во время восстания бриттов, туда просились многие германцы из-за вала. Все эти люди получали помощь, на десять лет освобождались от налогов, их наделы становились наследственными. Здесь происходил оживленный торговый и культурный обмен вчерашних варваров с жителями сопредельных внутренних территорий. Германцы «учились у римлян прививать плодовые деревья, сажать виноградную лозу, удобрять землю, устраивать большие мельницы, печь хлеб, возводить каменные постройки, употреблять в доме столы, скамьи и шкапы» (Р.Ю. Виппер).

* * *

Но не все за Рейном и Дунаем горели желанием приобщиться к такой идиллии. Первыми пришли в недоброе возбуждение восточные германцы, чьи земли лежали между Балтийским морем и Карпатами. Жажда завоеваний и наживы заставила их набраться решимости и презреть грозные римские преграды. Племена объединялись, выдвигали предводителей, военных вождей – герцогов или конунгов. Людей, как правило, знатных, прославленных боевыми подвигами. В случае успеха их титул мог стать пожизненным, а то и наследственным – так зарождалась королевская власть.

Первыми около 160 г. проломилась через дунайский заслон маркоманы. Позлодействовали в Норике (нынешней Австрии), в Паннонии (западной Венгрии), даже перевалили через Альпы и проникли в северную Италию. В конце концов римляне отбросили варваров, но на это ушло целых 15 лет, и Марк Аврелий написал большую часть своей прекрасной книги на походных привалах.

Империя встревожилась не на шутку. По Дунаю возвели стену наподобие китайской, в легионы были включены воины из германских пограничных отрядов.

Ничего не помогало. Следуя заразительному примеру, в наступление пошли западные германские племена. В 213 г. защитную линию преодолели алеманны (швабы) – они вторглись на ухоженные галльскими и германскими поселенцами земли между Рейном и Дунаем (французы до сих пор зовут алеманнами тех, кого мы называем немцами). Франки (обратите внимание на их появление!) со среднего Рейна проникли в Галлию. «К 260 г. римляне потеряли все свои владения на правом берегу Рейна, все, что они отняли у варварского мира со времени Траяна, что разработали при помощи цепкого труда колонистов, привлеченных из разных концов империи» (Р.Ю. Виппер).

Теперь уже можно было говорить скорее не о романизации, а о начавшемся противоположном процессе – варваризации римской окраины. Чтобы как-то приручить нахлынувших германцев, им разрешили селиться большими сообществами в пограничных областях. От этих незваных новоселов требовали лишь одного – чтобы они поставляли солдат в римскую армию.

Римляне времен упадка (Т. Кутюр)

Германцы все больше наводняли и глубинные районы, но уже не по своей воле. Началось с того, что Марк Аврелий раздал пленных маркоманнов латифундистам – как полуподневольных сельских рабочих. Таких «гастарбайтеров» становилось все больше, но к земле у них душа не лежала – искали любую возможность записаться в солдаты.

Главная слабость империи перед лицом внешнего врага – у ее защитников не было чувства патриотизма. Кто держал оборону? Легионы все больше наполнялись галлами и германцами, конница в еще большей мере была фессалийской и сирийской. Эти люди не были носителями «римского мифа» – исторического предания о славе предков. Скорее, они хоть и служили империи, но помнили о недавних обидах. И в современной им окружающей реальности они вряд ли могли найти почву для любви к своему новому отечеству. Солдаты же из природных римлян прониклись убеждением, что их услали на дальние границы по соображениям скорее политическим: чтобы такой беспокойный элемент не обретался около центров власти.

Что было делать – объявить всеобщую воинскую повинность? Правящее сословие этого боялось. С одной стороны, попробуй, вооружи плебеев, обучи их воинскому мастерству – глядишь, вскоре небо с овчинку покажется. С другой – люди состоятельные не хотели, чтобы в армию шли и их дети. Этого не хотели и многие из простонародья. Когда все же объявлялись массовые призывы – были случаи, что отцы отрубали пальцы своим сыновьям, лишь бы те не попали под славные знамена (настанет время, когда в строй погонят и калек, но это будет признаком последних времен). В общем, абсолютное большинство населения не хотело браться за оружие, да и не знало, как с ним обращаться. Люди куда охотнее отрезались от действительности, погружаясь в мистические религиозные культы, в большом количестве проникавшие с Востока. Что толку было ломиться в их души с официозной державной идеологией?

* * *

Под напором с разных сторон империя затрещала, и началось нечто кошмарное – то, что историки назвали «кризисом третьего века».

В Месопотамии эллинизированных парфян сменили персы, очень гордившиеся своей иранской чистотой крови («иран» – от «арья», «чистый»). Отсюда же «арии». Как видим, претендентов в самые чистые арийцы немало). Они сразу выказали намерение вновь создать азиатскую сверхдержаву, к которой не прочь были присоединить римские Малую Азию и Сирию.

На северо-востоке империи все настойчивее давали знать о себе готы.

Путь их туда был замысловатым. Во II в. эти восточногерманские племена совершили впечатляющий марш-бросок с берегов Вислы (куда они незадолго до того перебрались из Скандинавии) к северному Причерноморью. За ними увязались некоторые другие германские племена: герулы, лангобарды, вандалы, бургунды и прочие помельче. Обычно племя двигалось не всем скопом: в путь отправлялись те роды или общины, которые пожелали. Оставшиеся тоже долго на месте не задерживались, но могли двинуться совсем в другом направлении – поэтому иногда обнаруживаем одноименные сообщества в местах весьма отдаленных друг от друга. Большинство бургундов, например, с готами не пошли, а перебрались на берега Майна (в западной Германии). Мы их еще встретим – на этот раз в Галлии.

Кстати, то же самое можно было наблюдать и у славян. Так, потомков когда-то единого хорватского племени видим и на берегах Адриатического моря, и в Западной Украине (в нашем некорректном просторечии это «бендеровцы», а в более мягком восточно-украинском варианте – «захидные»). Склавены частью ушли к нижнему Дунаю и на Балканы, а другие под именем славян (словен) достигли Ильмень-озера и основали Новгород.

Есть предположение, что на среднем Днепре, примерно там, где теперь Киев, произошло разделение готов на две ветви: западную и восточную, на вестготов и остготов (согласно легенде, днепровская стремнина вдруг снесла наведенную переправу – поэтому они и разъединились. Но это по легенде – в действительности такие процессы могли растянуться на года).

В Причерноморье готы нашли общий язык с сарматами – кочевыми индоевропейскими племенами. Во всяком случае, свидетельств крупных столкновений нет. У них германцы заимствовали много полезного. По европейским меркам, готы считались неплохими всадниками, но рядом с сарматами они выглядели неумелыми учениками. Однако учились они прилежно, и вскоре освоили шпоры и седла (античность не знала их до самых последних своих веков). Без этой экипировки старинный наездник чувствовал себя отчасти акробатом, вынужденным постоянно думать о сохранении равновесия. Теперь же можно было позаимствовать и тяжелые сарматские доспехи – прототип рыцарских лат. Из оружия – мощный дальнобойный лук (предмет гордости всех степняков), длинный меч – благодаря ему сарматы восторжествовали над скифами.

Быстро освоились готы и с водной черноморской стихией: очевидно, были с ней на «ты» еще в скандинавскую эпоху своей истории. На небольших парусных судах стали разбойничать сначала по ближнему побережью, потом по всему Черному морю. Нашли себе верных соратников по этому промыслу среди некоторых славянских племен: у тех уже был опыт, и места знакомые.

* * *

И настало время всерьез побеспокоить Римскую империю. Позади Босфор, Мраморное море, Дарданеллы – и вот уже море Эгейское. Эллада, острова Великой Греции, богатейшие малоазитские города...

При императоре Валериане (правил в 253–260 гг.) готы на большом протяжении разгромили побережье Малой Азии – в то время как их пешие сородичи сообща с бургундами разоряли Фракию. При Галлиене (правил в 253–268 гг.) добрались до Афин, Спарты, Коринфа. При захвате Эфеса спалили прекрасный храм Артемиды, одно из семи чудес света. В него уже пускал красного петуха за шесть веков до этого небезызвестный выродок Герострат – но греки отстроили святилище в прежней красе. И вот новых принесло богомольцев...

Возможно, именно во время этих походов готы первыми из германцев приняли христианство. С сутью новой веры их познакомили пленные греки, и они приобщались к ней, но не в ортодоксальной (православной, или католической – тогда это было одно и то же) форме, а в арианской.

Арианство позднее было признано ересью – по его догматам, Иисус Христос родился простым человеком, и лишь позже на Него за праведность сошла благодать Божья. Но при их уровне посвященности – готам, вчерашним язычникам, где было рассуждать о тайне богочеловеческой природы Спасителя, нераздельной и неслиянной? Что услышали, тому и поверили, а кто учил – с того и спрос.

* * *

Еще раньше готы в союзе с другими германскими племенами и сарматами – аланами все ожесточенней стали вторгаться со стороны нижнего Дуная в Дакию и на Балканы. Были и другие инициаторы вторжений – кто угодно мог отправиться в набег и за компанию, и сам по себе. Жителям и защитникам тех областей империи некогда было разбираться в таких деталях. В их глазах складывалась одна огненная картина страшного нашествия.

В 240 г. имперские войска были разгромлены под Филиппополем (ныне Пловдив в Болгарии), варвары захватили Фессалонику (греческие Салоники).

Потом новый акт трагедии. Немолодой уже император Деций (правил 249–251 гг.) собрал все наличные силы, чтобы дать отпор нашествию. Он детально продумал широкий план действий, начал уже его осуществлять: перекрыл готам пути отхода в степь. Но те обрушились на римскую армию внезапно, и Деций стал первым императором, погибшим в бою с варварами – в сражении при Абритте.

В самом его начале был убит его сын – стрела поразила юношу в глаз. Это было дурное предзнаменование, но полководец, преодолевая свои чувства, успокаивал воинов: это всего лишь его личное горе, не стоит обращать внимания. Но битва была проиграна, император Деций погиб – вероятно, утонул в болоте.

* * *

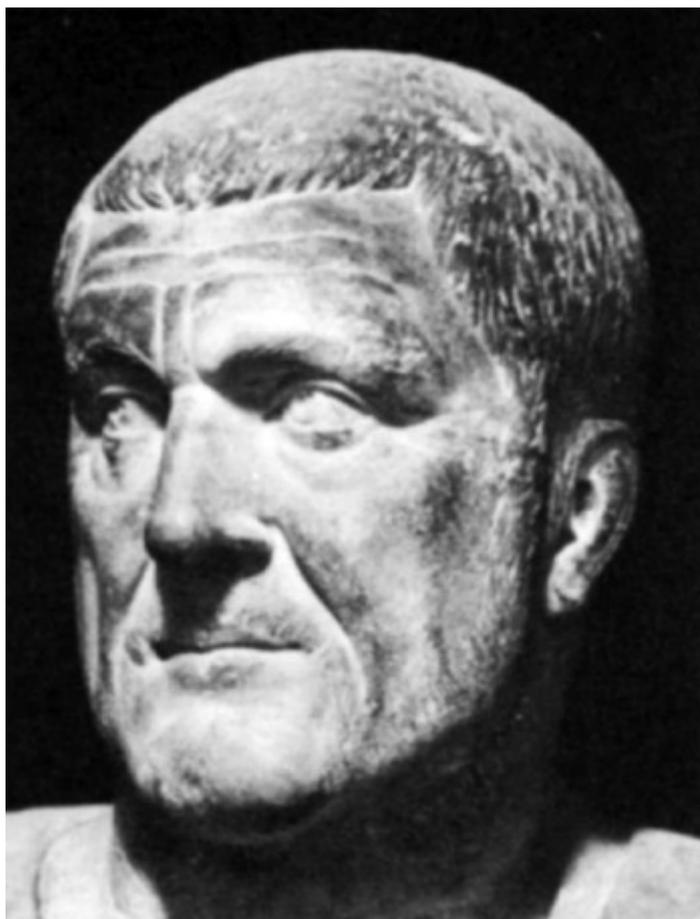
На севере империи – новое нападение алеманнов и франков. Жестоко разорена Галлия, потом Испания. Алеманны вторглись и в Италию, но император Галлиен разбил их при Медиолане (Милане) в 258 г.

Дальнейшее не будем разбирать подробно. Так продолжалось непрерывно, из года в год, на всех фронтах. Были оставлены дунайские провинции, даже Галлия долгое время оставалась в полной изоляции: там местная власть и военные командиры образовали «Галльскую империю», просуществовавшую 15 лет (259–274 гг.).

В осажденном лагере под названием Римская империя творилось что-то сумбурное и страшное – как она выстояла в тот раз, просто непонятно. Легионы, во всеоружии своей несравненной выучки и солдатской спайки, не забывали о своей профессиональной воинской чести и бились во всех областях империи, защищая их. То терпели поражения, то одерживали победы. Но они уже не думали об империи как о каком-то сообществе ее граждан. Им совершенно было наплевать и на сенат, и на кого угодно – они уверились, что теперь они и есть высшая власть. Набранные преимущественно из воинственных приграничных племен и народов – из германцев, дакийцев, армян, малоазиатских исавров, арабов, мавританцев – римской армией они были только по названию.

Кого там считают нужным видеть на верху имперской пирамиды столичные заправилы – какое до этого дело. Солдаты сами провозглашали своего полководца или другого подходящего ставленника императором, – а прежнего властителя безжалостно устранили. И если где-то объявлялся конкурент, точно так же поднятый на щит их собратьями по оружию – немедленно бросались в междоусобную битву, забыв о своей зоне ответственности на границе. Рядовые бойцы разбитой армии еще имели шанс встать в новый строй под насмешки победителей, ее предводитель – никогда, его ждала неминуемая смерть. Но и для восторжествовавшего повелителя – если вдруг оказывался не люб, если не награждал вовремя своих верных воинов или еще чем не угождал им – дни были сочтены.

Кто только не обряжался тогда в пурпурный плащ императора. В 235 г. государство возглавил Максимин Фракиец. Личность уникальная хотя бы по внешним данным. Рост два сорок, на большом пальце носил как перстень браслет жены. Соответственно – чудовищная сила, вдобавок – неукротимый вспыльчивый нрав. Уроженец фракийской деревни, начинал простым солдатом. Человек смысленный, но не то слово, что малограмотный – он плохо даже понимал по латыни. Ненавидел сенат (который, в конце концов, объявил его вне закона), ненавидел аристократов – безжалостно казнил их или обирал до полушки. Полководцем был неплохим – но какой из него правитель? Деньги на свои нужды, на жалованье легионам добывал ограблением храмов и городов: мог выгрести из городской казны последнее, то, что было припасено на хлеб для несчастных жителей. Убили же его вместе с сыном собственные солдаты, недовольные климатом той местности, где им пришлось вести долгую осаду вставшего на сторону сената города.

Император Максимин Фракиец

Побывал в императорах Филипп Араб (правил в 244–249 гг.), сын арабского шейха. Девятнадцатилетний император Гордиан назначил его командовать войсками, но у коварного араба было свое на уме: он знал, чем привести в возбуждение солдат и куда направить их гнев. Приказал перебросить хлебные припасы подальше от пути следования армии, а внутри ее развел агитацию: мол, чего ждать хорошего, если император – мальчишка. Мальчишка сам по себе был человеком неплохим, и из него мог выйти толк – но его свергли, а водрузившийся на его место Филипп приказал вскоре его убить. Сенату же отправил донесение, что юноша сам неожиданно скончался, и предложил его обожествить.

Император Филипп Араб

Филиппа хватило на 5 лет – по тому времени немало, ведь за 35 лет сменилось 11 императоров, не считая еще большего числа правивших «параллельно». Но опять солдатский бунт, и не стало Филиппа, его сына тоже.

После гибели в бою с готами Деция довелось поправить пару лет и уроженцу Галлии – Требониану Галлу (251–253 гг.). Правил неудачно: военные поражения, а тут еще чума. И этого убили собственные солдаты. По закрепившейся уже традиции мятежей – опять вместе с сыном.

* * *

Все вышеприведенное – случайные фрагменты тогдашней военно-политической жизни. А каково приходилось при всем при этом мирным жителям империи? Страшно подумать. Вот что рассказывают немногие дошедшие до нас свидетельства.

Торговля замерла, лишь на местных рынках шел какой-то товарообмен. Образ жизни людей стал примитивным донельзя. Главной заботой горожан было обеспечение обороны при внезапном нападении. А напасть мог кто угодно, хотя бы проходящий мимо легион

– чтобы пополнить походную казну. Мрамор, порфир роскошных дворцов и театров шел на укрепление стен. Водопроводы забросили. Какая уж тут культурная жизнь, люди знали только насущные заботы и страхи сегодняшнего дня. Библиотеки, книги, школы, произведения искусства – все это стало ни к чему.

Галльский город Бурдигала (чудом доживший до того, чтобы стать Бордо) после очередного разгрома кое-как отстроился из собственных развалин и стал меньше в пять раз. А бывало и такое: все уцелевшее население переселялось на арену городского амфитеатра или цирка, возведенного в прежние счастливые времена. Его стены превращались в крепостные, а на арене и на трибунах наскоро возводились какие-то лачуги, в которых и теплилась жизнь.

Большинство полей было заброшено, крестьяне, чтобы как-то спастись от голодной смерти, нищенствовали или сбивались в разбойничьи шайки. Но такие способы добычи спасительными оказывались не для всех, и от голода и болезней мерло народу больше, чем от военных погромов.

Доминат – твердая власть на пепелище

Империя все-таки устояла – ей было отмерено еще два столетия. И не все они были агонией, такой длительной муки никакой народ не выдержит.

Около 270 г. появились признаки некоторой стабилизации. Победоносный полководец Аврелиан (правил в 270–275 гг.) отбил-таки варваров от большей части провинций, вернул в лоно империи Галлию и Сирию. «Восстановитель Вселенной» – таким титулом сопровождался его портрет на отчеканенных тогда монетах.

Уроженец придунайской Иллирии, живший во время жестокой борьбы, время всеобщего огрубления нравов – он был чужд условностей и культурной утонченности прежних веков. Он мыслил понятиями громкими и яркими. Звание принцепса (вроде как «первенствующего», президента), – реликт республиканских времен, долгое время служивший синонимом «императора», – ему не годилось. Новый повелитель нарекся «владыкой и богом»: «dominus et deus». Поэтому начавшая складываться при нем система власти получила название домината.

Аврелиан облачался в сияющие бриллиантами и жемчугом одеяния сказочных восточных царей, носил золотую корону в виде солнца с расходящимися лучами. Он и верховным божеством объявил Непобедимое Солнце, почитавшееся до этого только в Сирии (за исключением краткого правления полоумной памяти Элагабала) – теперь огромный храм возводился в Риме.

При нем его не достроили, и неизвестно, довели или нет до конца вообще – восстановитель вселенной опять-таки стал жертвой армейского заговора. Но массивные крепостные стены вокруг Рима, тоже начатые при нем, завершили.

Потом – снова, как бы по инерции, чередка недолговечных императоров: то довольно удачно отбивающих варваров, то гибнущих или от рук собственных на что-то обидевшихся солдат, или в схватке с заждавшимся очередным соискателем.

* * *

И вот, наконец, в 284 г. утверждается сын вольноотпущенника Диоклетиан, иллирийский земляк Аврелиана и продолжатель его дела. Утверждается всерьез и надолго (правил в 284–305, жил в 243–313 или 316: можно сказать, долгожитель той эпохи). Мнение о своей персоне имел не меньшее, чем Аврелиан, – нарек себя «воплощенным богом». Завел, на манер персидского царя, земные поклоны, на тот же манер было и одеяние владыки.

Военный командир до мозга костей, он и всю жизнь империи обустроил по привычным ему понятиям. Теперь смысл существования державы и ее обитателей был прост, как параграф устава: поддержание стратегических дорог и крепостей, снаряжение легионов всем необходимым для войны и быта, продовольствование армии и обеспечение ее фуражом.

Проведенная налоговая реформа тоже была уникальна по своей мудрой простоте. Ее творцы всякими финансовыми прикидками утруждать себя не стали. Был исчислен в натуральном выражении размер пайка, потребного каждому солдату. Сколько хлеба, мяса, соли, вина, оливкового масла и прочего необходимо рядовому воину, чтобы в его здоровом теле был здоровый (в смысле боевой) дух. Для лошадей и прочего войскового скота тоже определили размер довольствия.

С должностными окладами вышестоящих военнослужащих тоже не мудрили. По мере продвижения человека по служебной лестнице росло число отпускаемых ему пайков. Со всей имперской чиновной бюрократией поступили точно так же, только им вместо военной

амуниции положены были гражданская одежда, столовое серебро, посуда – все в строго определенном количестве.

Просуммировав, получили расходные статьи этого натурального бюджета. А приход должны были обеспечивать все жители империи, которые не военные и не чиновники. Единицей налогообложения стала «голова» – *caput* (от этого слова наша капуста). Но не просто голова живого человека, не личность, а то количество акров пашни, виноградников или пастбищ, которое было посильно обработать или производительно использовать некоему абстрактному носителю головы. По всей империи составили кадастр недвижимого имущества, причем не абы как: земли были разбиты на категории согласно их качеству. Так что чем большим количеством земли владел человек, тем он оказывался многоглавее. Кроме того, натуральным налогом обложили рабов и рабочую скотину – но тут уж за голову принимали то, что реально болтается на плечах. Аналогично поступили с горожанами – купцами, ремесленниками, лавочниками.

Чтобы сбор продуктов и изделий шел оперативнее и проще было вести складской учет – прежние провинции разделили на множество административных округов (отчего еще больше расплодилось чиновная братия).

Базовые величины каждые пять лет пересматривались, в связи с чем издавались специальные императорские эдикты, и все подъяремное население великой державы с ужасом ожидало их появления.

* * *

В своем отношении к религии Диоклетиан тоже был верен себе. Она должна быть сцепляющей силой, а потому предпочтительно, чтобы она была традиционной и единообразной. Но некоторое затруднение было в том, что сам император в вопросах духовных разбирался неважно, он только слепо верил всяким предсказателям и гадалкам. Однако такие учения, как манихейство и христианство, однозначно претили ему своим отрицанием старых языческих богов. С манихеями, как выходцами из постоянно враждебной Персии, повелитель разобрался круто: религию запретил, ее проповедников сожгли вместе с их священными книгами. С христианами было сложнее: общины их существовали уже давно, отличались сплоченностью и налаженными взаимосвязями. В склонности к бунту не замечены, в армии служат исправно.

Но повод для репрессий вскоре нашелся, и вызван он был суеверностью императора. В целях обеспечения классового мира в подвластной ему империи он издал «закон о максимуме» – о предельных ценах на основные продукты потребления. И тут-то ему нагадали, что успеху нововведения будут препятствовать крестные знамения, которыми осеняют себя христиане.

Устрашенный и разгневанный Диоклетиан издал три эдикта. Согласно первому, христиане не могли находиться на государственной службе, подлежали разрушению их молитвенные дома, уничтожались книги, рабы-христиане не могли быть отпущены на свободу. По второму эдикту священники подлежали аресту, а по третьему все остальные церковные служители (клирики) под страхом мучительной казни должны были принести жертвы языческим богам.

Начать решили с восточной столицы империи, Никомедии, где обосновался тогда Домициан. Там торжественно сровняли с землей большое здание христианских собраний. Так случилось, что сразу вслед за этим в императорском дворце случился пожар, а в Сирии вспыхнуло восстание. Суеверному владыке не составило труда установить причинно-следственные связи, и епископ Никомедии был обезглавлен, а многие не покорившиеся указу христиане брошены в огонь. Террор пошел вширь по всей империи.

С тех пор церковь постоянно прославляет память святых мучеников, жертв «диокле-тиановых гонений». Но не все оказались твердыми до конца: многие, не выдержав пыток или под страхом мучительной казни, отрекались от веры, совершали требуемое идолослужение (жертвоприношение). Были и такие, что давали взятки чиновникам, а те ложно свидетельствовали факт свершения обряда. Но непреложно и обратное: в тех сумерках, которые воцарились над подвластной Диоклетиану землей, у людей все чаще возникало стремление обрести истинную жизнь на небе. Множество верующих бесстрашно шло на казнь, и все больше становилось христиан в империи.

Почему Никомедия оказалась восточной столицей империи – разговор особый. Доминат замыслился как система власти, доселе невиданная. Сохраняя свое несомненное первенство, Диоклетиан выбрал себе в соправители такого же, как и сам, «человека из народа»: крестьянина по рождению Максимиана, довольно успешного полководца. Оба верховных владыки титуловались «августами», себе в помощники и «на смену» назначили правителей рангом пониже – «цезарей». Ими стали Констанций Хлор («Бледнолицый») и Галерий – бывший дакийский пастух.

Империя была разделена на четыре части – опять же, по соображениям в первую очередь военным: чтобы каждую из опасных границ – рейнскую, верхнедунайскую, нижнедунайскую и евфратскую, – опекал один из государей. Одной из столиц и стала Никомедия.

В 305 г. Диоклетиан оставил власть и удалился в свое роскошное имение на берегу Адриатики. Где мирно выращивал цветы и овощи, и где почил своею смертью.

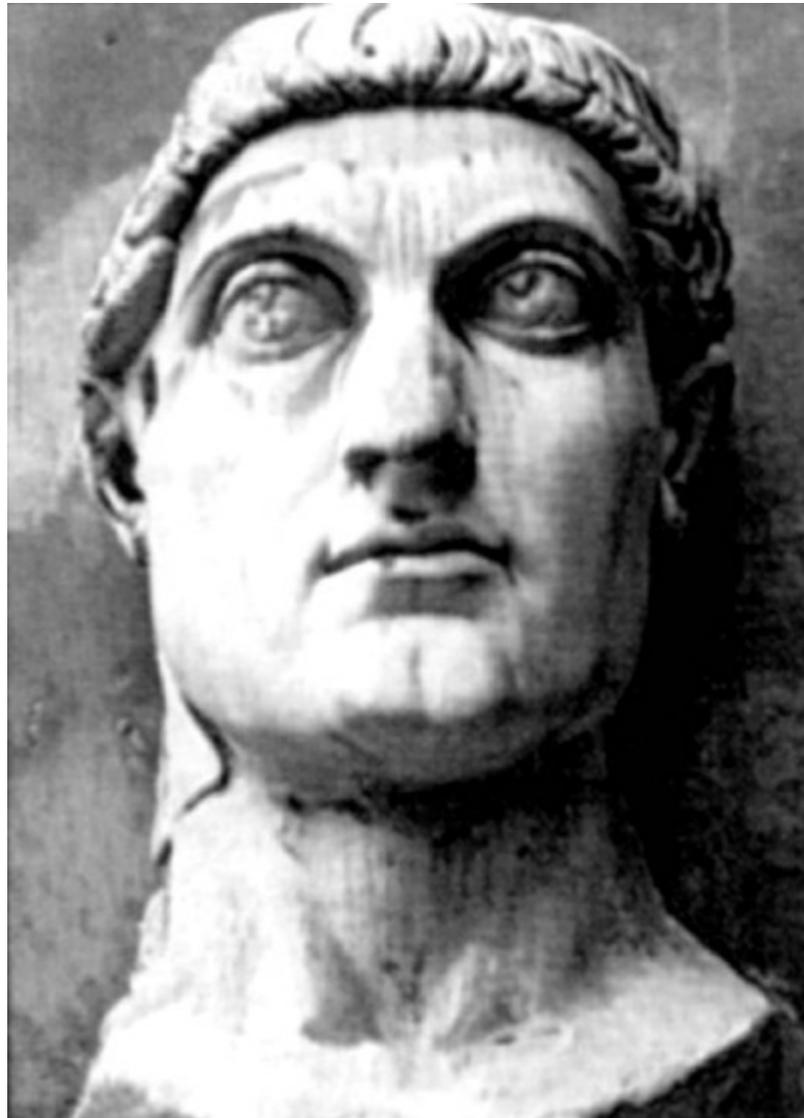
По ранее составленному плану, уйти на заслуженный покой полагалось и Максимиану, а имперские бразды правления должны были перейти к теперь уже августам Констанцию и Галерию. Но поначалу вроде бы так и сделав, Максимиан вскоре передумал следовать примеру старшего товарища. Он снова стал претендовать на верховную власть.

Константин Великий

В 306 г. умирает Констанций Хлор. Его легионы провозглашают новым цезарем сына покойного, двадцатилетнего Константина (285–337 гг., правил в 306–337 гг.). Молодой человек быстро проявил свои полководческие способности, отбросив обратно за Рейн сунувшихся было в Галлию алеманнов и франков.

Константин установил теплые отношения с Максимианом, женился на его дочери Фаусте, а тот произвел его в августы. И тут Константин узнает, что тесть неустанно подбивает против него его же собственных солдат. Дальше больше – поднимает бунт. Верный сын своего времени, свежеепеченный август не раздумывал: отдал соответствующие распоряжения, и его жена осиротела.

В 311 г. умирает Галерий, а напоследок дает Константину добрый совет: предоставить христианам свободу вероисповедания. Что тот и сделал, и чем дальше, тем чаще искал опору в церкви. Однако сам стал христианином только перед самой смертью.

Голова колоссальной статуи Константина Великого.

Что-то определенное сказать о его религиозных взглядах трудно. Скорее всего, бог представлялся ему, как Аврелиану: в ослепительном образе Солнца Непобедимого. Про-

цитируем Р.Ю. Виппера: «Великан ростом и силач, совершенно необразованный и суеверный, он считал себя избранным орудием, воздвигнутым для того, чтобы истреблять врагов истинного бога и установить на земле его царство. Однажды он велел изобразить себя на стене дворца в виде солнечного богатыря, пронзающего чудовищного дракона тьмы. Солнце Непобедимое сливалось у него с образом Христа, а христианские символы он считал самым верным чудодейственным средством. На своем шлеме он укрепил в качестве амулета, защищающего от ударов, монограмму Христа, в свою диадему вделал железный обруч из найденного в Иерусалиме креста Распятия Спасителя».

Несомненно, огромное влияние на императора оказывала его мать Елена (ок. 255–327 гг.). Христианка, это она отправилась в Иерусалим и чудесным образом обрела там Честной животворящий крест Распятия Спасителя. Да и отец августа Констанций всю жизнь был терпим к христианам.

Но что касается представлений о догматике христианской церкви... Один епископ, строгий ревнитель веры, стал излагать ему воззрение секты ноавитян, к которой принадлежал, о том, что и после принятия крещения тяжкие грехи человеку не может простить даже церковь. Обдумав услышанное, великан посоветовал: «Ну, тогда приставляй лестницу к небу и полезай один. Кроме тебя никому туда соваться незачем».

* * *

В 312 г. Константин двинулся на владения Максенция, сына Максимиана. После жарких битв были захвачены Турин, Верона, Медиолан (Милан) – крупнейший город северной Италии. Наконец, враждебные воинства встретились под стенами Рима.

В ночь перед сражением Константину явился во сне крест и огненная надпись: «Сим победишь». Битва была упорной, но Константин одолел. Максенций утонул в Тибре, свалившись при отступлении с моста. При торжественном вступлении победителя в Вечный город его отрубленную голову несли на копье, а граждане швыряли в нее грязью – привычно почувствовав сердцем, кто прав, кто виноват.

Одним из своих первых после победы указов Константин освободил всех христианских священнослужителей от податей, более того – назначил им государственное содержание. Жрецы прежних богов, напротив, с довольствия вскоре были сняты. Множество храмов закрывалось, веками копившиеся в них драгоценности и прочее имущество передавались в казну. Сдирались даже золотые украшения с крыш и дверей.

В 313 г. Константин, следуя принципам домината, поделил власть с преемником Галерия – Лицинием. Правда, сразу забрал себе львиную долю провинций империи, а через год еще и ополовинил надел соправителя. Все же десять лет августы жили в мире, назначив, как положено, своих сыновей цезарями.

Но в 324 г. сцепились. Силы были явно неравные, и Константин победил. Своего сдавшегося соперника отправил в ссылку в Фессалонику (Салоники), но потом передумал и велел умертвить.

Вся империя оказалась под его единоличным, ни с кем не разделенным правлением. Столицей своей Константин сделал старинную греческую колонию Византий – совсем неподалеку от диоклетиановой Никомедии, по другую, европейскую сторону Босфора. С тех пор она стала Константинополем, прославленным на весь мир Царьградом. Теперь это, увы, Стамбул (незаживающая рана на всяком православном сердце).

* * *

В своей внутренней политике Константин следовал суровым установлениям Диоклетиана, только еще туже затянул гайки. Все ремесленники, обязанные обеспечивать армию плодами трудов своих: портные, пекари, кожевники, плотники, каменщики, даже моряки, перевозившие грузы на кораблях – были прикреплены к своим профессиональным корпорациям. На практике это означало введение коллективной ответственности – и за полноту поставок, и за поведение отдельных членов корпорации.

Родись в те годы наш славный поэт Владимир Маяковский – он не написал бы свою жизнерадостную поэму «Кем быть?». Этот вопрос в империи был снят самым радикальным образом. Дети солдат неизбежно становились солдатами, крестьян – крестьянами, сапожников – сапожниками. Такие вот были гражданские свободы. Даже членство в муниципальных советах стало наследственным. И эти потомственные члены, декурионы, несли строгую ответственность и за полноту сбора налогов, и за исполнение повинностей по поддержанию дорог, за обеспечение передвижения войск и чиновников и за многое чего еще. Такого почетного доверия боялись теперь, как огня.

Впрочем, и этих «выборных от народа» все чаще стали заменять чиновники, следящие за поступлением налогов и вообще за порядком. Фактически был положен конец автономии городов, полисному укладу жизни – столь привычному для греков и римлян, да и успевшему стать родным для многих других народов империи. Укладу, который можно без преувеличения назвать основой античной культуры, всех ее свершений.

В разных частях империи многие не смирились с таким гнетом, в первую очередь люди наиболее бесправные: крестьяне, колонны, ремесленники, рабочие, рабы. Они уходили в леса, сбивались в большие вооруженные отряды и боролись с властями (в Галлии их называли багаудами).

Люди пообразованнее, кому обрыдла такая жизнь во всех ее проявлениях (не только материальных – меланхолия стала тогда болезнью распространенной), шли в монахи: это тоже становилось явлением массовым, а порою эпидемическим.

* * *

Став однажды покровителем христианской церкви, Константин счел, что обязан постоянно следить за ее внутренней жизнью. В 325 г. он созвал Первый Вселенский собор в Никее (неподалеку от Никомедии).

В то время в церкви разгорелась жаркая дискуссия по поводу догмата Святой Троицы. Ариане, – сторонники александрийского пресвитера Ария, – отрицали единосущность Бога Сына Иисуса Христа с Богом Отцом. Они ставили Его ниже – как существо сотворенное, снискавшее благодать уже при жизни, а потому не равное, не тождественное, а лишь подобное Отцу (подобносущее). Им противостояли сторонники александрийского же епископа Афанасия, свято верящие в то, что Бог Сын не сотворен, но рожден прежде всех времен, единосущен (равен по Своему существу) Отцу – «Свет от Света».

Арий, помимо прочего, защищал права пресвитеров, т. е. простых священников – отстаивал порядок ранней христианской церкви, когда все члены клира были равны. Сторонники Афанасия настаивали на безусловном главенстве епископов.

Константин во всем этом мало чего понимал, примирительно советовал «не озадачиваться недоступными людям тайнами». Но богословская дискуссия стала перерастать в кровавые драки на улицах городов – и император счел себя обязанным созвать собор.

На Никейском соборе Константин проникся позицией Афанасия, который в тот момент, когда ни на чьей стороне не было явного преимущества и дело шло к компромиссу, твердо заявил: «Не поступлюсь ни на йоту». Только на эту букву *i* отличается греческое написание слов «единосущный» и «подобосущный».

Под давлением императора восторжествовала ортодоксальная (православная, католическая – «всемирная») точка зрения Афанасия. Арианство было объявлено ересью, но его приверженцы не согласились с этим. Они отправлялись с проповедью к восточным германцам: готам, вандалам, бургундам, и те, как мы уже видели, первоначально воспринимали христианство именно в арианском его варианте. Арианский епископ Вульфила, захваченный готами в плен в Малой Азии, перевел для них Библию на готский язык.

* * *

Из преемников Константина наиболее интересен его племянник Юлиан, проживший тридцать два года, а правивший всего два (361–363 гг.). В историю он вошел как Юлиан Отступник. Ему посвящены роман Дмитрия Мережковского, драматическая трилогия Генрика Ибсена (она ближе к историческим реалиям, чем произведение нашего соотечественника).

Юлиан смолоду показал себя талантливым полководцем. Обороняя северные рубежи, вернул империи Колонию Агриппина (Кельн), совершал победоносные походы за Рейн. Популярность его среди солдат была очень велика, и правивший тогда его двоюродный брат Констанций решил ослабить чересчур удачливого военачальника – перевести часть его легионов на Восток. В рейнской армии вспыхнул мятеж, Юлиана провозгласили императором, а его братец как-то уж очень скоропостижно скончался.

Воцарившись, Юлиан дал волю своим давним духовным устремлениям. Дело в том, что он был человеком высокообразованным, но, в отличие от своих непосредственных предшественников, не христианином. Его влекла античная культура – ее искусство, ее литература, ее религия. Библии он предпочитал сочинения философов-неоплатоников, в учении которых можно отметить и монотеизм, и актуальное бытие бога в разных, но неотделимых друг от друга ипостасях, и даже существование древних, известных по мифам и статуям богов – но уже скорее как символов Единого. Юлиана можно понять: со страниц Плотина действительно веет чем-то захватывающим, прекрасным и нездешним. Христианство всего этого не принимало – поэтому он его ненавидел.

Вокруг молодого императора сразу сплотились его «братья по разуму», в большинстве своем давнишние его знакомцы – поклонники высокой языческой культуры. Возродить прежнюю религию, вдохнуть в нее новое, более осмысленное содержание – такую они ставили перед собой задачу. Но многим ли в тот огрубевший век были по силам премудрости неоплатонизма, а главное – кто захотел бы в них вникать? Большинство не могло даже оценить классическую красоту старых храмов и статуй: эстетическое восприятие даже образованных людей стало «варваризованным». Достаточно взглянуть на до дрожи пугающую, хоть и мраморную, огромную голову, уцелевшую от статуи Константина Великого. И не слишком ли в душах людей представления о старой вере слились с разочарованием в ней?

Это в полной мере проявилось, когда Юлиан занялся своей религиозной реставрацией на деле. На открытое насилие в стиле Диоклетиана и Галерия он пойти не мог, а потому искал обходные пути. Затруднить проповедь христианства, помешать деятельности христианских школ – вот что представлялось путем к успеху. Вышел указ, по которому каждый, кто желал учить других, должен был заручиться разрешением императора. А тот, ясное дело, не на всякую просьбу давал свое «добро».

Для идеологической атаки Юлиан приглашал знатоков риторского искусства, сам писал проповеди, обличающие христианство и прославляющие олимпийский сонм богов. Выделял большие средства на языческие богослужения и празднества, на содержание храмов, пытался создать сильное жреческое сословие. Успеха не было: охотников слушать проповеди находилось мало, на празднества народ стекался по соображениям, далеким от религии, люди мыслящие жрецами становиться не хотели.

Но Юлиану не суждено было убедиться в полной неосуществимости своей мечты – он отправился воевать с персами и на этой войне погиб.

Те, кто правил вслед за ним, мечтам не предавались: они сделали своей опорой сплоченную, набравшую сил в борьбе с ересями ортодоксальную церковь. Языческие храмы или разрушались, или преобразовывались в христианские. Даже статую богини победы Виктории, символ тысячелетней славы Рима, вынесли из здания сената.

А потом опять распахнулись врата ада.

Гибель империи

Не раз уже, чтобы подобраться к истокам того, что творилось в Галлии, а потом и во всецело вобравшей ее в себя Римской империи, нам приходилось совершать далекие экскурсии как по географической карте, так и по временной шкале. Сейчас придется сделать еще больший крюк и вернуться далеко назад. Ничего не попишешь: человеку не дано знать, где, когда и как громко откликнется, когда аукнется.

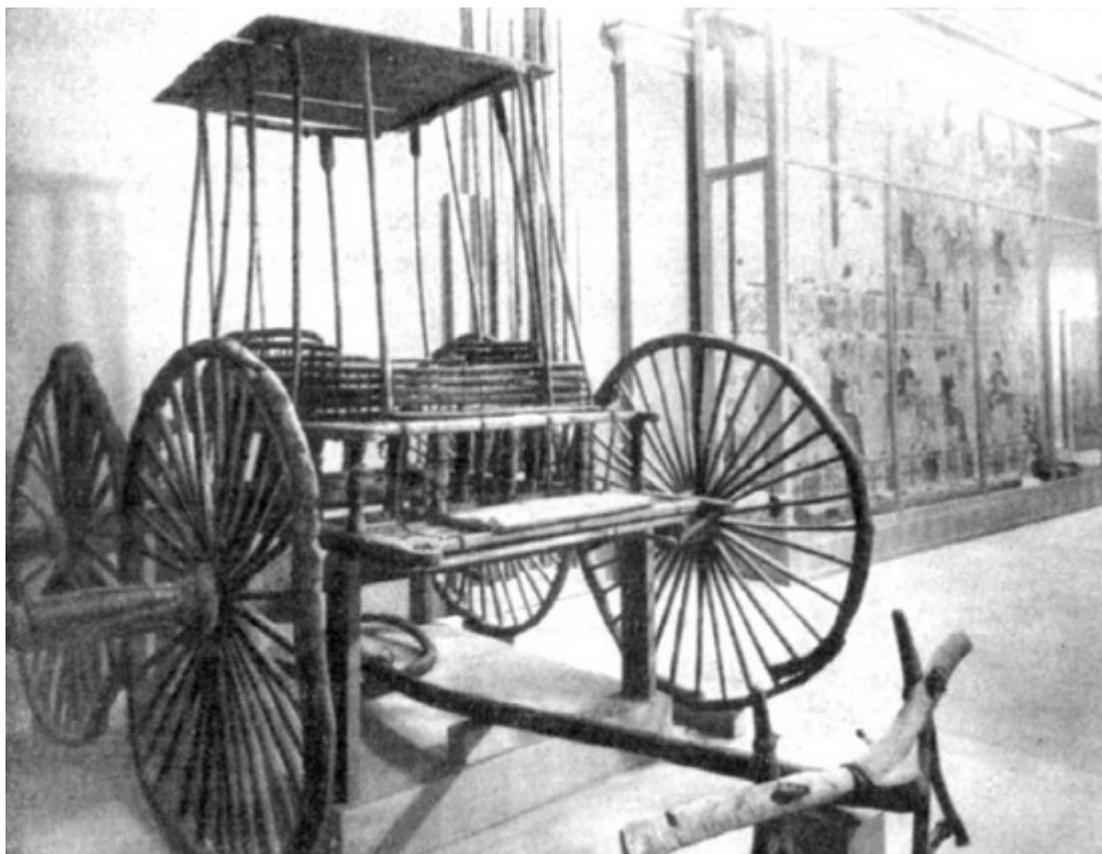
Лишнее тому свидетельство: чрезвычайно судьбоносным для Западной Европы стало то, что еще в конце III в. до н. э. кочевые племена хун-ну, или сюн-ну, а попросту – гуннов стали вламываться в Китай с явно грабительскими намерениями. Крови пролилось много, но китайцы в конце концов их разгромили и отбросили куда подальше. Это если верить одним источникам. Но история – это наука, мягко говоря, неточная. Потому что источники не менее надежные сообщают, что в той войне гунны китайцев одолели, но их вышибли из Поднебесной какие-то другие охотники до чужого добра. Так что кому верить – дело вкуса историка. (А у историков тоже вкусы разносторонние. Кому охота всю жизнь просидеть в доцентах, проповедуя не тобой установленные истины? Не грех и отсебятину из пальца высосать, а уж накопать из глубины веков причин для придуманных тобой следствий – было бы желание, причины найдутся. Так родилось немало смелых и увлекательных гипотез).

Впрочем, неважно, чья это заслуга – факт то, что далеко в Китай гуннам зайти не дали. А тут еще, как утверждает Лев Гумилев, бескрайние евразийские степи и полупустыни поисохли. И гунны двинулись на запад. Но до этого они многое успели позаимствовать из достижений китайской цивилизации. Появился вкус к украшениям, к шелковым нарядам. Это, конечно, баловство. Главное – в Поднебесной было на высоте военное искусство, а гунны не только внимательно приглядывались сквозь раскосый прищур к ранее незнакомому, но еще и довольно милостиво обходились с пленными китайскими полководцами и другими военными специалистами. Те шли к ним на службу – да у них и не было выбора, вернись они на родину, их, согласно обычаю, ждала бы мучительная казнь.

Так что в дальний поход гунны устремились с присущим им боевым задором и во всеоружии новых знаний.

* * *

Это был впечатляющий марш огромной конной орды. Гунны захватывали чужие кочевья, а прежде пасшие там скот племена или погибали, или сторонились, отскакивая на холодный север или пустынный юг (впрочем, за пустынями и горами были Индия и Иран, и некоторые неплохо устроились там). А некоторых орда гнала перед собой, и они сами бесцеремонно расправлялись с теми, кто жил еще дальше от них на закат солнца.

Колесница кочевников

Но не надо слишком сгущать алую краску. Конечно, иногда победители бывали беспощадны – ведь даже в относительно спокойное время кочевники, да и не только кочевники не мыслили мир без элементов «борьбы всех против всех» (это мы уже видели на Западе).

Однако была не только борьба, но и сосуществование – большинство племен и народов давно были знакомы друг с другом (насколько густо нити торговых и культурных связей пронизывали всю Евразию – предмет особого разговора, читайте Георгия Вернадского и Льва Гумилева).

Так что кого-то гунны оставляли на прежних местах, но ясно давали понять, чьи это теперь места и как надо себя вести, чтобы земля эта не стала для них преждевременной могилой. А кого-то брали с собой: тоже, конечно, обозначив приоритеты (но со временем акценты могли измениться).

Ученые давно спорят, кем же были гунны: монголами, тюрками, а, может быть, иранцами? Но причина такого разномыслия скорее всего в том, что в этом потоке кого только не было. Однако преобладающее мнение: те, изначальные хун-ну были монголами, а потом добавились и мощные тюркские напластования, и индоевропейские (иранские). Вот какими увидел гуннов поздний римский историк Аммиан Марцеллин.

«Никто в их стране никогда не вспахивал поля или не дотрагивался до рукояти плуга. У них у всех нет постоянного дома, очага или оседлого типа жизни, и они скитаются с места на место, как беженцы, сопровождаемые фургонами, в которых они живут... На своих конях каждый из этой нации покупает и продает, ест и пьет, и склонившись над узкой шеей животного, предается глубокому сну, в котором видит множество снов... Они не нуждаются ни в огне, ни во вкусной пище, а едят корни диких растений и полусырое мясо любых животных, которое кладут между своими бедрами и спинами собственных коней и таким образом немного согревают...

*Борьба зверей (золотая бляха).
Искусство кочевников*

Они воюют на расстоянии метательными снарядами, имеющими заостренную кость вместо металлических наконечников, с чудесным мастерством присоединенную к древку. Они также галопируют по местности и сражаются в боевом столкновении мечами, не задумываясь о своих собственных жизнях. В то время, как враги пытаются уберечься от ранений мечом, они кидают арканы из завязанных узлами полос материи на своих противников и вяжут их».

* * *

Выделим такую подсьему последовательности событий. Гунны навалились на сарматов (не будем вдаваться в подробности, кого они подмяли до них). После обязательных побоищ кого-то включили в свои ряды, кого-то погнали дальше. Сарматы, выраженные иранцы, люди довольно высокоразвитые (мы уже говорили об их более поздней встрече с готами), обрушились на скифов. Скифы тоже не были дикарями, к тому же они изрядно приобщились к греческой культуре. Но в данной ситуации это приобщение не пошло им на пользу: от благ цивилизации они малость изнежились, к тому же у них были короче мечи. Скифы не устояли, но им уже некого было гнать на запад, чтобы вести прежний образ жизни на чужой земле. Поэтому те, что уцелели, по большей части растворились среди других народов (некоторые проникли даже в греческий Пелопоннес), а остальные основали скифское царство в Крыму (которое растворилось позднее).

Таким вот образом около 200 г. н. э. в причерноморских, приазовских степях и в равнинной зоне Северного Кавказа обосновались сарматы. Там к ним и присоединились вскоре готы – которые были народом более оседлым, и поводов для больших конфликтов между ними не возникало. Брать недостающее и те, и другие предпочитали у ближайших славянских племен, а потом – наведываясь в провинции Римской империи.

А что же гунны? Гунны, утвердив свой безусловный авторитет, пока подались немного назад. Причина тому была опять китайского происхождения. Вспомним, что с начала II в. стал складываться Великий шелковый путь – до сих пор не воспроизведенная магистраль Восток – Запад. Конечно, от этой магистрали шли мощные (в смысле прибыльные) ответвления на юг. И везли по ней далеко не только шелк – но шелк был товаром приоритетнейшим. Л.Н. Гумилев (может быть, вследствие своего евразийски-ироничного отношения к Западу) язвил, что в шелковых сорочках особенно нуждались греческие и римские дамы. Потому что обитатели и обитательницы античного мира безнадежно завшивели, но за шелковые рубахи вши не могли зацепиться лапками, а потому летели вниз, под безжалостные элегантные сандалии.

Монопольным производителем шелка был Китай, и был он таковым много веков. Только в эпоху расцвета Византии тамошние монахи – миссионеры забрались в такую даль и в рукоятях своих дорожных посохов тайно вынесли личинки шелкопряда. Но это будет не скоро, а пока гуннские вожди рассудили, что самое прибыльное дело – контролировать возможно больший участок Великого шелкового пути, желательно – поближе к его исходной точке и к поворотам на Индию, Иран и к прочим крупнейшим восточным потребителям.

Поэтому гунны пока не спешили на Запад (не только поэтому: у них были, например, еще конфликты с набиравшими силу тюркскими раннегосударственными образованиями. Только нам такое углубление в чужие проблемы ни к чему).

* * *

Но вот в последней четверти IV в. гунны опять собрались в поход. Первыми подверглись удару аланы (сарматские племена), обосновавшиеся к тому времени в низовьях Волги. Часть их искала спасения на Кавказе (и стала предками нынешних осетин), другие были вынуждены присоединиться к гуннам.

Следующими на пути увеличившейся разноплеменной орды были остготы. После временного прекращения массированных атак на земли Римской империи к концу III в. их владения простирались от Дона до Карпат и нижнего Дуная, а подвластные их знаменитому вождю (королю) Германариху племена, в том числе финские и славянские, обитали от Поволжья до Балтики (об этой «державе Германариха» нам поведал остготский историк VI в. Иордан).

Готы под предводительством старого короля вышли навстречу гуннам. В разгоревшейся битве (370 г.) еще раз было доказано, что пришельцам пока нет равных. Остготы были разбиты, Германарих в отчаянии покончил с собой (так читаем у Аммиана Марцеллина. По Иордану, король был смертельно ранен двумя братьями, его собственными воинами: они мстили за свою сестру, казненную по приказу Германариха).

После поражения часть остготов и другое германское племя, герулы, признали власть гуннов. Другие, вместе с примкнувшими бургундами, стали отступать к низовьям Днепра. Дальнейший путь на запад им преграждали славяне-анты. Германцы во главе с новым королем Винитарием атаковали их.

В первой битве славяне одолели, но в следующей, решающей, были наголову разбиты. Победители в целях устрашения совершили акт зверства: плененный антский вождь Боз (Бус), его сыновья и семьдесят вождей и старейшин были распяты.

Гунны же тем временем ударили по вестготам, обосновавшимся по Днестру. Те были разбиты, стали поспешно отступать – и вот они уже всем племенем, с женами и детьми, со скотом и пожитками на северном берегу Дуная, на границе Римской империи (376 г.).

* * *

Но теперь они не завоеватели, а взывающие к милости беженцы. Их вождь Атанарих умоляет римлян разрешить им переправиться через реку и поселиться во Фракии (на востоке Балканского полуострова). Власти провинции снеслись с императором Валентом.

Валент считался повелителем Востока – его брат император Валентиниан, взойдя на престол в 364 г., передал ему власть над восточными провинциями, оставив себе западные: императорами величались оба брата.

Валент решил внять мольбам – рассудив, что переселенцев можно будет использовать для охраны границы. Началась переправа и расселение, но распоряжающиеся процессом римские чиновники продемонстрировали хорошо нам знакомые профессиональные черты. Во-первых, по условиям договора германцы должны были сдать оружие – распорядители за взятки оставили им его. А во-вторых, они не обеспечили пришельцев обещанным хлебом, и у тех начался страшный голод. Дело дошло до того, что несчастные стали продавать в рабство жен и детей, чтобы спасти их и самим спастись от голодной смерти. Чинуши первыми стали скупать известный своим здоровьем и силой товар.

Но кончилось тем, о чем они за своими вороватыми делами не подумали, но чего следовало ожидать. Выведенные из себя варвары с оружием в руках ворвались во Фракию, разоряя все на своем пути. Сюда же, прослышав о происходящем, подоспели их собратья-остготы, следом присоединились аланы.

Под Адрианополем 9 августа 378 г. произошла решающая битва. Могучая готско-аланская конница прорвала строй легионов (на будущее это стало примером превосходства тяжелой кавалерии над пехотинцами в открытом бою). Пало две трети римского войска. Раненного императора Валента вынесли с поля боя и укрыли в какой-то лачуге. Но враги мимоходом подожгли ее, и повелитель Востока погиб в огне.

* * *

С большим трудом положение выправил новый восточный император Феодосий, человек одаренный (346–395 гг., правил в 379–395 гг.). Он действовал так, как позднее его преемники, хитроумные византийские басилевсы. Дипломатическими маневрами ему удалось разъединить силы противника – аланы ушли на север, в Бессарабию. Феодосий восстановил армию, и она выглядела теперь довольно грозно. Так что оставшихся пришельцев, в основном готов, удалось призвать к порядку.

Им выделили новые земли, и они поселились там в статусе «федератов империи». Вестготы стали теперь жителями Фракии, остготы – Паннонии. Как первоначально и было задумано, заодно они охраняли границы – за что получали некоторое жалованье.

А гуннам тем временем пришлось по душе степи между Днестром и нижней Волгой. На месте они не сидели, постоянно наведывались в Закавказье, а в 395 г. добрались даже до Сирии.

Среди них расположились подвластные племена готов, аланов и прочих народностей. Живущие по соседству славяне тоже признали их власть, и зачастую были не прочь, по примеру своих давних знакомцев аланов, присоединиться к дальнему походу.

* * *

На западе империи не наблюдалось даже относительного затишья. Тамошнего императора Валентиниана II изгнал на какое-то время командующий британскими легионами Магн Максим. Только военное вмешательство Феодосия восстановило права обиженного. Но в конце концов восточный правитель убедился, что его западный коллега человек откровенно слабый, и отписал на себя почти все его провинции, оставив только Галлию. Но и там Валентиниан II правил недолго – был убит по приказанию собственного полководца франка Арбогаста.

Феодосий опять навел порядок (после решающей битвы Арбогаст покончил с собой), и стал править единодержавно. Однако всего через полгода Феодосий скончался. Среди его деяний следует выделить то, что в 391 г. он совсем запретил традиционную римскую языческую религию.

Какую силу обрела тогда христианская церковь и каковы были нравы – можно судить по следующему событию 390 г. В Фессалонике (Греция) командующий гарнизоном германец Ботерих приказал схватить чем-то разозлившего его ипподромного возницу. Греческие болельщики не стерпели такого варварского самоуправства, и Ботерих был растерзан толпой. Но и Феодосий был разгневан самосудом: множество горожан загнали в цирк, где было истреблено 7000 человек (надеюсь, летописец все-таки приврал). С обличением императора выступил и миланский архиепископ Амвросий и несколько епископов. И гордый властный Феодосий вынужден был оправдываться перед иерархами. Доселе в империи такого не бывало.

Впрочем, если не оправдать, то как-то понять можно было и императора: германцев нельзя было раздражать лишний раз. Напор варваров, особенно германских племен, на империю был так велик, что их никак было не сдержать без других германцев – поступивших на службу в римскую армию.

Шла активная варваризация империи – легионы уже почти сплошь набирались из варваров (денег на это пока хватало – за предшествующие века Рим успел содрать три шкуры с половины света), и они же занимали многие командные посты.

В моду все больше входила северная одежда: даже всегда чванившиеся своей исключительностью граждане города Рима все чаще красовались не в традиционных туниках, тогах и плащах, а в пестрых куртках и шароварах.

Император Грациан дошел до того, что окружил себя стражей из аланских стрелков, сам обрядился аланом – и вся компания целые дни проводила на конной охоте.

* * *

Перед смертью Феодосий опять поделил империю. Одному из его малолетних сыновей – Аркадию – достался восток, его брат Гонорий стал императором запада. Сами править они еще не могли, и к Аркадию был приставлен галл Руфин, а к Гонорию – вандал (германец) Стилихон (руководящие кадры из числа коренного населения выродились, по видимому, почти начисто).

Стилихон был замечательным полководцем. Феодосий доверял ему полностью и даже выдал за него свою приемную дочь – германец был человеком романской культуры. На него же Феодосий возложил командование римскими войсками в обеих частях империи.

Этот раздел 395 г. оказался окончательным: больше части империи не сложились никогда. Западной Римской империи оставалось 80 лет существования (до 476 г.), Восточная,

известная нам как Византия (название, придуманное историками Нового времени), смогла продержаться свыше тысячелетия (до 1453 г.).

* * *

Феодосий умер, а дальше – не тишина, а сплошной вой и грохот. Сразу взбеленились поселенные в Македонии «федераты империи» вестготы. Поднятый на щит, т. е. провозглашенный конунгом, удалой Аларих ворвался в Грецию.

Разграблены Афины и Коринф. Стилихон бросился было на помощь, но при дворе Восточной империи его побаивались: помнили, какой вес он имел при Феодосии, и не сомневались, что и сейчас у него много сторонников в Константинополе. Зарождалась знаменитая византийская политика лицемерия и интриг. Стилихона под благовидным предлогом спровадили.

Но и убереглись от нашествия придворные мудрецы по-византийски изящно: вместо отвергнутого Стилихона прибегли к услугам... Алариха. «Приняли на службу», а потом ему и всей его ораве (воинам, их семьям и близким) пожелали счастья на западе, и те отправились в путь.

* * *

Стратегический замысел Алариха был масштабен: через северную Италию пробиться в Галлию. Стилихон воевал умело, не раз побеждал своих братьев по германской крови. Но и Аларих знал дело – не допустил, чтобы соперник разделался с ним окончательно, хотя к тому не раз шло.

А тут как раз собрались в поход и прочие германские братья. 31 декабря 406 г., – несомненно, по предварительному сговору, – через скованный льдом Рейн хлынули вандалы, свевы, бургунды, а заодно с ними аланы. На поток и разграбление сразу были пущены будущие Майнц, Трир и другие прекрасные прирейнские города. Затем последовал разгром Галлии: там из больших городов уцелела только Тулуза.

Стилихон, задавшись целью не пустить врагов в Италию, эвакуировал легионы из Британии, оттянул остатки войск с рейнской границы. В бой пошли даже нанятые гуннские отряды (времени, чтобы обратиться к ним, очевидно, хватило: не будем забывать, что тогда события редко разворачивались так быстро, как это выглядит на бумаге. Это ведь не танки Гудериана устремились от Рейна в обход линии Мажино: кто конно, кто пеше двигались целые племена, и где не было римских каменных дорог – приходилось зачастую продираться по пересеченной местности).

В Италию варвары все-таки прорвались. Но здесь Стилихон добился важного успеха: когда германский вождь Радагайс обложил Флоренцию, он окружил его самого и принудил к сдаче. Большинство пленников было продано в рабство.

Тем не менее ущерб Италии был нанесен немалый. А тут дождался момента, чтобы напомнить о себе, Аларих: пользуясь тем, что ситуация для римлян круто изменилась, он потребовал с них за свой уход 4000 фунтов золота.

Дальнейшее – лишнее свидетельство того, что империя была обречена. Понимая безвыходность ситуации, Стилихон вступил в переговоры и стал уговаривать сенат обложить чрезвычайным налогом для уплаты выкупа крупные состояния. Поначалу многие отцы-сенаторы вроде бы и согласились с ним, но не тут-то было: посыпались обвинения, что истинные его намерения – присвоить собранные сокровища, а там и захватить в союзе с сородичами верховную власть. Налог был отменен. Настроили на подозрительный лад ничтожного и подловатого императора Гонория, и талантливый политик и воин был казнен.

Вдобавок начались погромы проживавших в Риме германцев. Те, спасаясь, устремились к Алариху – и 30 тысяч мужчин, которые могли бы пополнить римское войско, присоединились к завоевателям. А от таких, со свежей памятью об обиде, пощады не жди: ни в бою, ни после.

Говорят, что скупой платит дважды. В экстремальных ситуациях пропорция еще более удручающая. Узнав, что Рим остался без славнейшего своего защитника, Аларих двинулся к городу.

Ему навстречу вышел известный своей святостью отшельник и стал взывать к христианским чувствам конунга (мы помним, что готы уже давно были христианами). Аларих внимательно его выслушал, но потом признался, что в том, что говорит святой старец, много справедливого, но... «Непонятная, сверхъестественная сила заставляет меня идти на Рим». И – вперед!

Что это за сила? Сила ненасытной жадности до чужих сокровищ? Или, к ужасу народов, в ней действительно присутствует еще и мистическая компонента, закрепленная тысячелетиями долгих арийских странствий – когда бесцветно-серые или голубые глаза на вдруг окаменевшем лице устремлялись вдаль, а пальцы судорожно сжимали меч? Развеселая жизнь кипит в германском раю – Валгалле! Весь день напролет души павших героев, принесенные туда девами-валькириями прямо с поля битвы, рубятся до того неистово, что из некоторых шашлык получается – а к вечеру склеиваются и идут все вместе пировать в большую горницу бога Одина.

* * *

Готы взяли город в кольцо осады. Теперь разговор был другой. Сначала – отдавайте все (!). Все, что можно назвать ценным из имущества и всех рабов. Но волк все же сам засомневался – не обожрется ли? Ладно уж: 5000 фунтов золота, 30 000 фунтов серебра, груз перца, 4000 шелковых рубах и «3000 выкрашенных в красную краску (пурпур?) овчин для лучших моих воинов». Римляне стали сдирать со всех своих храмов золотое убранство.

Потом варварская фантазия опять разыгралась: звание «главного начальника западных армий», ежегодная дань зерном и золотом, провинции для его будущего королевства.

Император Гонорий заблаговременно сбежал в безопасную крепостенную Равенну и оттуда попытался возвысить голос. Аларих пожал плечами – ну, нет так нет. Новая осада – и вот вам еще одно свидетельство человеческого падения! Город с самого начала надо было защищать всеми силами, а не торговаться о выкупе. Готы, как ни бились, не могли взять Рим. Они ворвались в него, только когда измена распахнула им ворота.

И вот тут-то варварский вождь явил христианское благочестие. Какому-то количеству христиан (очевидно, по большей части священникам и монахам) предоставлено было убежище в храмах на Ватиканском холме.

Убежище объявили неприкосновенным, а что касается всего остального... «Горе побежденным!». Кто пытался оказать какое-то сопротивление, расставался с жизнью. «Блаженный Августин еще долго будет потом разрабатывать вопрос, потеряла ли девушка невинность, если ее изнасиловали солдаты, и пришел к выводу, что есть девственность физическая и духовная» (М.В. Алферова). На кого из римлян падало подозрение, что он что-то припрятал, того пытали.

«Вечный город» был взят Аларихом в 410 г. Это казалось настолько невероятным, что многие восприняли произошедшее как предвестие конца света. Святой Иероним, узнавший о несчастье в далеком Вифлееме, делится переживаниями: «Мой голос пресекался, когда я услышал, что покорен город, которому покорялась вся земля. Когда погас самый яркий светоч

и голова римской державы отсечена от туловища, когда вместе с Римом погиб весь мир, я поник духом и не вижу нигде уже добра, меня точно пожирает внутреннее пламя».

Блаженный Августин

Августин, однако, оценивал событие иначе. В том духе, что оно подтверждает, что истинный Град – на Небесах, это Град Божий. А все что здесь – суета сует. Рим изначально был построен на крови: один из братьев-основателей, Ромул, убил здесь другого – Рема. Августин вспомнил и многое другое, а потому посоветовал не очень горевать. Стяжание Сокровищ Небесных – вот истинный путь христианина.

Как видим, событие послужило поводом для постановки многих коренных богословских вопросов. В самом городе остававшиеся еще приверженцы язычества проклинали христиан за измену старым богам. Те, напротив, утверждали, что обрушившееся на Рим несчастье – Божье возмездие за грехи, главный из которых – то, что город недостаточно очищен от ложных верований.

* * *

Как бы там ни было, Аларих удалился с несметной добычей и огромными толпами пленников. Однако, попользоваться ничем толком не успел, потому что вскоре умер. По легенде, тысячи рабов, надрываясь день и ночь, прорыли новое русло реки и отвели туда ее воды. На оголившемся дне вместе с грудой сокровищ и погребли Алариха. Потом реку вернули на место, а всех рабов умертвили. Не отсюда ли предание о «золоте Рейна», хранимом нибелунгами?

Его преемник Атаульф в 418 г. заключил с Гонорием договор, по которому готам передавалась Аквитания (нынешний юго-запад Франции) с главным городом Толозой (Тулузой). Завоеватели забрали там себе 2/3 всей земли, галлам милостиво оставили треть.

Новый правитель аквитанский по достоинству оценил всю прелесть римской культуры и воспринял ее, как смог – во всяком случае, обрядился подобающим образом, а в жены взял пленную сестру Гонория. Были проявления и более глубокой увлеченности «римской идеей»: Атаульф высказывал намерение восстановить былую мощь римской державы силами своего войска.

Но это все из той области, про которую говорят, что «мечтать не запретишь», а пока надо было обустраивать жизнь нового королевства. Хотя это было пока королевство только де-факто, тогда еще и слова-то такого не было (но мы его для удобства будем употреблять). Формально же Атаульф со своими подданными проходил по разряду федератов империи – но это, конечно, всего лишь игра словами, ни на копейку больше.

Знатные германцы «подселялись» к владельцам латифундий, в их усадьбы, давно уже превращенные в крепости, при этом нарекали себя «гостями и сотрапезниками». Гости, исходя из принятой нормы, забирали себе две трети земли или дохода.

Крупные галло-римские землевладельцы от этого разорялись, во всяком случае, беднели – соответственно приходили в упадок города, поскольку богачи большую часть года проводили в своих городских домах и оставляли там значительную часть дохода. Это, впрочем, новых хозяев («гостей-сотрапезников») не огорчало. Из них мало кто был приучен к городской культуре, поэтому они вполне вольготно чувствовали себя в своих подопечных селах, расхаживая там в привычных овчинах. А кто побогаче, так и в пурпурном тулупе. Красота!

Люд подневольный, земледельный, рабы и колонны переменам не противились. Готы и ребята были попроще, и старое имперское ярмо всем здорово обрыдло, со своим множеством повинностей: починкой дорог, дармовым извозом, поставками на армию и прочим. Не говоря уж о том, что не стало прежних чиновников, которые давно и прочно усвоили, где что взять.

Не всегда огорчалась и церковь. Явились новые прихожане, люди, не испорченные всякими там умствованиями, без унылого скепсиса, свойственного закату культуры. Это была благодатная паства, жадно внимающая проповеди, от чистого сердца тянущаяся к истинному свету. Ну, а что при своем появлении кое-что пограбили по церковным ризницам... С кем не бывает, не согрешишь, не покаешься. Вот только если пришельцы оказывались завзятыми уже арианами – возможны были большие осложнения.

* * *

Атаульф со товарищи не были явлением исключительным. Процесс пошел. Англы и саксы начали завоевание Британии. Там они имели дело с кельтами-бриттами, которые хоть и были в значительной степени романизованы, но надеяться им уже было не на кого – римские легионы их бросили. Разве что на славного своего короля Артура и его мага Мерлина –

но в историческом масштабе этого сплава отваги и чародейства хватило ненадолго. Скотты и пикты на севере острова смогли дать отпор германцам, но их скалы не оченьто были и нужны.

На северо-востоке Галлии обосновались переправившиеся через Рейн западные германцы франки (первый шаг на пути превращения Галлии во Францию). Галльский юго-восток по Роне приглянулся бургундам: племени восточно-германскому, частому спутнику готов. Миграцию сюда они начали из Причерноморья. Их ждет судьба трагическая и славная, не сладкими для них окажутся воды Роны – но им мы обязаны одним из величайших памятников мировой культуры, о чем позднее.

Вандалы, согласно исторической традиции, менее других, даже из германцев, склонные к сантиментам и эстетическому созерцанию, сначала пробились в Испанию. Но, немного освоившись там и прислушавшись, что где в мире творится, решили попытать счастья и сыскать местечко получше. Во главе их был конунг Гензерих, человек энергичный, отважный и варвар из варваров: ни сомнения, ни стыда, ни совести (разве что какая-нибудь очень специфическая). Вандалы отправились в дальнейшее экзотическое путешествие, вобрав в свои ряды частицы других германских племен и вообще кого угодно – было бы желание (среди таких – и аланы, а за аланами, по утверждению Г.В. Вернадского, постоянно увязывались славянские отряды). Подучившись морскому делу, вся эта банда переправилась в Африку – римскую провинцию на одноименном континенте. Это там, где теперь Тунис, а столицей провинции был Карфаген.

Африка, край благодатный, была, как и Египет, житницей империи – что твоя Кубань. Интервенты, как полагается, устроили погром средней продолжительности: чтобы подавить всякие очаги сопротивления и обозначить, что к чему, на будущее (во время осады Гиппона скончался блаженный Августин). Так возникло королевство вандалов, просуществовавшее более столетия.

А дальше, неустанно совершенствуя свои мореплавательные навыки, новоселы занялись пиратством в средиземноморском масштабе. Каждую весну были объаты страхом жители побережий Испании, Галлии, Италии, Греции, Сицилии. И никто не знал, на кого выпадет черная карта, куда направится из карфагенской гавани расправивший паруса свирепый вандалский флот. Потому что Гензерих выбирал жертву экспромтом, «по наитию». Он сам иронизировал по этому поводу (или неужто же говорил всерьез?): «Удар ждет берега, жители которых больше других провинились перед божеским правосудием». Вандалы были христианами арианского толка.

Тем временем на всеевропейском театре войны назревало потрясение такой силы, что за всю историю человечества по пальцам пересчитать. Явился Атила.

* * *

Наверное, до гуннов наконец дошло, что они остаются в стороне от слишком лакомых дел. Около 420 г. они опять устремились на запад. Сохраняя в то же время за собой все прежние завоевания – это теперь была скорее держава, а не орда (хотя все равно принято называть ордой, и мы тоже не будем себе отказывать в таком удовольствии).

По прибытии обосновались в обширных придунайских степях, в Паннонии (на венгерской равнине). Сначала прощупали немного Восточную империю – тамошние правители, по имеющемуся уже опыту, сразу прислали богатые подарки и обещали быть не менее щедрыми каждый год.

Западная империя (она состояла теперь из Италии и небольшой части Галлии – ее северо-запада и центра) тоже как-то откупилась. При этом в ставку тогдашнего верховного гуннского хана Роилы был передан в качестве заложника молодой римский офицер знат-

ного происхождения Аэций. Распространенная в древности форма ответственности слабого перед сильным: если бы Рим в чем-то нарушил договор, тем более проявил враждебность – Аэцию могло не поздоровиться (однажды такое чуть не случилось, но обошлось).

Человеком он оказался общительным и располагающим к себе. Пробыв заложником несколько лет, сдружился и с ханом, и со многими его приближенными, и с его сыном Аттилой. Всесторонне одаренный и дальновидный, Аэций, возможно, уже тогда стал продумывать вариант – а не доведется ли ему когда-нибудь, опираясь на гуннскую поддержку, править в Риме, как не так давно правил Стилихон (знать бы, насколько схожими будут их судьбы!).

Наверное, отчасти благодаря его влиянию гунны вели себя по отношению к империи довольно миролюбиво – если что и было, то так, по мелочи.

* * *

Аттила стал верховным ханом в 434 г., когда скончался его отец Роила. Приведем его характеристику, данную Г.В. Вернадским. «Аттила был одним из тех неукротимых завоевателей мира, которые время от времени преуспевали в объединении кочевых племен в могучую империю. Подобно Чингисхану, он был не только военным гением, но также очень одаренным государственным деятелем. Безжалостный на войне, Аттила не был жесток по природе. Его лицо было смуглым, с маленькими, глубоко посаженными глазами, широким носом и жидкой бородой. Его спокойное достоинство и жесткий взгляд впечатлял всех, кто сталкивался с ним, и одно племя за другим признавало его в качестве своего властителя. Тип гуннского преуспевания был одинаков во многих случаях. Сначала врагу наносилось быстрое военное поражение; затем следовали дипломатические переговоры, связывающие его накрепко с гуннской ордой. Личное влияние великого хана завершало затем задачу слома воли бывшего врага».

Можно добавить еще, что, как и большинство людей того времени, в религиозном отношении Аттила был куда больше склонен к магии, чем к мистике. При нем постоянно находились гадатели и маги разных религий. Рядом с ними содержали и пленного христианского епископа, «чтобы святой человек принес счастье войску».

Сначала Аттила наведалься на периферию своей державы, на Северный Кавказ – навести порядок. Потом были некоторые разногласия с Восточной империей: во время них пролилось не так уж много крови, но золота из Константинополя утекло предостаточно.

Из западных войн важнейшей, – на наш взгляд, а никак не на взгляд ее современников, – был разгром в 436 г. маленького бургундского королевства на Рейне. Это была потрясающая драма, и мы можем соприкоснуться с ней – сквозь причудливую призму многовековых наслоений, разумеется. Память о тех событиях, слившись с преданием о «золоте Рейна», образовала почву для двух великих германских эпосов: «Старшей Эдды» и «Песни о нибелунгах». Их сильно германизированный персонаж Аттилы – это Аттила.

* * *

Аэций к тому времени успел стать главнокомандующим и фактическим правителем при императоре Валентиниане III. На его счету была победоносная война с аквитанскими вестготами: с помощью своих друзей, гуннских вождей, он выбил их из имперской части южной Галлии, куда они рвались.

Сын Аэция, как и отец, некоторое время провел в главной гуннской ставке на Дунае – когда Аттила был уже верховным ханом. Сам Аэций и отправил его туда. Одним из гражданских советников Аттилы стал знатный римлянин – по рекомендации Аэция.

Резиденция Аттилы, по описанию секретаря римского посольства Приска, представляла собой целый деревянный город, укрепленный деревянными же стенами. Многие здания были огромны, величественно выглядел дворец самого Аттилы, расположенный на холме. Но и он был деревянным – каменной была только баня, устроенная у дворца главной жены.

Приск встретил и там, и по дороге множество пленных греков. Они, по их собственным словам, чувствовали себя вполне неплохо и наслаждались полной свободой. Жители Римской империи могли только завидовать обитателям царства Аттилы. Они даже не платили налогов – зачем хану эти гроши, когда казна ломилась от военной добычи и дани.

Как помним, Аттила не был зол по природе. Суровый воин, он мог лично рубить головы взятым с боя. Сдавшихся же щадил и, как видим, не ущемлял.

* * *

«Аттила – бич Божий!» – это определение закрепилось за ним в трудах римских историков и в сочинениях христианских писателей. Но какие обстоятельства определили, что именно на Западную империю пришелся главный удар этого бича?

Орда, конечно, никогда не пребывала в покое. Тем более, что она не была жестко централизована – не таковы обычаи кочевников. В нее были объединены улусы множества ханов, которые до поры вели себя вполне самостоятельно. Если на то не было строгого запрета, они могли воевать с кем угодно и грабить кого угодно – на огромных просторах хватало и земель двух империй, и варварских королевств, можно было и куда подальше нагрянуть. Для того, чтобы расправиться с каким-нибудь незначительным образованием, вроде бургундского королевства, вовсе не требовалось личного присутствия «Аттли».

Но если наступала пора, если верховный хан трубил общий поход – мгновенно воцарялась железная дисциплина. А дело к тому и шло. Кто должен был подвергнуться испепеляющему удару – Константинополь или...

Предание донесло до нас такую мелодраму. У императора Валентиниана III, мужчины еще более ничтожного, чем Гонорий, была сестра Гонория – умная, честолюбивая.

Неизвестно, хан ли воспытал к ней, наведываясь в Рим, или инициатива исходила с ее стороны. Если последнее – причины на то у женщины были. Валентиниан III боялся своей сестры, боялся, что она покусится на его власть. Поэтому решил пристроить ее за какого-нибудь своего бесцветного лизоблюда. Подобрал старика-сенатора, которого сестрица к тому же терпеть не могла, и в 450 г. состоялась насильственная помолвка.

Но Гонория была из того немалочисленного разряда знатных римлянок, которые привыкли на удар отвечать ударом похлеще. Она отправила к Аттиле своего евнуха с просьбой о защите, а в придачу со своим обручальным кольцом.

Что ж, Аттиле это отчасти льстило, отчасти сулило на будущее немалые политические перспективы. И он затеял сватовство. Пожелание у него было по-варварски скромное: половину империи в качестве приданого. А Валентиниан почему-то заартачился, отказал. Аттила почувствовал себя оскорбленным (что ж мы, гуннским рылом не вышли, или у императора чего недоброе на уме?!). Теперь стало ясно, куда обрушится «Бич Божий».

* * *

Оборону империи возглавил давний друг гуннов правитель Аэций. Но какая тут давняя дружба... Энергия его была бешеной – времени терять было нельзя.

Стягивались, усиливались, приводились в полный боевой порядок знаменитые римские легионы. Они не стали слабее оттого, что в их рядах сплошь варвары. Но с ними одними

империю уже не отстоять – Аэций знал, с кем ему придется биться. И он с той же энергией, но уже дипломатической, сколачивает могучий союз: вестготы, бургунды, франки.

Но Атила тоже великий человек, и он тоже спит мало. Собрал все орды, заручился поддержкой остготов и аланов, старинных своих вассалов-попутчиков еще по приазовским степям, а также гепидов, герулов, части франков (ловкой дипломатией он расколол это племя). Обещал помощь и Гензерих, король вандалов, но благоразумно остался у себя в Карфагене.

Ареной войны 451 г. стала несчастная Галлия. Римляне смогли здесь в полной мере убедиться, что гунны сильны не только кавалерией. Они уверенно приступали к мощным стенам городов, используя самые разнообразные осадные приспособления и машины. Кочевники впервые стали осваивать их еще в Китае, потом в зоне влияния иранской культуры. А теперь им стали доступны и западные новинки: при тогдашней прогрессирующей моральной деградации империи за умеренную плату что угодно можно было раздобыть у римских инженеров, да и самих инженеров в придачу.

У них были, например, подвижные высокие башни, обтянутые толстыми шкурами, укрывавшими расположившихся на платформах стрелков. Их подкатывали к стенам, и начинался ураганный обстрел из луков, летели снаряды из метательных машин. Когда защитники не выдерживали, оставляли валы и стены – пускались в ход тараны, проламывающие ворота, а то и твердыни крепостей.

* * *

Соперники устремились к важному стратегическому центру – сильно укрепленному Аврелиану (Орлеану). Аэций опередил. Тогда Атила совершил дальний маневр и развернул свою несметную рать на огромных Каталаунских полях близ современного Труа в Шампани.

Мы более-менее детально можем восстановить ход событий и зрительно представить себе вторую великую «Битву народов» – под Лейпцигом в 1813 г., где Наполеон отчаянно бился с коалицией восставших на него европейских государств и проиграл. У нас есть масса источников: донесения, приказы, карты, воспоминания, письма, картины, неплохо сохранившиеся оружие и амуниция. Понятны и мотивы схватки, основной из них – борьба европейских народов за независимость, а потом уже личные амбиции государей и английские торгово-промышленные интересы.

Но та, первая Битва народов в июне 451 г. – она видится нам сквозь очень густой «дым столетий». Что двигало людьми: вестготы очень уж хотели быть с Римом и не хотели Атилы, а остготы наоборот? Или все делали свою ставку в игре, в которой на кону колоссальная добыча – из той или другой сокровищницы? Или во главе всего была личная неприязнь, или патологическая жажда боя и славы? А как выглядели воины в свой предсмертный час: во что были одеты, как вооружены, что выражали их лица?

И как протекала битва? Как рубились и разили друг друга стрелами не армии даже, а целые народы (хватит так упорно называть их племенами)? Какие-то описания есть, но очень уж обобщенные (еще более скомканные, чем хрестоматийная картина Полтавской битвы. Она обычно преподносится как безуспешная атака шведов на русские редуты в чистом поле. А на самом деле баталия эта происходила на огромном пространстве, на местности настолько пересеченной, что треть шведской пехоты попросту заблудилась в лесах и болотах).

Обо всем можно только догадываться, но эти догадки будут слишком уж гипотетичны (но может быть, лучше догадываться, чем судить по голливудскому фильму «Атила», где несколько сотен ряженых перебегают с воплями с холма на холм).

Из того, что сообщают источники, потрясает цифра – на Католаунские поля вышло более миллиона воинов! Преувеличивают? А если нет? Это при том-то малолюдном, на наш взгляд, состоянии человечества.

Очень коротко – одна из версий. Главный удар по гуннам нанесли вестготы. Натиск их неудержим, враг пятится, но вечером погибает старый конунг Теодорих. Разгневанный сын его Торисмунд собирает весь народ в кулак, чтобы утром штурмовать гуннский лагерь. Там потерявший всякую надежду Атила собственноручно готовит себе погребальный костер. Но тут Аэций прикинул, что непомерно усилившиеся после победы вестготы будут представлять опасность еще большую, чем гунны. И уговаривает Торисмунда покинуть поле боя, открыв ему, что дома у него заговор (который сам же на всякий случай заблаговременно подстроил). В результате недобитый Атила благополучно отступает к Дунаю.

Вообще-то такое описание очень смахивает на театр абсурда, но что с ним поделаешь, с этим «дымом столетий»? Плюс еще: из свидетельств очевидцев кому только не угодно было сложить «истинную картину» событий так, как выгодно – особенно когда они были еще достаточно актуальны. История – она всегда немного древнейшая профессия. Вот ведь и про Берлинскую операцию 1945 г. какой только ахинеи не слушаешься, особенно по TV.

Достоверней другое описание. На следующий день битва продолжилась в полную силу, никто, кроме убитых, из нее не выбыл, и Атила был разбит – хоть и не наголову. Что же касается якобы спровоцированного Аэцием заговора – вряд ли последний великий римлянин был способен на такое коварство. По свидетельству, которому хочется верить (Рената Фригериды) это был человек добрый, без капли жадности, никогда не слушавший дурных советов. Торисмунд же действительно после битвы поспешил домой – у него были вполне понятные опасения, что братья, узнав о гибели отца, разберутся с наследством в его отсутствие. Он успел вовремя и благополучно стал конунгом, но через два года братья его задушили.

Как бы то ни было, самосожжения не последовало, Атила сумел с боем уйти за Дунай. Сколько в том страшном побоище пало людей – мы не знаем. Но неспроста же такое тревожное вино родится в Шампани.

* * *

Новой встречи ждать пришлось недолго. Атила начал готовить новый поход осенью того же 451 г., а по весне 452 г. горными альпийскими тропами двинулся прямо на Италию.

Положение было отчаянное. Коалиции, собранной Аэцием, уже не было. Можно было бы снова призвать аквитанских вестготов, но одно дело биться бок о бок с ними в Галлии, и совсем другое – пустить их в Италию. Прийти-то они придут, да, скорее всего, так в ней и останутся.

Атила окружил Аквилею. Город не сдался, оказал упорное сопротивление. Хан разрушил его до основания. Настала очередь Милана.

И тут произошло то, что современники объясняли заступничеством святых апостолов Петра и Павла, да и нам трудно еще чем-то объяснить. У Милана гуннов встретили посланцы из Рима: папа Лев I, только что заслуживший огромный авторитет на Халкидонском соборе, и два сенатора. Вряд ли Аттилу смягчили поднесенные ими дары – нашли кого удивить. Но папа стал долго и красноречиво уговаривать гунна, и тот неожиданно повернул свою армию обратно, в Паннонию (в Ватикане можно видеть фреску Рафаэля, посвященную этим событиям – папа Лев встречает Аттилу).

Бич не хлестнул, однако никакого договора подписано не было. Атила не отказался от своих притязаний на сестру императора Гонорию и намеревался еще вернуться к этому вопросу. Пока же его планы были связаны с Восточной империей.

И вот еще одна захватывающая и страшная тайна истории. Среди забот о новом походе хан сыграл свадьбу с молодой и прекрасной германкой Ильдикой. Наутро после брачной ночи молодого нашли мертвым. Скорее всего, инсульт. Но не могла не поползти молва, что германка его отравила. А большинство русских людей уверенно скажет – опился.

Гунны похоронили вождя, положив его сразу в три гроба: золотой, серебряный и железный. Железом он добыл славу своему народу, серебром и золотом осыпал его. Было это в 453 г. Атила был повелителем гуннов в течение 19 лет.

После смерти великого вождя его сыновья устроили грызню за отцовский престол, но достойного, чтобы утвердиться на нем, сплотить вокруг себя беспокойные орды не нашлось, и гунны разбрелись кто куда по Европе и Азии. Зримых следов от них не осталось, только ученые спорят, кто они были, монголоиды или не очень, но однозначного ответа не находят. Да еще в Первую мировую войну пропаганда Антанты обзывала немцев гуннами – видно, выкопав из старых книг факты тесного якшанья восточных германцев с означенным этносом.

* * *

В Риме в 454 г. произошло событие пугающе омерзительное. Валентиниан собственноручно, по-бандитски внезапно зарезал Аэция – чтобы спокойнее было за свой престол. Спокойнее не стало, правда, источники опять расходятся. Одни утверждают, что его сразу растерзала охрана полководца, другие – что это произошло полгода спустя на Марсовом поле.

Должно быть, весной 455 г. старому волчине королю Гензериху не надо было долго размышлять, жители какого берега всех виновнее перед Господом, куда вопьются клыки его морского набега.

«В гавань заходили корабли». В гавань Остии зашли корабли вандалов. Теперь Рим был полностью беззащитен, а что в нем учинили гости из Африки – чтобы не напрягать голову в поисках леденящих душу эпитетов, скажем одно только слово – вандализм. Для наглядного же представления можно порекомендовать известную картину Карла Брюллова «Нашествие Гензериха на Рим» (правда, там вандальский король – довольно приличный мужчина на черном коне).

Нашествие Гензериха на Рим (К. Брюллов)

Вестготы Алариха по крайней мере больше всего были озабочены добычей и женщинами, а эти еще и крушили все подряд, не жалея сил, целых две недели.

* * *

Дальше – последнее двадцатилетие Западной Римской империи. Только она уже даже формально была не римской – императоры окончательно перебрались в Равенну.

Вполне освоившись в тогдашней постантической культурной среде, главнокомандующие-германцы сажали на престол своих ставленников из местных, а иногда и своих сыновей от браков с патрицианками. Иногда возникала конкуренция – кому сажать.

Что с того, что их кандидаты на престол были все больше ребята какие-то бесцветные – правили все равно кукловоды, а кукол в случае чего отбрасывали без всякого сожаления.

Аквитанские вестготские короли сначала объявили о своем контроле над всей имперской частью Галлии, а потом еще и стали насаждать на новую итальянскую границу (впрочем, это уже больше напоминало межгерманскую уособицу).

Развязка наступила в 476 г. Владыкой числился сын главнокомандующего Ореста – юный Ромул Августул («Августул» – это «маленький Август», «Августиска» – так его прозвали в насмешку. По насмешке и вошел в историю). Солдаты римской армии, на тот момент поголовно разноплеменные германцы, потребовали у Ореста треть итальянской земли, чтобы на нее смогли перебраться их соотечественники. Тот отказал. В ответ, как повелось – мятеж, Ореста убили. Власть захватил один из его заместителей Флавий Одоакр. Требования солдат насчет земли он удовлетворил, а поскольку был человек добрый, Ромула Августула пощадил. Отправил его на жительство в Кампанию, где ему отвели виллу, которой в разные времена владели великие римляне Лукулл и Марий.

Насчет дальнейшего Одоакр придерживался той точки зрения, что соблюдение проформы в виде обязательного наличия частиц древней римской крови в императорских жилах

уже ни к чему, да и вообще вся эта игра в империю порядком надоела. Поэтому сам воссел на престол в Равенне и стал править, как германский конунг.

Знаки императорской власти, в том числе пурпурную тогу, отослал в Константинополь тамошнему восточному императору (басилевсу). Ну, отослал и отослал. По большому счету – чего особенного. За будничными заботами этого никто и не заметил. Сколько их еще будет, великих империй!

От Галлии к Франции

Начало Меровингов

Большей частью того, что будет рассказано в этой главе, мы обязаны Григорию Турскому – историку VI в., епископу города Тура. Если бы не его «История франков», для нас это были бы темные века французской истории, о которых мы могли бы судить только по отрывочным сведениям других авторов да по догадкам позднейших историков.

* * *

Те, кто дал имя Франции, сначала франками не были. Было несколько германских племен, живших в нижнем и среднем течении Рейна. Племен близких друг другу, но не настолько, чтобы носить одно имя. И лишь к III в. общность укрепляется, появляется этноним – франки. Те, что жили в низовьях Рейна, стали зваться салическими (прибрежными), те, что ближе к среднему течению, – рипуарскими.

Тогда же стал выделяться влиятельный род конунгов, одним из которых был полупоупендарный Меровет, а его потомки стали называться Меровингами. Одни они среди франков могли носить длинные, ниспадающие на плечи волосы (как правило, белокурые) – все остальные должны были коротко стричься. Длинные волосы – отличительная черта бога Одина. Именно от него вели свою родословную эти первенствующие среди франкской знати. По этой отличительной черте короли-Меровинги получили еще и прозвище «длинноволосых королей».

Франки были закоренелыми язычниками, они не восприняли христианство даже в упрощенной форме арианской ереси. Боги германского пантеона, боги рек и лесов – вот объекты их поклонения.

Жили, как подобает жить германцам: постоянно тревожили земли империи, не забывали иноплеменных собратьев по арийской расе, да и внутренней розни хватало.

Первое имя, достаточно достоверно запечатленное историей, это Хильдерик (возможно, сын Мероветя). Про него известно, что в юности он вместе с матерью побывал в плену у гуннов, но их вызволил оттуда преданный человек по имени Виомад.

Хильдерик был королем салических франков с 457 по 481 г. Срок вроде бы немалый, но в реальный стаж правления вклинился многолетний перерыв.

Король на определенном этапе жизненного пути отличался великой распущенностью, и в соблазнении дочек ближних и дальних соседей поднаторел изрядно. Оскорбленные отцы и братья пришли в конце концов в ярость, и франки лишили своего короля власти – народное собрание обладало еще немалыми правами. Хотели даже заодно убить, но он благоразумно сбежал в Тюрингию – королевство германцев-тюрингов, расположенное между Эльбой и Дунаем. Перед бегством разрубил пополам золотой слиток и одну половинку вручил верному Виомаду с уговором: если тот ему ее перешлет, значит, накал страстей спал, можно возвращаться. Хильдерик нашел приют у короля тюрингов Бизины и его жены Базины.

Франкский воин

Осиротевшие же франки призвали к себе правителем римского полководца Эгидия – наместника еще сохранявшейся за империей части Галлии, и провозгласили его своим королем. Как видно, этот совместитель пришелся германцам по душе, он единолично правил семь лет. Но Виомад старался, как мог, настроить соотечественников против короля-римлянина. И вскоре Хильдерик получает недостающую часть слитка: можно возвращаться.

Вернулся, успевшие позабыть былое франки его приняли: как-никак, законный потомок длиннокудрого рода. Похоже, какое-то время он правил совместно с Эгидием. В битве под Орлеаном в 463 г. они вместе отражали попытавшихся урвать очередной кусок от имперской Галлии аквитанских вестготов. Вместе они были и в победной битве с саксами в 464 г., но Эгидий вскоре скончался.

Неожиданно выяснилось одно пикантное обстоятельство: укрываясь в Тюрингии, опальный король времени зря не терял. К нему заявила, бросив мужа, гостеприимная королева Базина и держала такую речь: «Я знаю твои доблести, знаю, что ты очень храбр, поэтому я и пришла к тебе, чтобы остаться с тобой. Если бы я узнала, что в заморских краях есть человек достойнее тебя, я сделала бы все, чтобы с ним соединить свою жизнь». Видно, слух о таком заморском человеке так и не дошел, и у Хильдерика и Базины родился крепенький мальчик, нареченный Хлодвигом.

Из других деяний Хильдерика можно отметить новую победу над вестготами, напавшими на этот раз на земли кельтов в нынешней Бретани (это территория с очень интересным составом населения и историей, мы о ней не раз будем говорить). Союзником его при этом был преемник Эгидия римский наместник Павел, павший в этой битве.

Хильдерик одержал также еще одну победу над саксами. Это был очень беспокойный германский народ, не имевший у себя никакой твердой власти. Может быть, именно поэтому их племена и общины разбросались на огромные расстояния друг от друга. Часть их освоила морское дело и участвовала вместе с англами в завоевании Британии. Другие закрепились на островах в устье Луары и оттуда разбойничали по всем приморским окрестностям, в том числе в землях франков. После поражения они на время утихомирились (сейчас потомки саксов живут в восточногерманской земле Саксонии, столицей которой является Дрезден).

Еще Хильдерик помог римскому королю Одоакру (так величался тот, кто упразднил Западную Римскую империю) одолеть вторгшихся в Италию алеманнов.

Хлодвиг

Великий франкский король стал властителем в 15 или 16 лет, в 481 г. Уже в эти лета он успел показать себя «славным и могучим воином». Его избрание произошло (вернее, было утверждено) на народном собрании франков. По традиции, воины вознесли юного короля, стоящего на щите, высоко над головами и совершили с ним три положенных круга.

В самое ближайшее время Хлодвиг раскрылся во всю широту своей натуры, доказав, что нет предела не только его боевой доблести, но и ненасытности в захватах, и коварству. А люди с такими задатками на месте не сидят.

Первым вызвал его раздражение сын Эгидия – Сиагрий. Уже не стало Западной Римской империи, но на ее галльском реликте Сиагрий продолжал править, как заправский конунг, сделав своей столицей Суассон. Его так и называли: «король римлян» (не путать с титулом Одоакра. «Римский король» – понятие, возникшее благодаря факторам историческим и географическим, а «король римлян» – скорее этническим. Просто германцы обычно принимали галлов и римлян за одно и то же).

Возможно, Хлодвиг особенно беспокоило то, что этот отпрыск Эгидия тоже может заявить наследственные права: ведь его отец какое-то время был королем франков (впоследствии такого рода озабоченность Хлодвига многим стоила жизни).

В 486 г. в решающем сражении Сиагрий был разбит. С остатками войска он попытался найти пристанище у короля аквитанских вестготов. Но Хлодвиг это не устраивало: он отправил в Тулузу послов с требованием выдать беглеца. Иначе – война. Было бы из-за чего ссориться. «Король римлян» связанным передается посланцам и попадает в руки короля франков. Там он некоторое время содержится под стражей. Но, захватив все его владения, Хлодвиг тайно приказал заколоть пленника мечом.

К этим событиям относится знаменитая история с «суассонской чашей». Язычник Хлодвиг разграбил в завоеванном королевстве множество христианских церквей (впрочем, то же самое зачастую делали и его наихристианнейшие потомки), но какие-то религиозные сомнения у него уже, вероятно, были. К нему явились люди местного епископа и попросили вернуть хотя бы необходимую для богослужения чашу-дароносицу. А она была необыкновенной красоты, вся изукрашенная драгоценными камнями. Король ответил посланцам: «Следуйте за нами в Суассон, там должны делить всю военную добычу. И если этот сосуд, о котором просит епископ, достанется по жребию мне, я выполню его просьбу». В то время король при дележе должен был довольствоваться определенной долей (разумеется, «номенклатурной»).

В Суассоне Хлодвиг, стоя подле огромной груды сокровищ, громко обратился к своим соратникам: «Храбрые воины, я прошу вас отдать мне, кроме моей доли, еще и этот сосуд». Люди разумные не возражали, предание донесло до нас следующие их слова: «Славный король! Все, что мы здесь видим – твое, и сами мы в твоей власти. Делай теперь все, что тебе угодно. Ведь никто не смеет противиться тебе!»

Но нашелся один «вспыльчивый воин, заносчивый и неумный» (может быть, к тому же еще и борец за справедливость), который подскочил к чаше, выкрикнул, что король получит только то, что ему положено по жребию – и рубанул по ней секирой.

Хлодвиг

Король сдержался, передал посланцам поврежденную драгоценную утварь. Но память у него была хорошая. На следующий год он приказал всем своим воинам явиться во всеоружии на Мартовское поле (так называлось место традиционных народных собраний, но теперь это были скорее военные смотры). Все сошлись, явился и «заносчивый и неумный». Король обходил ряды, у каждого осматривая вооружение. И вот он около обидчика. Прозвучало: «Никто не содержит оружие в таком плохом состоянии, как ты. Ведь ни копье твое, ни меч, ни секира никуда не годятся». С этими словами он вырвал из рук воина боевой топор и бросил на землю. Как только тот нагнулся за ним, Хлодвиг разрубил ему голову: «Вот так

и ты поступил с той чашей в Суассоне». Умные пережили понятный страх и сделали правильные выводы.

* * *

Родственник Хлодвига, король Харарих стоял во главе другой ветви салических франков, владевшей частью земель в низовьях Рейна. Хлодвиг не оставил без внимания его поведение во время своей недавней войны с Сиагрием: Харарих не пришел на помощь ни к одному из соперников, явно выжидая, чем кончится дело, чтобы примкнуть к победителю.

Хлодвиг двинулся на него с войском, но до битвы дело не дошло, Харариха вместе с сыном удалось захватить хитростью. Чтобы убрать их из всякой политической игры, король-победитель распорядился рукоположить обоих в священническое сословие (они были христианами): отца в сан пресвитера (священника), сына в диаконы. При этом их остригли, лишив тем самым достоинства длинноволосых меровингских королей.

Харарих расплакался от такого унижения, а сын стал его утешать: «Эти ветви срезаны на зеленом дереве, но они вовсе не отсохли и скоро могут отрасти. Если бы так же быстро погиб тот, кто это сделал!» Эти слова перенесли Хлодвигу и он сразу уразумел их смысл: обесчещенные родственники подождут, пока отрастут волосы, вернут себе королевское достоинство и убьют его. Он сразу же приказал обезглавить их.

* * *

Вскоре судьба послала Хлодвигу подругу жизни (у него уже был сын Теодорих, но от наложницы).

В Бургундии правили, помимо старого короля Гундевеха, четыре его сына: Гундобад, Годигизил, Хильперик и Годомар. Но стольким королям сразу, хоть и родным людям, было тесно, и Гундобад со своими воинами ворвался во дворец Хильперика и устроил там бойню – при этом самолично зарубил мечом брата. Жену его приказал утопить в реке, а двух дочек, Хрону и Хродехильду, пощадил. Сироток взял к себе их дедушка король Гундевех. Старшая, Хрона вскоре постриглась в монахини.

Когда Хродехильде исполнилось восемнадцать, послы Хлодвига, вернувшиеся из Бургундии, рассказали ему, что при дворе старого Гундевеха расцвел чудесный цветочек. И красавица, и умница, к тому же доброго нрава. Хлодвига это известие почему-то особенно взволновало, и он отправил новое посольство, теперь уже со сватовством. Дед был не против: и девице пора, и жених может стать надежным защитником. А то как бы дядя Гундобад не сменил милость на гнев – мало ли какие соображения династического характера взбредут в варварскую голову... Мнением невест тогда не очень интересовались, но Хродехильда тоже была не против. Послы вернулись с избранницей. Хлодвиг, познакомившись с ней поближе, был счастлив, и вскоре сыграли свадьбу.

Хродехильда была ревностной христианкой, причем приверженкой не арианской, а вселенской, католической церкви. Когда у них родился первый ребенок – мальчик, мать пожелала окрестить его. Муж по-прежнему оставался язычником, на уговоры жены стать христианином не поддавался: «Все сотворено и произошло по воле наших богов, а ваш бог ни в чем не может себя проявить, и что самое главное, не может доказать, что он из рода богов». Но против крещения младенца возражать не стал, даже сам пожелал присутствовать при обряде.

Хродехильда постаралась как можно красивее убрать храм Божий коврами и полотнищами: чтобы хотя бы таким образом повлиять на мужа, раз уж на него не действуют ее уго-

воры. Но мальчик сразу после крещения умер – на нем еще оставались те белые одежды, в которых он был при совершении таинства.

Хлодвиг был в горе и гневе: «Это все из-за твоего бога». Королева и в несчастье была тверда в вере: «Душа моя не печалится, ибо я знаю: если кто-то призван из этого мира в белых одеждах, тот пребывает в Царстве Божьем».

Когда родился второй сын, мать опять крестила его, и опять ребенок, нареченный Хлодомером, серьезно заболел. Можно себе представить, что переживал отец: «С ним случится то же, что и с его братом. Крещенный во имя вашего Христа, он скоро умрет». Но мать горячо молилась, и мальчик выздоровел.

А потом случилось то, что сильнее всякой проповеди подействовало на варварского конунга. Была жестокая битва с алеманнами (швабами), обосновавшимися к востоку от Франкского королевства. Дело шло к тому, что войску Хлодвига грозило полное истребление. И тогда король, по словам Григория Турского, «возвел очи к небу и, умилившись сердцем, со слезами на глазах произнес: «О Иисусе Христе, к Тебе, Кого Хродехильда исповедует как Бога Живаго, к Тебе, который, как говорят, помогает страждущим и дарует победу уповающим на Тебя, со смирением взываю проявить славу могущества Твоего...».

Далее, как нетрудно догадаться, следовало обещание принять крещение в случае дарования победы. И победа была ниспослана, алеманны побежали. Когда погиб их король, они взмолились к Хлодвигу: «Просим тебя не губить больше народ, ведь мы уже твои». Тот остановил побоище, ободрил своих новых подданных словами, отпустил их по домам и вернулся домой сам.

Королева была в великой радости, когда муж поведал ей о происшедшем. Она тайно призвала епископа Ремигия, и тот долго наставлял короля в вере. Проповедь была успешной. Хлодвиг принял ее так близко к сердцу, что когда речь зашла о Распятии Христа, воскликнул: «Если бы я был там со своими франками, то отомстил бы!»

Вместе с Хлодвигом пожелали креститься все его воины. Христианство ни для кого не было в диковинку: все давно уже жили и рядом с христианами и среди них, а некоторые служили еще в римской армии.

Крещение Хлодвига

Вот как это происходило: «На улицах развешивают разноцветные полотнища, церковь украшают белыми занавесами, баптистерий (крестильню) приводят в порядок, разливают

бальзам, ярко блестят и пылают благовонные свечи, весь храм баптистерия наполняется божественным ароматом. И такую благодать даровал там Бог, что люди думали, что они среди благоуханий рая. И король попросил епископа крестить его первым... Когда он подошел, готовый креститься, святитель Божий обратился к нему с такими словами: «Покорно склони выю, Сигамбр, почитай то, что сжигал, сожги то, что почитал».

Сигамбры – это германское племя, отличавшееся яростной воинственностью, одно из составивших народность франков. В те времена память о них сохранялась как о доблестных воинах. Вслед за Хлодвигом крестилось более трех тысяч человек из его войска. Крестилась и любимая его сестра Альбофледа. Увы, она вскоре умерла, но теперь Хлодвиг воспринял это с должным смирением – слава Богу, что она скончалась в святой вере.

* * *

Участники того обряда крещения не знали, какой не только духовной, но и исторической значимости свершается событие.

Хлодвиг стоял на пороге тотального завоевания Галлии, а Галлия была страной с давними христианскими традициями – почти такими же давними, как само христианство. Были свои проповедники, свои подвижники веры, свои мученики. Усиливали гонения на христиан римские императоры-язычники, такие, как Деций (III в.) или Диоклетиан (нач. IV в.) – лилась кровь и в Галлии. Приняли мученический венец первый епископ лионской церкви Фотин, его преемник блаженный Иреней и еще 48 отнесенных к лику святых мучеников. В такие годы, по словам Григория Турского, «так много было убито христиан за исповедание имени Господня, что по улицам текли реки христианской крови; число и имена их мы не можем установить, Господь же вписал их в книгу жизни». Но никакая жестокость не помогала – во всех крупнейших городах Галлии были образованы епископства.

Самый чтимый национальный святой, небесный покровитель Франции – святой Мартин (336–397 гг.). Родился он в римской провинции Паннонии, воспитывался в Италии (в Павии), потом переселился в Галлию. С детства отличался набожностью и добротой: готов был отдать последнее даже из своей одежды – и бедным детям, и нищим. Распространенный сюжет мировой живописи: «Св. Мартин и нищий», где подвижник делится с убогим своим теплым плащом (разрезает его пополам мечом).

В 361 г. близ Пуатье он основал первый на Западе монастырь, устроенный по строгому уставу старейших восточных обителей. Затем принял епископскую кафедру в Туре по просьбам его жителей. Неустанно вел апостольскую деятельность, причем, обращая язычников, не ограничивался проповедью, но разорял капища, вырубал священные деревья и рощи, строил церкви и монастыри. Жил сначала в монашеской келье, потом соорудил себе хижину на берегу Луары – там, где теперь монастырь Мармутье.

Св. Мартин совершил много чудес исцеления, трижды даже воскрешал умерших. Когда же сам занемог и скончался в деревне Канде – между жителями Пуатье и Тура возник спор, какому городу принадлежит честь принять у себя останки святого. Ночью тело бдительно стерегла стража из Пуатье – но ее неожиданно сморил сон. «Конкуренты» не потерялись, и Мартин совершил последнее свое путешествие по нашей брэнной земле – по Луаре его доставили в Тур. Множество чудес произошло и на его гробнице, и при молитвенном обращении к его имени. Базилика Святого Мартина в Туре, где он захоронен, – одно из самых почитаемых святых мест во Франции.

За годы свободного исповедания христианства в Галлии было построено множество храмов и монастырей, хотя их постоянно разоряли и жгли при своих нашествиях варвары.

То, что Хлодвиг принял крещение именно от вселенской церкви, было чрезвычайно важно. Ортодоксальное христианство исповедовали практически все жители Галлии, галль-

ские епископы имели постоянное общение с константинопольским патриархом и папой римским.

До франков христианство приняли многие германцы, в частности, готы, вандалы, бургунды, но приняли они его, как мы знаем, в форме арианской ереси. Поэтому, когда они завоевывали земли Римской империи, у них постоянно возникали конфликты на религиозной почве с местными жителями, которые смотрели на пришельцев мало того что как на завоевателей, но еще и как на еретиков и утеснителей истинной веры. Насколько брезгливо относились православные к арианам, можно судить по тому, что они были уверены в том, что у основателя ереси пресвитера Ария в отхожем месте вывалились кишки, отчего он и скончался.

Ариане вели себя порою очень агрессивно. Разоряли храмы вселенской церкви, пытались обратить в свою веру ее приверженцев под страхом притеснений и смерти. Одну благоверную знатную девушку по приказу вандальского короля долго пытали, добиваясь, чтобы она приняла арианское крещение. Когда же ее насильно усадили в купель – «загрязнила всю воду, как та и заслуживала, испражнениями своего чрева». Опять пытки – и мучительная казнь.

Когда дочь Хлодвига, Хлотхильду выдали замуж в Испанию за тамошнего готского короля арианина Амалариха – тот устроил настоящую травлю собственной супруги. Часто ее избивал, приказал швырять в нее навоз, когда она шла молиться в католическую церковь. Наконец, несчастная женщина после очередных особенно жестоких побоев переслала брату во Франкское королевство свой платок, весь перепачканный кровью. Тот явился за сестрой с большим войском. Король Амаларих попытался бежать и уже было спасся, погрузившись на корабль – но вспомнил о каких-то забытых во дворце драгоценностях, вернулся за ними, был схвачен и убит. Однако по пути домой скончалась и Хлотхильда.

Франки же стали единоверцами с галло-римлянами, и уже поэтому могли рассчитывать на более благожелательный прием. Поэтому они смогли гораздо успешнее интегрироваться в местное общество, чем другие завоеватели – германцы. На их стороне оказывались вся мощь, все влияние вселенской церкви. В плане международных отношений им легче было находить общий язык с правительством Восточной империи (Византии) – константинопольским двором.

* * *

Появился повод проведать родню супруги – путь лежал в Бургундское королевство. Там начали выяснять отношения дядья – убийца ее отца и матери Гундобад с Годагизилом. Последний послал к Хлодвигу гонца с предложением, от каких тогда не отказывались: помоги мне уничтожить брата, а я тебе всю жизнь буду выплачивать дань, какую пожелаешь. Франки выступили в поход.

Гундобад же, не зная, что к чему, послал к Годагизилу: враг идет, давай обороняться вместе. Но когда, наконец, понял, что два войска движутся не друг на друга, а на него, и движутся скоординированно – было поздно, пришлось принять сражение. Неподалеку от Дижона его войско было полностью разгромлено. Самому Гундобаду, однако, удалось бежать в Авиньон.

Хлодвиг направился за ним туда, чтобы, по своему обыкновению, добить врага. Но у Гундобада нашелся ловкий и смысленый придворный по имени Аридий, который вызвался выручить своего короля. Заручившись его согласием, он притворно переметнулся к Хлодвигу, изображая перебежчика: мол, прежнего господина мочи уже нет терпеть, а во мне ты обретешь верного слугу. Хлодвиг поверил, а поскольку Аридий был человеком нрава веселого и открытого – приблизил к себе. Ну, тот его и надоумил: зачем тебе губить страну,

стравливать поля, выламывать виноградники и рубить масличные деревья? Лучше отправь к Гундобаду посольство, да и наложи на него дань – такую, что мало не покажется.

Франкский король, поразмыслив, так и сделал. Гундобад с радостью заплатил за этот год и за год вперед. А потом, когда вновь собрался с силами, посчитал, что быть вечным данником – ниже его достоинства. Мало того, выступил с войском против прежнего Хлодвига союзника – Годегизила и запер его во Вьенне.

В осажденном городе начался голод, и по приказу короля оттуда выдворили всех простых людей, ненужных для обороны. Среди изгнанных оказался смотритель городского водопровода. Он был очень оскорблен той бесцеремонностью, с какой с ним обошлись, и предложил Гундобаду провести его воинов в город по подземным коммуникациям.

Когда отряд отправился этим путем, основная часть войска пошла на приступ. Осажденные высыпали на стену, отражая штурмующих – и в это время враг оказался у них в тылу. Городские ворота были захвачены и распахнуты, началась резня.

Годегизил укрылся в арианской церкви, но брат прикончил его там вместе с епископом. Были истреблены и те виднейшие («сенаторы») из галло-римлян и бургундов, которые были ближними убитому королю людьми.

В дальнейшем Гундобад, подчинивший себе всю Бургундию, оказался мудрым правителем. Он установил законы («Бургундскую правду»), по которым галло-римляне не притеснялись.

Но что касается Хлодвига – родители жены остались неотомщенными, Бургундия ему не досталась. Ее завоевание стало задачей его ближайших потомков.

* * *

Король вестготского Тулузского (Аквитанского) королевства Аларих, впечатленный победами Хлодвига, предложил устроить встречу. Она состоялась на острове посреди пограничной Луары. Потолковали, попиروвали – выпили как следует вина, поклялись в вечной дружбе – и расстались с миром.

Но через некоторое время Хлодвиг вспомнил, что Аларих и его вестготы – ариане, а негоже еретикам владеть галльской землей. Воины его думали точно так же, и вскоре войско двинулось на Пуатье, где находился тогда аквитанский король.

Путь лежал через окрестности Тура, землю святого Мартина, которого Хлодвиг с некоторых пор особенно чтит. Последовал строгий приказ: чтобы никаких грабежей, не прикасаться ни к чему, кроме воды и травы. Но один воин стал умничать: завидев на дворе у какого-то бедняка стог сена, рассудил, что сено – это тоже трава, и присвоить ее не грех. Это стоило ему жизни: король узнал и, не раздумывая, зарубил его мечом. «Как мы можем надеяться на победу, если оскорбляем блаженного Мартина?» Больше проблем такого рода не возникало.

Хлодвиг, моля святого Мартина об успехе, отправил двоих своих слуг в его базилику с богатыми дарами и приказал им быть внимательнее – не подаст ли святой какой-нибудь обнадеживающий знак? И когда те приблизились к вратам храма, оттуда донеслись слова псалма: «Ты препоясал меня силою для войны и низложил под ноги мои восстающих на меня». Посланцы немедленно передали королю благую весть, и тот был в великой радости.

Вскоре войско подошло к реке Вьенне, которая так разбухла от дождей, что не было никакой возможности переправиться через нее. Но тут на виду у всех олень удивительных размеров перешел реку вброд, и король, возблагодарив Господа, продолжил поход.

Битва произошла в долине Вуйе, близ Пуатье. Готы бились преимущественно копьями, франки – мечами. Наконец, аквитанцы обратились в бегство, Аларих погиб. Хлодвиг во время сражения тоже был на волосок от гибели, когда на него неожиданно налетели двое – но он как-то изловчился, увернулся от ударов, а потом его выручила быстрота коня.

Когда войско вступило в Тулузу, там были захвачены огромные сокровища. Но по просьбам правившего в Италии остготского короля Теодориха, государя могучего и авторитетного, Хлодвиг оставил кусок южной Галлии (часть Прованса) во владение сыну погибшего Алариха – Амалариху. Зато другой Теодорих, подросший сын Хлодвигу, по повелению отца захватил множество городов вплоть до бургундских владений.

Хлодвиг с триумфом возвратился в Париж, который сделал основной своей резиденцией. По пути же заехал в Тур, где вновь щедро одарил усыпальницу святого Мартина.

Туда же, в Тур к Хлодвигу прибыли посланцы византийского императора Анастасия. Они вручили грамоту о присвоении ему консульского достоинства, после чего в базилике святого торжественно облачили в пурпурную тунику и мантию, а на голову возложили золотой венец. С этого дня Хлодвиг предпочитал именоваться консулом или Августом.

* * *

В этой войне против вестготов Хлодвигу помогал Хлодерих – сын короля рипуарских франков Сигиберта Хромого (рипуарские франки, как помним, это та часть франкской народности, которая занимала значительную часть ее базовых германских земель, по среднему течению Рейна. Центром их был Кельн).

Отпраздновав победу, Хлодвиг тайно отправил Хлодериху письмо с такими словами: «Вот, твой отец состарился, у него больная нога, и он хромает. Если бы он умер, то тебе по праву досталось бы вместе с нашей дружбой и его королевство».

Хлодерих понял все так, как от него и требовалось: когда старый король переправился из Кельна на другой берег Рейна, чтобы погулять в Буконском лесу, во время отдыха в шатре его умертвили подосланные сыном убийцы.

Свершив злодейство, Хлодерих послал подстрекателю весточку: «Мой отец умер, и его богатство и королевство у меня в руках. Присылай ко мне своих людей, и я охотно передам тебе из сокровищ Сигиберта все, что им понравится».

Посланцы прибыли, Хлодерих хвастливо распахнул перед ними отцовские сундуки. Дивясь на представшее им великолепие, один из послов попросил хозяина запустить всю руку в груды золота – достанет ли до дна. Хлодерих охотно согласился на эксперимент, и когда низко наклонился – гость рассек ему секирой череп.

Хлодвиг тотчас же прибыл в Кельн, собрал народ и выдвинул такую версию происшедшего. Хлодерих будто бы наговорил отцу, что он, Хлодвиг хочет его убить, а когда старик в страхе попытался укрыться в Буконском лесу – его там уже ждали направленные сыном убийцы. Самого же Хлодериха убили какие-то неизвестные, когда он, сгорая от нетерпения, вломился в отцовскую сокровищницу. Он же, король Хлодвиг, во всем этом совершенно невиновен, в этом ни у кого не может быть сомнения. Не мог же он пролить кровь своих родственников? «Но уж раз так случилось, то я дам вам совет – только покажется ли он вам приемлемым? Обратитесь ко мне, дабы вам быть под моей защитой».

Рипуарским франкам оставалось только радостно загреметь оружием в знак одобрения, поднять Хлодвигу на круглом щите и провозгласить его своим королем. Это была очень важная прибавка к державе.

* * *

Поблизости, в Камбре, королем был еще один родственник – Рагнахар. Невероятный чревоугодник и сладострастник, совсем забросивший королевские обязанности. Все дела он передал своему советнику и закадычному другу Фаррону. Что бы ни подносили королю в

дар или для угощения, он любил приговаривать: «Мне и моему Фаррону этого достаточно». А тот, по свидетельству историка, субъектом был преотвратным.

Подданные возмущались таким поведением своего короля. Хлодвиг, зная об этом, переслал тамошней знати богатые по внешнему виду дары: массивные золотые изделия. На самом же деле это были лишь искусно позолоченные медяшки.

За это вельможи должны были обратиться к Хлодвигу с призывом выступить против их повелителя – что они и сделали. Когда король Рагнахар услышал от своих разведчиков, что сосед приближается с войском, он спросил, велика ли сила у Хлодвига. На что получил ответ: «Тебе и твоему Фаррону этого достаточно».

Как только началось сражение, его воины сразу разбежались, а самого его вместе с братом Рихаром схватили собственные приближенные, связали обоим руки за спиной и привели к победителю.

Суд Хлодвига был недолгим. «Зачем же ты позволил себя связать? Этим ты опозорил наш род. Лучше бы тебе было умереть». И собственноручно зарубил пленного короля секирой. Потом обратился к Рихару: «Если бы ты помог своему брату, его бы не связали». И того постигла такая же участь.

К тому времени неверные подданные убитых наконец уразумели, каким золотом расплатился с ними Хлодвиг, и обратились с претензией. Но король отрезал: «Вы должны быть довольны тем, что остались в живых, а не сдохли под пытками за то, что предали своих господ».

Тогда же в городе Ле-Мане был убит Ригномер – другой брат короля Рагнахара.

* * *

Однажды Хлодвиг чуть не до слез затосковал на многолюдном пиру: «Горе мне, что я остался один среди чужих людей, и нет у меня никого из родных, кто мог бы помочь мне в минуту опасности». Но тоска эта была беспримерной хитростью: задушевными речами король хотел растрогать и приманить еще какого-нибудь родственника, кто – чем черт не шутит? – сумел уцелеть после такого тотального истребления.

Но вот что интересно: многие из современников охотно предпочитали жить под властью короля Хлодвига, чем где-либо еще. Потому что в его государстве установился хотя бы относительный порядок. А Григорий Турский, по природе своей человек вполне гуманный, в своем сочинении буквально поет повелителю франков дифирамбы за то, что тот, устранив прочих соискателей престола, обеспечил единство страны.

Григорий жил в более позднюю эпоху, когда в Галлии правили несколько непримиримо враждующих королей, не считая совершенно разнузданных герцогов и самозванцев. Историк-епископ обращается с мудрым христианским призывом ко всем владыкам: «Если ты, о король, любишь междоусобную войну, то веди ту, что, как говорит Апостол, происходит в человеке, то есть когда дух желает противного плоти и пороки побеждаются добродетелями».

Хлодвиг скончался в 511 г. в Париже в возрасте 45 лет, а королем он был 30 лет. Похоронили его в церкви Святых Апостолов, которую он сам построил (теперь это церковь Святой Женеьевы).

«Королева же Хродехильда после смерти своего мужа переехала в Тур, и там она прислуживала при базилике Святого Мартина, проводя все дни своей жизни в высшей степени скромно и добродетельно и редко посещая Париж».

В последний раз она прибыла в столицу навсегда: ее похоронили рядом с мужем. Но до этого было еще далеко, а оставшиеся ей годы Хродехильда провела отнюдь не в тихой печали.

Потомство короля Хлодвига

Оплавав отца, четыре его сына: Теодорих (у которого у самого был уже взрослый и деятельный сын Теодоберт), Хлодомер, Хильдеберт и Хлотарь поделили Франкское королевство на четыре примерно равные по доходам части.

Старшему сыну Теодориху достались старая рипуарская (исконно-германская) область Австразия (здесь же была его резиденция – Реймс) и восточная Аквитания. Хлодомер получил остальную Аквитанию – области Тура и Пуатье, столица его была в Орлеане. Хильдеберт владел землями между Соной, Луарой и морем (северозападной частью Галлии) со столицей в Париже. Наконец, Хлотарь стал править областью между Соммой, Маасом и морем (на севере и северо-востоке Галлии), главным городом его стал Суассон. Верховным королем считался Теодорих.

Поначалу братьев волновали новые территориальные захваты. Но иногда приходилось и защищаться. Так, на Галлию напали, приплыв по морю, даны (предвестие грядущего разбоя викингов). Высадились они во владениях Теодориха, опустошили прибрежные поселения, забрали множество пленных. Но королевский сын Теодоберт не дал пришельцам уйти безнаказанно – поспев с сильным войском, разбил их на суше, а его флот победил в морском сражении. Удалось вернуть и награбленное, и людей.

* * *

В соседних с франками королевствах было смутно. У тюрингов правили три брата: Бадерих, Герменефред и Бертахар. В братском согласии прожили они недолго. Герменефред напал на Бертахара и убил его – пощадив, однако, его сына и дочь Радегунду. Но жена победителя, злобная Амалаберга, племянница короля Италии Теодориха Великого, постоянно накручивала мужа на новые подвиги. Однажды тот пришел к обеду и увидел, что стол накрыт только наполовину. Герменефред спросил у супруги, что это значит, и услышал: «Кто в королевстве владеет лишь половиной, тому и стол следует накрывать лишь наполовину».

Капелька по капельке, и раззадорила-таки: Герменефред двинулся и на брата Бадериха. Но для надежности заключил союз с франком Теодорихом, пообещав: «Если ты убьешь его, мы поровну поделим его королевство». Поклялись хранить друг другу верность и отправились на войну. Бадерих был разбит и погиб в битве. Теодорих вернулся к себе в Реймс, а его союзник и думать забыл о своих обещаниях. Затаились семена вражды, а такой посев в те благодатные времена всегда давал всходы.

* * *

В Бургундии умер Гундобад, королем стал его сын Сигимунд. Первой женой Сигимунда была женщина голубых кровей – дочь все того же Теодориха Великого. У них был сын по имени Сигирих.

Когда жена умерла, Сигимунд взял другую, из местной знати. Мачеха, что не редкость во все времена, невзлюбила пасынка, всячески досаждала ему. Сигирих, в свою очередь, возненавидел ее. Однажды, когда та в праздничный день надела платье предшественницы, он взорвался: «Ты недостойна, чтобы платье, которое принадлежало моей матери, твоей госпоже, покрывало твое тело!».

Но ночная кукушка любую другую перекукует: королева стала упорно внушать мужу, что сын собирается убить его и завладеть королевством. Для большей убедительности рисо-

вала такую перспективу: захватив власть, негодный наследник раздвинет границы Бургундии до самой Италии, а потом будет претендовать на королевство своего деда, Теодориха Великого.

Так и довела мужа до страшного греха. Однажды, когда во время обеда Сигирих сильно захмелел, король отправил его спать. Лишь только юноша задремал, ему под шею подсунили платок и двое слуг задушили его. Король потом горевал, жалея сына, но один старец сказал ему: «Плачь о себе, что ты стал детоубийцей, а о нем, невинно убиенном, не стоит плакать».

* * *

Тем временем над головой Сигимунда, его семьей и его королевством сгущались другие тучи. Вдова Хлодвига, королева Хродехильда, созвала своих сыновей – королей и напомнила им, какой ужас она перенесла когда-то в Бургундии. Как ее дядя Гундобад, отец Сигимунда, умертвил ее отца и мать, как сама она постоянно трепетала, ожидая расправы. «Да не раскаюсь я в том, что вас, дорогие мои дети, воспитала с любовью. Разделите со мной мою обиду и постарайтесь умело отомстить за смерть моего отца и моей матери». Люди и тогда не умели забывать зло, особенно женщины. К тому же и в помине не было того понятия, что сын за отца не отвечает.

Франкские короли выступили в поход против Сигимунда и его брата Годомара. Они победили в сражении, Сигимунд вместе с женой и сыновьями попал в плен к Хлодомеру, но Годомару удалось бежать. Вскоре он собрался с силами и овладел Бургундией.

Хлодомер привез пленников к себе в Орлеан и держал там под стражей. Он готовился к новому походу – на Годомара. Блаженный аббат Авит предрек ему, что если он не причинит вреда Сигимунду и его ближним, то будет удачлив в предстоящей войне. Если же лишит их жизни – пусть пеняет на себя. Но Хлодомер возразил ему рассудительно, что было бы неразумно, выступив на одних врагов, оставить других у себя дома. И приказал утопить всех пленников в колодце.

Хлодомер соединился с братом Теодорихом, и франки двинулись на Бургундию. А там предсказание аббата Авита оправдалось. Проиграв битву, Годомар со своим войском обратился в бегство. Хлодомер бросился преследовать его, далеко оторвался от своих, и вдруг услышал: «Сюда, сюда, это мы, твои люди!» – и свой условный сигнал. Подъехав на зов, он оказался в гуще врагов. Те отрубили ему голову и насадили на шест.

Франки разбили Годомара и в новой битве. Но он опять спасся, а через короткое время вернул себе королевство.

На вдове своего погибшего брата Гунтевке женился король Хлотарь. А его сирот, мальчиков Теодовальда, Гунтара и Хлодовальда взяла к себе на воспитание их бабушка, королева Хродехильда – та, что устроила всю эту свару.

* * *

Теодорих не забыл, как обманул его тюрингский король Герменефред, которому он помог одолеть и погубить его брата. Для похода он объединился со своим братом Хлотарем, пообещав ему часть добычи.

Перед выступлением он, чтобы разъярить своих воинов, напомнил им о не столь уж давней истории: «Прошу вас, не забывайте ни моей обиды, ни гибели ваших отцов. Помните, как тюринги некогда напали на них и причинили им много зла. Дав заложников, наши отцы хотели заключить с ними мир. Но те умертвили различными способами самих заложников и, напав на наших отцов, отняли у них все имущество, повесили мальчиков на деревьях за срамные уды и погубили более двухсот девушек ужасной смертью: они привязали их

за руки к гривам лошадей, которые под ударами палок помчались в разные стороны; других же положили на дороге, прибили их кольями к земле, прокатили по ним груженные телеги и, переломав им кости, выбросили на съедение собакам и птицам. И теперь Герменефред обманул меня, он не выполнил своего обещания, и похоже на то, что он вовсе и не выполнит его. Видите, наше дело правое. Пойдем же с Божьей помощью на них!».

После такой речи Тюрингию не ждало ничего хорошего. Хотя ее защитники и приготовили франкам сюрприз: нарыли волчьих ям, замаскированных хворостом и дерном. В начале битвы первые ряды франкских всадников действительно понесли большие потери, но потом они стали осторожнее, обошли ловушки и нанесли тюрингам страшнейшее поражение. На пути бегущих оказалась река, и на ее берегах произошла такая бойня, что франки перебрались на другой берег как по мосту по горе трупов, перегородивших русло.

Так почти вся Тюрингия была подчинена франками, только небольшую ее часть успели прибрать к рукам саксы. Но Герменефреду на этот раз удалось спастись.

Король Хлотарь привел из похода как пленницу несчастную сироту Радегунду – ту самую, отца которой убил когда-то ее дядя Герменефред, а ее саму с братом пощадил. Через некоторое время Хлотарь женился на ней. Но от ее брата он, поразмыслив, избавился, подослав к нему убийцу. После этого Радегунда возненавидела своего мужа.

Эта королева проявляла великую набожность. Ходила в монашеском одеянии, щедро раздавала милостыню. Она построила монастырь в Пуатье и проводила там время в постах и молитвах. Со временем она постриглась в монахини и стала настоятельницей монастыря. В народе ее очень чтили.

Впрочем, даже такая личная жизнь у короля Хлотаря могла не состояться. Сразу после похода на тюрингов его задумал убить родной брат, король Теодорих. Зазвал к себе в гости, в пиршественной зале за занавесом уже стояли наготове вооруженные люди. Но занавес оказался слишком коротким, Хлотарь и его приближенные, едва войдя, заметили ноги убийц, а потому прошли в зал вооруженные.

Теодорих, поняв, что все разгадано, неумело пытался замять ситуацию болтовней на самые разные темы. Потом подарил брату серебряное блюдо и проводил с почетом. Но вскоре одумался и отправил своего сына Теодоберта попросить дядю добром вернуть блюдо. Что тот и сделал.

А потом Теодорих решил помириться со своим врагом – обидчиком тюрингом Герменефредом. Пригласил к себе в город Цюльпих, тот приехал. Они мирно беседовали, гуляя по крепостной стене – «как вдруг» кто-то столкнул гостя вниз, и тот разбился насмерть.

Однако при всем при том Теодорих считался правителем справедливым и меньше многих других запятнал свою душу грязью.

* * *

Наконец, в 534 г. была присоединена Бургундия. Но сначала отметим интересный сопутствующий момент: Теодорих не захотел идти на войну вместе со своими братьями Хлотарем и Хильдебертом. И тогда взбеленились его собственные воины-франки: «Если ты отказываешься идти в Бургундию вместе со своими братьями, то мы покинем тебя и последуем за ними». Как видно, бургундская добыча уже щекотала им ноздри.

Король уговорил их остаться с ним, пообещав еще большую добычу в другой земле. А этой «другой землей» была его собственная Клермонская область. Часть ее знати, когда туда дошел ложный слух о гибели Теодориха, пожелала перейти под руку короля Хильдеберта. Разгром был учинен страшный, каратели не пощадили даже высоко чтимую базилику Святого Юлиана.

А братья Хлотарь и Хильдеберт тем временем совершили историческое деяние: прогнали насовсем Годомара и овладели всем Бургундским королевством.

Теодорих же вскоре подавил мятеж некоего Мундериха, выдававшего себя за родственника Хлодвига. Тот собрал вокруг себя большую толпу, преимущественно простолюдинов и, погуляв, занял оборону в одной крепости. Мундериха выманили оттуда ложной клятвой, а большинство его людей безжалостно перебили.

«Умного человека можно одолеть только ложной клятвой» – это было прописной истиной того времени. На святом алтаре обещали жизнь загнанному в угол противнику, – вернее, нашедшему убежище в Божьем храме, – выманивали на улицу и тут же приканчивали. В храме убивать было не принято, да и страшновато: Бог-то он все видит. Впрочем, нередко случалось и такое.

* * *

Как сказано выше, вдова Хлодвига королева Хродехильда взяла к себе на воспитание внуков, сыновей погибшего короля Хлодомера. Одному было десять, другому семь.

Однажды она гостила в Париже у другого своего сына, у короля Хильдеберта. Тот присмотрелся и насторожился – не слишком ли мать проникнута любовью к своим сиротам-племянникам? В письме он поделился своей тревогой с братом, королем Хлотарем, и высказался без обиняков: давай решать, обрезать ли им длинные меровингские волосы (лишить права на королевское наследство) или лучше попросту убить, а королевство их отца поделить между собой.

Хлотаря не надо было долго уговаривать. Встретившись, они отправили к старой королеве гонца с приглашением – пусть отпустит к ним внуков погостить.

Бабушка с радостью собрала мальчиков в дорогу. Но как только они прибыли к дядьям, те сразу заключили всех под стражу, детей отдельно от воспитателей и слуг. К королеве же отправили своего приближенного, который показал ей ножницы и меч. Выбери сама, как распорядиться судьбой внуков, чего их лишить: права на отцовский престол или жизни. Та, впад в полупомешательство, – отчасти от ужаса, отчасти от неизбывной королевской гордыни, – указала на меч: «Если они не будут коронованы, то для меня лучше видеть их мертвыми, чем остриженными».

Придворный быстро возвратился к королям и передал им увиденное и услышанное. Медлить не стали. Мальчиков привели, Хлотарь бросил старшего на пол и заколол его мечом. Младший закричал, бросился к ногам своего дяди Хильдеберта, обнял за колени, стал молить о пощаде. Хильдеберт был так потрясен, что стал умолять брата не губить ребенка, обещая за него какой угодно выкуп.

Но Хлотаря уже ничто не могло остановить: он прорычал, что если брат будет ему противиться, то он убьет его самого. Тогда Хильдеберт отпихнул от себя племянника, и тот оказался в руках Хлотаря, который сразу же вонзил ему меч в бок. После этого умертвили воспитателей и слуг.

Свершив злодеяние, короли расстались. Тела несчастных детей отправили к бабушке. Та уложила их на погребальные носилки и с душераздирающими воплями проводила в последний путь.

Третьего королевского сына, Хлодовальда спасли преданные и отважные люди. Но, потрясенный всем пережитым, он решил удалиться от этого грешного мира. Юноша собственноручно обрезал себе волосы и сделался священнослужителем.

Вот тогда-то и бабушка королева тоже целиком ушла в религию, все ночи проводила в молитвах, щедро раздавала милостыню, заботилась о церквях и монастырях. «Смирение возвысило ее к благодати».

* * *

А дальше пошли обычные королевские будни. В основном все доступное уже было завоевано, во всяком случае, в Галлии. Только Бретань, населенная воинственными кельтами, долго еще держалась как самостоятельное герцогство, и не только держалась, но и часто напоминала о себе соседям-франкам. Туда в начале VI века перебралось значительное подкрепление – спасающиеся от англосаксонского завоевания их родного острова бритты. Тогда-то полуостров и получил свое современное название Бретань, а его обитатели стали зваться бретонцами.

Иногда приходилось отбивать свое у вестготов – когда те нагнали и захватывали когда-то принадлежавшие им аквитанские города. Довольно часто совершали набеги саксы, но в прямых военных столкновениях они франкам обычно уступали. Налетали очередные переселенцы из приазовских степей – перекочевавшие оттуда в Паннонию авары.

Сын Теодориха – Теодоберт, когда сам стал королем после смерти отца, помог остготам в борьбе против византийских войск императора Юстиниана, упорно стремящегося расширить владения Восточной империи в Италии. За это остготский король отсыпал своему помощнику столько золота, а тот сам захватил такую добычу, что первым из франкских королей стал чеканить свою золотую монету, на которой красовался в императорских регалиях.

По большей же части короли занимались усобицами: делили-переделивали королевство Хлодомера, старались урвать куски друг у друга. Когда читаем про их семейные и дворцовые дела – иногда вспоминаются самые мрачные страницы Шекспира (неспроста великий англичанин черпал темы для своих трагедий из старинных хроник).

Когда-то Хлодвиг выдал свою сестру Автофледу (возможно, не сестру, а дочь) замуж за Теодориха Великого. Скончавшись, тот оставил жену с малолетней дочкой. Девочка подросла, и вместо того, чтобы, как путной, выйти за жениха королевского рода, которого прочила ей мать, сбежала со слугой по имени Трагвилан (принцесса осталась для истории безымянной). Уговоры вернуться не действовали, беглянка ни в какую.

Пришлось отправить отряд воинов. Трагвилана убили, девушку избили и вернули королеве. Но она отомстила на славу – всыпала матери яд в чашу для причастия.

Новый остготский король Теододад, узнав о таких чудовищных вещах, не мог оставить дело без последствий. Юную отравительницу отправили со служанкой в жарко натопленную баню, заперли их там и удушили (или сварили) горячим паром (служанку-то за что?! Да разве о ней кто подумал).

Но тут уже единодушно вознегодовали франкские короли. Какникак, девушка их родственница, и негоже было ее умерщвлять таким позорным образом. Теододада поставили перед выбором: или война, или подобающее возмещение морального ущерба. Тот откупился пятьюдесятью тысячами золотых монет.

* * *

Сын короля Хлотаря – Храмн переметнулся к своему дяде Хильдеберту и поклялся, что он теперь первый враг своему отцу. Они вместе совершили нападение на Шампань, владение Хлотаря, изрядно опустошив цветущую область.

Но тут король Хильдеберт заболел и умер у себя в Париже. Храмн остался без покровителя. Решил было повиниться перед отцом, дал очередную клятву верности, но потом передумал и сбежал к бретонцам.

Там ему оказал поддержку граф Хонобер. Опять Храмн идет в поход против отца, но в битве граф погибает, а мятежный сын попадает в плен вместе с женой и дочерьми.

Хлотарь приказал сжечь сына вместе со всем его семейством в какой-то хижине. Но в последний момент смягчился – распорядился, чтобы Храмна предварительно задушили. На его близких эта милость не распространялась – их спалили живьем.

В королевстве франков

Это было очень сложное общество, где в очень сложных и опасных условиях, в постоянной тревоге жили люди.

До франкского завоевания история тесных отношений галлов (потом галло-римлян) и германцев насчитывала несколько столетий, вновь останавливаться на этом не стоит. Но все же вспомним, что и после нашествия германцы становились собственниками не всех галльских земель, а части (правда, большей), а знатные германцы были «гостями-сотрапезниками» галло-римских владетелей не только номинально – им было о чем поговорить за трапезой. При королевских дворах оказывалось немало местной знати – это мы еще увидим. Но все же теперь на одной земле, бок о бок оказались народы с весьма несхожими жизненными установками, причем одни чувствовали себя завоевателями, другие завоеванными.

Церковь Сен-Жан в Пуатье. VII в.

Еще один немаловажный фактор, несколько усугубляющий ситуацию. Если другие германские народы – такие, как готы, бургунды, вандалы, позднее лангобарды, осуществляя завоевание, совсем отдалялись от своей германской прародины, всем скопом переселяясь на новые места, то франки сохранили свои исконные земли на Рейне и оттуда получали, надо думать, неслабую подпитку «германского духа».

* * *

У франков были основания много о себе думать, чувствовать свое превосходство над местным галло-римским населением не только по факту завоевания. Много значило и то, что у них было самосознание более свободных людей, живы были реликты общинной демократии.

Мы видели, как франки поднимали на щит нового короля, пусть это и было уже проформой. По обычаю, молодой повелитель сначала должен был объехать все королевство, и только после этого обретал полноту своих верховных прав.

Сталкивались мы и с ситуацией, когда король не хотел идти в поход, а воины хотели – в случае с Теодорихом. Там договорились полюбовно, а бывало, что события развивались поострее: у одного короля уже подрубили его походный шатер, а могли рубануть и самого, если бы не заслонили своими телами придворные.

Были жаркие протесты, когда славный король Теодоберт, сын Теодориха, тянул с женитьбой на принцессе знатного королевского рода, хотя и был с ней давно обручен: он предпочитал тесное сожительство с дамой попроще.

Кстати уж, об этой даме. Звали ее Деотерией. У нее была подрастающая дочь, и молодящаяся мать очень боялась, что король положит глаз и на нее. Однажды, когда девушка собралась куда-то и уже залезла в крытую повозку, мать приказала впрячь не лошадей, а диких быков, и дочка безвозвратно свалилась с моста в реку. А ведь эта Деотерия была не варварка какая-нибудь, а из хорошей галло-римской семьи, романски образованная. Теодоберт после этого случая и смотреть на нее больше не захотел, а поспешил выполнить требование своих воинов – женился на нареченной королевской дочери. Та, увы, вскоре умерла.

В первые десятилетия существования Франкского королевства, когда объявлялся призыв на войну – в поход шли почти одни только франки (из галло-римлян только те, кто состоял на постоянной королевской службе). Вели они себя при этом зачастую попросту безобразно: по земле своего королевства шли, как по вражеской территории, грабя, насилая и убивая, не щадя даже святых обителей. В повседневном общении они, очевидно, успели уже более-менее притереться с соседями галло-римлянами, но когда собирались все вместе, одни только франки, при оружии и в предбоевом задоре – тогда только успевай святых выносить. В них просыпался синдром завоевателей этой страны.

* * *

Была разрушена прежняя римская централизованная система управления. Не стало оплачиваемых из казны чиновников, короли не имели никаких эффективных средств контроля за действиями местных правителей.

Короли назначали наместников с широкими полномочиями: герцогов на территории побольше, графов – как правило, в отдельные города с прилегающими областями. Они были и судебной, и исполнительной, и военной властью – по королевскому призыву должны были собрать рать и повести ее в бой.

Эти господа чувствовали себя как почти никем не ограниченные владыки, тем более, что и в личной собственности у них находились огромные поместья с трудящимся галло-римским населением. Им случалось и присваивать, и грабить, и даже убивать – причем не только на своей подмандатной территории, но и на соседской, куда они могли двинуть свое войско.

Главное ограничение их своеволию было в том, что свои вооруженные отряды из многочисленных прислужников и людей зависимых были у всех знатных людей, да и практически все простолюдины были вооружены.

Города могли не впустить к себе неугодного им вновь назначенного герцога или графа, могли изгнать, а то и убить не пришедшегося по душе старого. Ведь существовало какое-то местное самоуправление, выбирались свои судьи (позднее они стали лишь помощниками графов). Правда, часто местная инициатива выражалась в том, что под влиянием знати жители округа сколачивались в организованные банды и шли грабить соседей.

Враждовали влиятельные роды, их междоусобицу могли спровоцировать даже сцепившиеся в схватке вооруженные слуги. На всех уровнях общества находились те, кто предпочитали сами вершить суд и расправу. Или брать без спросу то, что понравится – при помощи меча. Это если удастся взять – а то, опять же, можно было нарваться на встречный удар.

* * *

Общество имело и писанные законы. К началу VI в. у франков сложилась «Салическая правда», кодифицированная при Хлодвиге – широко известный памятник «варварской» правовой мысли. По ней судились не только взаимоотношения германцев, но и их отношения с галло-римлянами. Последние разбирались между собой по нормам Римского права.

«Салической правдой» определялся широкий спектр общественных отношений в очень подробной их детализации. Так, если убили чью-то собаку – надо было разобраться, какая она была, обученная пастушья или обыкновенная. За всякий ущерб, увечье, даже убийство могла быть назначена компенсация в пользу потерпевшего (или родственников убитого) – вира. В случае увечья свою цену имели и глаз, и ухо, и все прочее. За большой палец была положена вира в 50 солидов, за указательный («тот, которым стреляют») – 30, за средний – 15.

Родственники убитого могли отказаться от виры с убийцы – «Салическая правда» определяла, что они имеют право на кровную месть. Неверная жена могла быть присуждена к сожжению.

«Салическая правда» допускала и «Божий суд»: назначался судебный поединок между тяжущимися сторонами – «Бог дарует победу правому». Или же человек, чтобы доказать свою невиновность, должен был пройти некоторое расстояние, держа в руках котелок с кипящей водой: если волдыри сходили в короткий срок, это служило ему оправданием. В некоторых случаях требовалось произнести без ошибок трудную присягу («скороговорку»).

Интересен порядок закрепления имущественных прав. Покупатель имения или виноградника приглашал на место совершения сделки 12 взрослых мужчин и 12 мальчиков. Мальчикам он давал пощечины и драл их за уши: чтобы они лучше запомнили происшедшее и могли свидетельствовать о сделке, когда подрастут.

* * *

«Салическая правда» особенно интересна тем, что отражает национальное и сословное неравенство, сложившееся в государстве.

Проще всего было с рабами: приведенные франками из Германии невольники встали в равное положение с рабами галло-римскими. Закон был к ним суров: любому рабу, поднявшему руку на господина, могли отрубить руки и ноги, после чего его вешали. Но, судя по сочинениям историков того времени, люди, стоящие на низших ступенях общества, рабы и младшие слуги (авторы четкой границы между ними не проводят) как бы выпадали из правового поля – по отношению к ним был возможен почти любой произвол.

Крестьяне ссыпают зерно

Если рабы были уравнены в своем бесправии, то уже статус франка-землепашца в денежном выражении был вдвое выше, чем у галло-римского крестьянина – при прочих равных условиях за нанесенный ему ущерб уплачивалась вдвое большая вира. Вот примеры, показывающие и сословное, и национальное неравенство. За убийство свободного франка полагалась вира в 200 солидов серебром, галло-римлянина – 100. За франка-дружинника – 600, за галло-римлянина из свиты короля – 300, и так далее. Свою цену имели и купцы, и горожане, и все другие зафиксированные «правдой» слои общества.

Важный момент: по какому бы закону ни вершился суд, по «Салической правде» или в соответствии с Римским правом, после вынесения судебного решения дальнейшее выяснение сторонами отношений, тем более кровная месть, были недопустимы. Похоже, это правило более-менее соблюдалось – иначе просто жить было бы невозможно.

* * *

Время шло, в конце VI в. в большие походы призывались уже все свободные люди. Совместное франко-галльское ополчение вело себя так же по-скотски, как мононациональное. Но если люди вместе, плечом к плечу идут в бой – это важнейший фактор «дружбы народов».

Налоги тоже стали платить все, а не одни галло-римляне. Когда появился этот закон, возмущенные франки ворвались в дом его автора, герцога Парфения, вытащили новатора из большого ларя, куда тот спрятался, и убили – но это уже ничего изменить не могло.

С галло-римлянами происходили и психологические метаморфозы. Они избавились от прежнего постоянного административного пресса римских чиновников, но в то же время оказались в условиях почти тотального произвола, которого при римской власти не было. Ну что ж, в этих людях текла горячая галльская кровь, и она, когда надо, настойчиво напоми-

нала о себе. Да и пример внутренне более раскованных соседей-франков был заразителен, и галло-римляне все чаще могли постоять за себя, а то и учинить насилие не слабее тех.

У них ведь и язык складывался общий, «варварская латынь» – предтеча французского. И слово «Франция», как обозначение их общего места жительства, уже появилось – как сокращенное от «Regnum Francorum», «королевство франков». Правда, поначалу так обозначались не галльские земли, а лишь область наиболее древних поселений франков в бассейне Мааса и Шельды. Но довольно скоро под «Францией» стали подразумевать всю территорию между Рейном и Луарой, включая и южную Бургундию.

Важнейшим местом, где сглаживались грани между франками и галло-римлянами, был королевский двор. Короли не могли не признавать за римской знатью давнего опыта управления, ее знание традиций коренного населения. Эти достоинства были присущи не только господам: управляющие виллами, зачастую рабы по положению, могли обладать еще большим опытом. И король без особых колебаний назначал графами и их: многие такие вельможи стали основателями известных французских аристократических родов. А что – генеалогия древнейшая, с Хлодвиговых времен...

Галло-римляне использовались как domestici – исполнители отдельных важнейших поручений, как послы, как викарии – управляющие королевскими имуществами в провинциях и исполнители судебных функций.

Королей прельщали и терминология, и реалии ушедшей Римской империи. Знатные люди, независимо от национальной принадлежности, получали звание патриция как некий чин и им доверялось исполнение функций наподобие графских. В знак отличия присваивалось трибунское или сенаторское звание, потомки римских сенаторов тоже были в почете. Полномочия герцогов, традиционных военных вождей германцев, наполнились новым содержанием по образцу позднеимперских дуков – командующих военными округами, наделенных вдобавок большой гражданской административной властью. Так же и графы стали подобиями римских комитов (титуты герцогов и графов звучат во французском языке в соответствии с этими римскими аналогами).

* * *

Многие знатные франки старались дать детям хорошее образование по римскому образцу, в том числе и девочкам. Конечно, античная культура изрядно выродилась на закате империи, но все же были еще учителя «свободных наук»: поэтики, риторики, истории, философии, грамматики. Был интерес к античным писателям, большой популярностью пользовался Вергилий. Интересовались и богословскими проблемами – особенно в свете постоянно ведущейся тогда полемики с ересями.

Наиболее просвещенные короли строили новые цирки, устраивали конные состязания по римскому образцу, чтобы доставить удовольствие своим подданным. Строили и храмы – при этом, как дети малые, ради удовлетворения своего созидательного зуда безжалостно выламывали колонны и прочие необходимые стройматериалы из прекрасных римских базилик.

За трапезой, по античной традиции, возлежали на ложах. Лучшие вина со всего Средиземноморья старыми маршрутами доставлялись в марсельский порт. Как и папирус из Египта – во Франкском королевстве его потребляли очень много, пергамент не скоро пришел ему на смену. Германцы переняли римский праздник «стрижки первой бороды» – вступление юноши в совершеннолетие, который дополнил традиционное торжественное вручение оружия.

Внешняя торговля пока еще была довольно развита, хотя и не на прежнем уровне. Не на прежнем уровне, но относительно благополучно существовали города, торгующая и произ-

вода. Мудрый король Теодоберт, когда жители одного города пришли к нему жаловаться на кромешное обнищание, не стал заниматься простой благотворительностью. Он дал им денег на развитие торговли – и поднялись, зажили.

Но в целом тенденции были тревожные, хозяйство медленно вырождалось. Особенно сельское. В крупных поместьях уже не могли поддерживать прежний уровень агрокультуры. Крестьянам приходилось всех труднее. Бедствия наваливались непрерывно: войны, усобицы, произвол, неурожаи, а помощи ждать было не от кого. В голодные годы многие продавали себя в полную неволю, чтобы получать хоть какое-то пропитание от господина. Но и в обычные годы крестьяне, чтобы обрести поддержку и защиту, все чаще прибегали к практике, распространенной сначала в галльские, потом позднеримские времена. Они передавали свою землю в собственность могущественному человеку, оставаясь работать на ней – тем самым они ставили себя под его покровительство.

* * *

Много способствовало росту авторитета галло-римлян то, что из них состояло большинство служителей церкви. Епископы, архиепископы – те почти все происходили из родовой галло-римской знати, франков среди них было очень мало.

Но нравы, царящие среди божьих людей, оставляли желать лучшего. Споры из-за епископских кафедр могли перерасти в кровавые побоища со смертоубийствами. Большая сложность была в том, что отсутствовала строго определенная традиция поставления епископов. Вроде бы решающее слово было за королем – Реймский синод еще в 511 году наделил Хлодвига этим правом (инвеститурой), но существовало и церковное правило: епископа поставляют другие епископы. Значим был и голос паствы: горожане тоже стремились настоять на своей кандидатуре и, случалось, добивались своего. Имели свое мнение и папа римский, и византийский император.

Епископ и священник

Все было как-то неопределенно. А потому среди священнослужителей, наряду с истинными подвижниками веры, встречались и стяжатели – те, кто добился своего назначения за взятки, а добившись – готов был на что угодно ради приумножения достояния своего. Епископские слуги представляли собой хорошо вооруженную стражу, и иногда дело доходило до откровенного разбоя. Например, одному иерарху не понравилось, что соседняя кафедра досталась его недругу. И когда тот праздновал назначение, нагрянул со своей оравой: все перебили, все разграбили, поубивали кое-кого из слуг и даже из клириков.

Велика важность – в худшем случае заплатил штраф королю, и все тут. Короли в таких случаях были крайне нерешительны, ведь они сами часто способствовали выдвижению в епископы своих людей за хорошее подношение. Назначение пьяниц, чревоугодников, прелюбодеев было явлением рядовым. Иногда епископами поставляли даже женатых мирян, и

те так и архипастырствовали в семейном статусе. Были епископы – любители военных походов, куда они отправлялись во всеоружии, как заправские вояки и собственноручно убивали неприятелей – что совсем уж недопустимо по церковным понятиям. Разве что предпочитали орудовать палицей: меньше было вероятности «пролить кровь».

По большому счету – было ли то общество христианским? Встречный вопрос, и тоже по большому счету: а было ли за всю историю человечества общество, которое с чистой совестью можно назвать христианским? Можно говорить только о каких-то степенях приближения к идеалу или отдаления от него, а со вчерашних воинственных язычников – какой спрос? Люди, воспитанные в суеверном страхе перед древними богами и духами природы, – могли ли они все это смыть с себя в одночасье, вместе с водой крещения? Нет, конечно – они оставались при своем прежнем страхе, и детям, и внукам его передавали.

Многие чистосердечно приняли Христа – но скорее как верховного бога над другими богами, которые тоже не утратили силу и которым тоже надо поклоняться, пусть не всегда открыто. Баварцы почитали бога грозы и ветра Вотана под именем святого Бартоломея (Варфоломея). А что говорить про всякую низовую нежить, всяких там фей, эльфов и прочих аналогов наших кикимор? Про ведьмовщину, магию, колдовство? Это вообще неизбывно, с этим в тысячу лет не справишься. В это и священники верили. И сегодня еще во французской Бретани бытует множество поверий дремучих кельтских времен, и бытуют они не только как сказочки для детей. А тогда представления полуязыческой паствы проникали даже в католическую догматику: так, принято было, например, учение о Чистилище, о том, что вечные адские муки грешнику могут быть заменены на временные – по молитвам церкви.

Грозных знамений в те тяжкие времена было хоть отбавляй. То небо озарится северным сиянием (не все современные французы представляют, что это такое), то зардеют сразу четыре солнца, то виноградники повторно заплодоносят в декабре месяце, или две огромные тучи саранчи сойдутся в беспощадной битве – и все падут на землю мертвыми. А кто не испытал жуткого трепета, когда «в город Бордо забежали волки и, нисколько не боясь людей, пожрали тамошних собак»?

Зрелость Меровингов

Наконец, на 51-м году правления пришел срок преставиться королю Хлотарю (561 г.), пережившему всех, кого хотел: братьев, их сыновей и даже внуков.

Незадолго до смерти он горько каялся в базилике Святого Мартина во всех своих черных делах, совершенных, по его словам, в безрассудстве. Затем вернулся домой, где вскоре, отправившись на охоту, подхватил лихорадку. Для старческого тела болезнь оказалась непосильной. Умирая, он часто повторял: «Ох, что же это за Царь Небесный, если он губит таких великих владык?».

После него Франкское королевство поделили по жребию его сыновья: Хариберт, Гунтрамн, Хильперик и Сигиберт.

Хариберту досталась Нейстрия (западная часть) и большая часть Аквитании – столицей его был Париж. Гунтрамну – прежнее Бургундское королевство и Орлеан. Хильперик получил часть старинных франкских земель и область Тулузы в Аквитании. Сигиберт стал владеть Австразией и восточной Аквитанией. Австразия – земля преимущественно с германским населением, но столичными резиденциями Сигиберта были романские Реймс и Мец. Как видим, королевские владения лежали вразброс.

Из всех братьев вероломством и нахрапистостью больше всех в отца был Хильперик. Хариберт вскоре умер, и братья поделили его королевство.

* * *

Сигиберт, рассудив, что его братья только унижают себя, женись на недостойных их сана женщинах (даже на служанках), посватался за Брунгильду – дочь короля испанских вестготов Атанагильда. Отец не отказал, и Сигиберт был рад, встретив свою невесту. Она была арианкой, но сразу перешла в католичество и до конца дней осталась верна истинной вере. Женщина это была неординарная, обаятельная, образованная – ей посвящали свои стихи последние латинские поэты, не переведшиеся к тому времени.

Его брат Хильперик был женат на Фредегонде, в прошлом служанке. До нее у него уже была жена – Авдовера, здравствующая и о ту пору, а от нее три сына – Теодоберт, Меродей и Хлодвиг (тогда было принято решение, подтвержденное церковью: все королевские дети считаются законными, независимо от того, кто их мать – лишь бы их признал отец).

Но Хильперик позавидовал братнему счастью и тоже отправил послов к испанскому королю – свататься к другой его дочери, сестре Брунгильды – Галсвинте, обещая отказаться ради нее от других жен. Атанагильд поверил обещанию и отправил во Франкское королевство еще одну принцессу с богатыми дарами.

Сыграли свадьбу. Хильперик, по свидетельству Григория Турского, полюбил жену – возможно, благодаря привезенному ею богатству. Но, видно, у него не перегорело и к Фредегонде, и между королем и королевой начались раздоры. Наконец, Галсвинта заявила, что она не пользуется здесь никаким почетом, и попросила отпустить ее на родину. Сокровища же обещала оставить мужу.

Тогда Хильперик изобразил великую любовь, словами и ласками уговорил ее остаться. А сам приказал слуге задушить королеву при первом удобном случае. Однажды ее нашли в постели мертвой. Многие были уверены, что в этой истории не обошлось без Фредегонды.

На могиле несчастной Галсвинты произошло чудо. Висящая над надгробием тяжелая, всегда горящая лампада сорвалась и, как в масло, глубоко вонзилась в камень – при этом не погаснув.

Король Хильперик через несколько дней опять женился на Фредегонде, и они жили долго и вряд ли счастливо.

В Испании на престол взошел король Леовигильд. Памятуя о том, что многих его предшественников, как только они чем-то не угождали знати, убивали – истребил всех влиятельных готов. Не оставив из них, говоря словами писания, «никого, мочащегося к стене».

Этим в Испании была искоренена «ужасная привычка убивать королей».

* * *

На европейскую арену вышла новая мощная и агрессивная сила – германские племена лангобардов. Долго обитавшие на берегах Дуная, они неожиданно перевалили через альпийские проходы и двинулись в Италию, которая незадолго до этого была присоединена к Византии императором Юстинианом. Шли бесконечные угрюмые толпы, с огромными стадами свиней, со своими рабами. Это был не набег, а всенародное переселение.

В бою лангобарды были свирепы и безжалостны. Страх внушал один их вид: длинные патлы, переплетенные с бородами, зеленая татуировка на лицах. Люди дикие и грубые, завоеывая земли, они не были расположены ни к какому конструктивному сотрудничеству: покоренное сельское население поголовно обращалось в рабов.

Всю Италию они не захватили, да к этому, наверное, и не стремились. Ограничились долиной реки По на севере, в центре – областью Тосканы и некоторыми горными районами, удобными для скотоводства. В память о них северная Италия и по сейчас называется Ломбардией (парадокс истории – места обитания этих дикарей стали впоследствии самыми высококоразвитыми областями Италии. Ломбардия с Миланом – ее индустриальным центром, Тоскана с Флоренцией – центром духовным и культурным).

Не успел король лангобардов Альбоин обустроиться на новом месте, как при его дворе тоже разыгрались шекспировские страсти. У него умерла жена (дочь франкского короля Хлотаря, на которой Альбоин женился еще на Дунае), и он взял другую – Розамунду, отца которой незадолго до этого убил. Понятно, что молодая от всей души ненавидела своего мужа. Мало того, она влюбилась в его оруженосца Гельмигиса, и любовь эта была взаимной.

Влюбленные действовали решительно. Они подослали к королю убийцу, Перидея – человека необыкновенной силы, который сделал все, как надо. Сами же, прихватив королевские сокровища, бежали в Равенну (подвластную византийцам). Но там произошел неожиданный сюжетный поворот. Префект города Лонгин уговорил молодую женщину умертвить своего любовника и выйти замуж за него. Та согласилась. Но когда Гельмигис отхлебнул из чаши, поднесенной любимой, отравленного вина, он почуял недоброе и заставил ее выпить оставшееся. Вскоре оба были мертвы.

Лангобарды же на общем собрании поставили над собой королем Клефа, знатнейшего из них. Он истребил многих видных римлян, других изгнал, но через полтора года его зарезал собственный слуга. Пришлось выбирать нового.

В последующие годы император Юстиниан часто обращался к франкским королям за помощью против пришельцев – ему очень хотелось выдворить их из Италии, и он не скупился на награды своим союзникам. Но лангобарды оказались очень крепким орешком. Они сами не раз нападали на южную Галлию и в битвах с ними пролилось немало крови.

* * *

Во Франкском королевстве началась новая волна усобиц и злодеяний, зачинщиками и активнейшими участниками которых нередко были Хильперик и Фредегонда.

Фредегонда не раз подсылала убийц к жене короля Сигиберта Брунгильде. Она не испытывала к гордой испанке ничего, кроме ненависти, ибо знала, что та считает ее презренной служанкой, к тому же виновницей гибели своей сестры Галсвинты.

Однажды она отправила на черное дело клирика из своих владений – чтобы тот втерся к Брунгильде в доверие, а потом умертвил. Ободряла его обещаниями, что за ней не пропадет: даже если ему доведется погибнуть, все его близкие будут безбедно жить до скончания дней своих.

Священник подчинился. Но Брунгильда его быстро раскусила, обо всем выведала на допросе и отправила восвояси (слегка вправив мозги). Лучше бы ему было на свет не родиться – раздраженная Фредегонда приказала отрубить ему руки и ноги.

Брунгильда, женщина по природе великодушная, могла простить покушение на свою жизнь, но смерть сестры – никогда. Жаркими уговорами, даже прикидываясь тяжело больной, она принудила своего мужа пойти войной на Хильперика. Сигиберт воевал успешно, в бою погиб один из сыновей Хильперика от первого брака. Но когда он с победой возвратился к себе в Реймс, где ему была устроена торжественная встреча, двое слуг Фредегонды протиснулись к нему, якобы по делу – и нанесли удары отравленными кинжалами. Король громко вскрикнул, упал и через короткое время скончался.

Его вдова осталась с маленьким сыном. Хильперик не прочь был заграбастать королевство убитого брата. Но на защиту прав наследника поднялась австразийская знать, и он был провозглашен королем под именем Хильдеберта II.

Знать знала, что делала – при несовершеннолетнем короле фактически правила она, роль королевы была незначительна.

* * *

Враждебность Фредегонды усилилась после того, как ее пасынок Меровея, другой сын Хильперика от первого брака, повстречался с Брунгильдой в Руане. Он влюбился во вдовую королеву, та ответила взаимностью – и они вступили в брачный союз.

Даже если оставить в стороне ее чувства к Брунгильде – у Фредегонды была навязчивая идея избавиться от всех потомков Хильперика от других женщин, и женитьба Меровея была ей поперек горла. В планы Хильперика она тоже не укладывалась, и он нагрязнул с отрядом в Руан. У него был предлог, чтобы требовать расторжения этого брака: Меровея женился на вдове своего родственника, что недопустимо по церковным правилам.

Молодожены нашли убежище в базилике, но король клятвенно пообещал, что никогда не разлучит их. Они поверили и вышли. Поначалу действительно ничего не происходило, но когда через несколько дней Хильперик собрался возвращаться в Суассон – сын последовал за ним. Понятно, что глубокого чувства под этим браком не было.

Не успели отец и сын доехать до своей столицы, как на них напали какие-то люди из Шампани – явно с целью ограбления. Рядовая «частная инициатива» того времени. От налетчиков отбились, но король заподозрил: не Меровея ли с Брунгильдой это подстроили с целью убить его. Королевского сына взяли под стражу.

Король вознамерился постричь Меровея в священнический сан, для чего отправил его из Суассона в монастырь в Ле-Мане. Но тот по пути сбежал и нашел убежище в базилике Святого Мартина в Туре. В нем теплилась надежда: отцовский гнев пройдет, все образуется. Но и король не умел прощать, и Фредегонда не сидела рядом с ним молча. Войско Хильперика стало разорять окрестности Тура. По городу пошел ропот: не выдать ли беглеца, чтобы не нажить пущей беды.

Тогда Меровея проскользнул мимо караулившей вход в базилику стражи и явился к своей краткосрочной супруге Брунгильде. Но, видно, она была ему не очень рада, а

австразийской знати, державшей в руках все бразды правления, такой король был ни к чему. Меровея спровадили.

Начались скитания. К королевскому сыну прибился кое-кто из недовольных его отцом и просто искатели приключений, но их было не так уж много. В конце концов его заманили в ловушку верные Хильпериду люди: пригласили к себе, соврав, что хотят перейти на его сторону, и заперли под стражей. Послали за королем.

Но пленник не стал дожидаться: попросил верного слугу Гайлена заколоть его кинжалом. Когда Хильперик прибыл, сын был мертв.

Расправа над задержанными была беспощадной. Гайлену отрубили руки и ноги, и пока он был еще жив, подвергали мучениям. Смерть ждала и всех остальных.

* * *

Потом пришел черед еще одного пасынка Фредегонды – Хлодвига. Незадолго перед тем у королевы скончалось от мора двое собственных детей. И некто уведомил ее, что это произошло из-за происков Хлодвига. Якобы у служанки королевы, в которую он влюбился, мать – известная колдунья. Вот Хлодвиг и воспользовался ее услугами, чтобы лишить Фредегонду потомства и возможности со временем стать правительницей при своих сыновьях.

Девушку-служанку жестоко избили, остригли наголо, а волосы водрузили на шест под окном возлюбленного. Ее мать подвергли пыткам и вырвали признание в колдовстве. Этого было достаточно для всех последующих расправ. Женщину приговорили к сожжению. Когда ее вели на казнь, она кричала, что оговорила себя – но ее привязали к столбу и сожгли живьем.

Хлодвига допрашивала сама королева: она желала выведать, кто еще у него в сообщниках. Но он отрицал всякий злой умысел и никого не назвал, сказал только, что «в дружбе со многими». Фредегонда приказала переправить его, закованного, на другой берег Марны в одну из загородных вилл. Там его и зарезали, отцу же, королю Хильпериду, сказали, что сын сам покончил с собой. Тот не проронил ни слезинки.

Воспользовавшись поводом, королева избавилась и от матери и сестры Хлодвига. Мать Авдоверу, первую жену короля, жестоко умертвили, над сестрой Базиной сначала надругались слуги королевы, потом ее постригли в монастырь в Пуатье.

* * *

А ведь в те дни, когда умирали дети королевы, – на самом деле не от колдовства, а от дизентерии, поразившей всю Галлию, – могло показаться, что и в ее сердце живут человеческие чувства.

Сначала заболел младший сын, совсем маленький, еще не крещенный. Его срочно окрестили и нарекли Дагобертом. Когда ему стало немного лучше, заболел старший – Хлодобрт.

Королева, видя, что мальчик при смерти, возопила: «Долгое время нас, поступающих дурно, терпело божественное милосердие. Ведь оно нас часто карало лихорадкой и другими страданиями, а мы не исправились. Вот уже теряем мы сыновей! Вот их уже убивают слезы бедных, жалобы вдов, стоны сирот. И неизвестно, для кого мы копим... И вот мы теряем прекраснейшее из того, что у нас было!».

Говоря о «слезах бедных», Фредегонда, очевидно, имела в виду новые налоги, которыми королевская чета обложила своих подданных (579 г.). Из-за этого были народные волнения, которые король жестоко подавил. В порыве раскаяния и в надежде снискать мило-

сердце Божье, королева швырнула все налоговые книги в очаг. Но мальчики умерли. Король Хильперик раздал много подарков церквям, базиликам и бедным людям.

Вышеприведенный горестный монолог Фредегонды донесен до нас Григорием Турским – несомненно, в нем много авторской обработки. Но вот поразительные слова самого историка, сказанные по поводу того, что та эпидемия унесла очень много детей. Они показывают, сколько душевной теплоты сохранилось в людях того страшного времени: «Эта болезнь, начавшаяся в августе месяце, прежде всего поражала детей и уносила их в могилу. Мы потеряли милых и дорогих нам деток, которых мы согревали на груди, нянчили на руках и сами, приготовив пищу, кормили их ласково и заботливо...».

Впоследствии, когда у Фредегонды скончался еще один сынишка, маленький Теодорих – она распорядилась убрать с ее глаз все его вещи и переплавить его золотые украшения (отметим, что по поводу этой смерти тоже были и подозрения в колдовстве, и жестокое следствие).

И еще – раз уж мы заострили внимание на том, что всякий человек неоднозначен. Вот дополнительные сведения о короле Хильперике. Он был компетентен в богословских спорах (не только компетентен, но и страстен), построил церкви в Суассоне и Париже, писал латинские стихи. Даже предложил дополнить латинский алфавит тремя буквами – для удобства применения его в германском языке.

Но в своих инструкциях судьям он всегда добавлял: «Кто будет пренебрегать нашими распоряжениями, у того выколуют глаза». А в порыве великого благочестия однажды приказал насильно крестить иудеев, что было для тех ужасным бедствием.

* * *

Тот же мор унес и Австригильду по прозвищу «Бабилла», жену бургундского короля Гунтрамна. Сам Гунтрамн остался в народной памяти как самый человечный король своего времени (хотя, поскольку «своего времени», и за ним всякое водилось). Супруга же и в смертный свой час явила черты, достойные ее невестки Фредегонды. Уже тяжело дыша, она взяла с мужа клятву, что «смерть ее не останется неотомщенной» – вслед за ней отправятся два ее лечащих врача.

Добрый муж не мог не исполнить последнюю волю супруги. Однако, повторим, у своего народа он снискал большую любовь. Считалось, что он даже обладает чудодейственной силой. Одна женщина незаметно оторвала кусочек бахромы от его одежды, а потом дала своему больному сыну выпить воды, в которую его окунула, и юноша выздоровел (возможно, это один из источников распространившегося впоследствии поверья, что король Франции своим прикосновением может исцелять от золотухи).

* * *

К королю Хильперiku прибыло от вестготов великое посольство – за его дочь Ригунтой, которую он выдавал за младшего сына испанского короля. Ради такого дела король не поскупился на богатые дары и дочкино приданое.

Стали набирать в ее свиту придворных и слуг: тех, кто составит ее окружение и навсегда останется с ней в Испании. Повсюду стоял великий вой и плач, люди не хотели ехать. Кто-то сбежал, а некоторые даже покончили с собой.

Наконец, свадебный поезд тронулся: вместе с охраной в нем было около 4 тысяч человек. На дорогу Хильперик денег не дал – всю эту ораву должно было снабжать местное население. По «праву постоя», существовавшему еще с римских времен. Но и без всякого права поезжане грабили, почем зря.

Однако до Испании они не добрались. В Тулузе на них нагрянул объявившийся тогда самозванец – Балломер, выдававший себя за сына великого короля Хлотаря. Он обчистил всех до нитки, не говоря уж о том, что забрал все сокровища. Многие из сопровождающих принцессу, в том числе и вельможи, бросили свою госпожу и ушли вместе с ним. Гулял этот Хлотарев сын по Галлии долго (ему оказывала тайную помощь Брунгильда), пока с ним наконец не разделался король Гунтрамн.

Ограбленная же невеста вернулась к папе-маме в Суассон – сватовство окончательно расстроилось. Там она рассудила, что теперь имеет полное право на свободу нравов. С матерью же у нее была постоянная грызня: дамы часто дрались кулаками и хлестали друг друга по щекам. Дочка кричала, что она королевская дочь, а мать «служанкой была, служанкой и будет: подожди, подойдет только срок!».

В конце концов Фредегонда пошла вроде бы на мировую: зазвала Ригунту в свою кладовую, посулив подарить ей любые украшения, которые та пожелает. Дальше – как в старой доброй сказке. Дочка полезла рыться в огромном сундуке, а мать придавила ей шею крышкой и навалилась всем телом. У бедной принцессы уже глаза готовы были вывалиться из орбит, но спасла случайно вошедшая служанка – на ее крики сбежались придворные.

Тогда нравы были простые. Не захотел сын одного богатого землевладельца ехать с отцом выяснять отношения с соседом, то есть на разбой – тот обозвал его трусом и неженкой и со всей силы метнул в голову топор. Хорошо, парень увернулся. Пришлось ехать. Папашу по итогам поездки проткнули насквозь копьем, а сын стал наследником всего его достояния.

* * *

В сфере большой политики творилось вот что. Франки несколько раз ходили походами на лангобардов в Италию (им платили за это византийские императоры). Но те, грубые и суровые, рубились отчаянно, и больших побед не было – а вот ощутимые поражения случались.

Король Бургундии Гунтрамн, переживший своих сыновей, усыновил и сделал своим наследником племянника, сына Сигевальда и Брунгильды юного Хильдеберта II.

Но, несмотря на такое сближение, люди своего времени есть люди своего времени. Однажды Гунтрамн не сдержался и захватил у своего усыновленного племянника несколько городов.

Выяснять отношения прибыло австразийское посольство от обиженного Хильдеберта. Переговоры кончились скандалом. Послы говорили о городах, король – о том, что австразийцы поддерживали самозванца Балломера. Слово за слово, старого Гунтрамна стали высмеивать, а один из посланцев пригрозил: «Мы прощаемся с тобой, король, но так как ты не пожелал вернуть города твоего племянника, то мы знаем, что цел еще топор, который расколол головы твоих братьев. Скоро он, брошенный в тебя, пронзит твой мозг».

Добрейший король ограничился тем, что приказал швырять в головы отъезжающих дипломатов навоз и прочую самую вонючую городскую грязь. Но в скором времени территориальное недоразумение было устранено.

У королевы Фредегонды и короля Хильперика родился еще один сын – Хлотарь, на этот раз относительно долговечный. Некоторым современникам показалось, что после этого Фредегонда рассудила, что Хильперик теперь тоже лишний. Как бы там ни было, когда в 584 г. король Хильперик охотился в окрестностях Парижа, неизвестный нанес ему два смертельных удара ножом и скрылся.

Его брат король Гунтрамн, хоть и недолюбливал Хильперика, был в страшном гневе. Он пригрозил, что уничтожит не только убийцу, но и всех его ближних до девятого колена,

чтобы, как в Испании, «положить конец гнусной привычке убивать королей». Но выяснить ничего не удалось.

После смерти мужа Фредегонда правила самостоятельно, воспитывая своего сына, будущего Хлотаря II. По привычке совершала много злодеяний – даже когда пыталась навести порядок. Однажды вспыхнул раздор между семействами двух франков: один обвинял другого, что тот изменяет его сестре, которую взял в жены. Пролилась кровь. Королева звала участников распри к себе на пир – для примирения. Там всех зарубили топорами.

Ненависть к Брунгильде дошла у нее до патологии. Что хуже всего, та тоже ожесточилась и стала действовать в том же духе. Каждая хотела, чтобы верховная власть во Франкском королевстве досталась именно ее сыну. Совершались убийства, разорялись села и монастыри. Знать распустилась, самоуправствовала, свободно меняла господ.

Фредегонда умерла в 597 г. – жалея только о том, что уходит, а ненавистная соперница остается.

В 592 г. сын Брунгильды Хильдеберт II объединил под своим началом Австразию и Бургундию. Это был многообещающий король, но в 595 г. он скончался в возрасте 26 лет.

Объединенное королевство пришлось делить между двумя его сыновьями. Теодоберту досталась Австразия, Теодориху Бургундия. Понятно, что первые годы вместо них правили придворные, но теперь велико было влияние и бабки Брунгильды. Характер у старой королевы совсем испортился, она стала подозрительной и несдержанной. По ее приказаниям совершалось много несправедливостей и казней, народ возненавидел ее.

Когда внуки подросли, вошли в возраст и стали править самостоятельно, о них тоже сказать хорошего было нечего. Сплошные раздоры и междоусобные войны. В 610 г. Теодорих убивает своего брата, но и сам вскоре умирает.

Семидесятилетняя Брунгильда собралась уже править от имени своих правнуков, но этого в обоих королевствах никто не захотел. Знать выдала свою королеву на расправу нейстрийскому королю Хлотарю II, сыну ее злейших врагов Хильперика и Фредегонды.

Тот устроил над старухой суд, и ее обвинили в смерти десяти королей (надо думать, приписали немало заслуг Фредегонды). Казнь была жестокой: волосы, руку и ногу женщины привязали к хвостам диких коней и погнали их в разные стороны.

Этим Хлотарь не ограничился – он истребил все потомство Брунгильды. С 613 по 629 гг., до самой своей смерти Хлотарь II правил объединенным франкским государством, коронованным владыкой был он один.

Но король вынужден был сделать большие уступки церкви и аристократам. Духовенство получило право самостоятельно поставлять епископов, знать же добилась, чтобы графы назначались только из виднейших людей соответствующего округа.

Короли обленились. Да здравствуют майордомы!

Хлотарь II был довольно крепким правителем. Под стать отцу оказался и его сын Дагоберт (правил в 629–639 гг.) – придворные льстецы нарекли его «Соломоном франков» (правда, он потерпел поражение при попытке захватить славянское королевство Само в Моравии). Но дальше род Меровингов все очевиднее катится к упадку.

Десятилетия распрей не могли не сказаться – королевство ослабло. Твердой центральной власти не было в принципе, потому что не было действенной «обратной связи» – контроля за герцогами, графами и разными временными назначенцами. Поэтому приходилось не только все настоятельнее искать поддержки у местных владык, крупной земельной знати, но и плодить ее количество. Все больше королевских земель переходило к придворным, в которых король надеялся обрести благодарных, лично преданных ему подчиненных. Они, как и епископы, наделялись в своих поместьях иммунитетом – официально признанной автономией, и чувствовали себя вполне вольготно.

Для такого неэффективного центра Франкское королевство было слишком велико. Хотя и признавалась верховная власть короля, оно все же управлялось в соответствии с установившимся когда-то делением: на населенную преимущественно германцами Австразию и на галло-римские по преимуществу Бургундию и Нейстрию. После Дагоберта делами в этих частях, даже в королевской Австразии, все в большей степени заправляли майордомы. Это звание сначала соответствовало своему латинскому значению: «старший по дому», дворецкий. Управляющий хозяйством королевского дворца и дворцовыми службами.

Но вскоре майордомы стали заведовать королевским имуществом по всей стране. Дальше – больше, не зря эти последние вырождающиеся Меровинги получили прозвище «ленивых королей». Майордомы стали наделять кого хотели поместьями, распоряжаться королевской казной, водить в походы королевских воинов и слуг.

До 681 г. в каждой части королевства правил свой майордом. Но в том году майордом Австразии Пипин добился упразднения своих коллег, захватил все управление в свои руки и даже стал утверждать королей в их сане. Была сделана и заявка на перспективу: должность майордома стала наследственной.

Короли по-прежнему считали себя королями, но вот что пишет о них хронист Эгинхард: «Представители династии Меровингов уже давно не проявляют ни одной добродетели. Единственное, на что еще способны короли, так это носить королевский титул, иметь длинные волосы и бороду, важно восседать на троне и изображать монархов. Когда короли принимают послов, они отвечают на их вопросы только по подсказке своих советников. Короли не богаты. В личной собственности у них лишь небольшое поместье, приносящее скромный доход, где они проживают со своими немногочисленными слугами. Даже расходы на весьма скудное питание оплачивает управляющий дворцом, и то в зависимости от настроения. Если королю надо куда-нибудь поехать, ему подадут, как простому крестьянину, повозку, запряженную быками. А всеми вопросами по управлению королевством ведает управляющий королевским дворцом».

Разъясним в этой картине некоторые элементы, которые могут показаться карикатурными. Не только длинные волосы, но и деревянная телега, волю – это древнегерманские символы королевского достоинства, обладавшие магическим смыслом. Но в связи со складывающимися реалиями – современники все чаще смеялись и над этим.

Процесс ускорился при сыне Пипина Карле, прозванном Мартеллом – «молотом». Этому много способствовала международная обстановка: возникший в песках Аравии под влиянием новой религии – ислама Арабский халифат. Арабские всадники, вдохновленные верой в свою духовную правоту и исключительность, двинулись на невиданные по масшта-

бам и стремительности завоевания. Вскоре у их ног была вся византийская северная Африка. Достигнув Атлантического океана, арабский полководец въехал на коне в соленые волны, взметнул меч и воскликнул: «О Аллах, ты свидетель – дальше скакать некуда!»

Было куда. За Гибралтаром был Пиренейский полуостров, Испания и Португалия. Битвы были жаркими, но войско захватчиков было неисчислимо – они обратили в ислам и вобрали в свои ряды жителей всех завоеванных земель. К 714 г. Испания была в основном покорена. И уже манила огромная богатая страна за Пиренеями – Франкское королевство. Вскоре арабы захватили южную Галлию, земли по Гаронне и Роне, приближались к Луаре.

Карлу Мартеллу было не до соблюдения пустых формальностей – он вообще не стал тратить время на провозглашение нового короля. Собрав в кулак все наличные силы – и из своего государства, и из зависимых германских королевств (таких, как Бавария), он встретил врага у Пуатье (732 г.). Семь дней (!) арабская конница штурмовала франкский лагерь. Наконец, обескровленная, отхлынула. Франки поначалу сами не верили в свою победу. Они сделали дело великое – перекрыли путь дальнейшему проникновению ислама на Запад. Хотя завоеватели и удержали пока за собой несколько городов в южной Галлии.

Трудная победа прибавила забот майордому Карлу. До этой войны франки предпочитали биться в пешем строю. Теперь на наглядном примере убедились, какими преимуществами обладает кавалерия. Надо было создавать сильное конное войско.

А это была задача не только военная, но и социально-экономическая. Дорого стоили и боевой конь, и вооружение всадника – человек среднего достатка на этом мог и разориться. И Карл Мартелл пошел на смелый до революционности шаг: стал раздавать надежным воинам монастырские и церковные земли под условием, что по королевскому зову они явятся на коне и во всеоружии сами и приведут с собой еще несколько вооруженных всадников. Люди, получившие такие надель, становились «вассами» (от кельтского «человек») – лично обязанными правителю держателями. От «васс» происходит слово вассал, здесь – мощный росток сложившейся позднее феодальной системы.

Конечно, майордом довольно бесцеремонно обошелся с церковными владениями. Он вообще был неудобным для церкви человеком. Свергал не угодных ему епископов и препятствовал замещению их новыми, а епископскими землями и доходами с них распорядился тем временем по своему усмотрению. Или возводил в этот высокий духовный сан близких ему людей – таких, что не умели ни читать, ни писать, а время проводили на охоте и в попойках.

Церковь, разумеется, заняла по отношению к правителю активно враждебную позицию. В народе усиленно распространялись слухи, что святым людям было видение: душа живого еще и здравствующего Карла обретается уже в аду и подвергается там мучениям за его страшные злодеяния. Когда же он наконец скончался (в 741 г.), пополз еще слухок: могилу нечестивого майордома разрыли, а там оказался дракон.

Но вскоре даже папе римскому пришлось убедиться, что в этом осатаневшем мире бывает так, что военная сила важнее благочестия. На Рим стали напористо насаждать неугомонные лангобарды. К этому времени от Византии папский престол изрядно отдалился, и единственным защитником могло стать только франкское государство.

При сыне Карла Мартелла – Пипине Коротком (или Малом, правил в 741–768 гг.) между папой и франками был заключен союз. Рим не стал возражать, когда в 751 г. Пипин изъявил судьбоносное желание стать королем (для этого он предварительно заручился согласием народного собрания франкских воинов). Папа занял мудрую позицию: «Лучше бы звался королем тот, кто имеет власть, а не тот, у кого этой власти нет». И провозгласил, что «для соблюдения порядка, в силу апостольского утверждения, Пипин стал королем». В Суассоне франки по обычаю подняли короля на щит, а уполномоченный папы Бонифаций помазал его на царство. Последний Меровинг, длинноволосый Хильперик III был пострижен в монастырь.

Так родилась королевская династия Каролингов (но названа она так не по имени Карла Мартелла, а в честь его внука Карла Великого, сына Пипина).

Новый король сразу вернул церкви земли, отторгнутые Карлом Мартеллом, и помог святому Бонифацию – «апостолу Германии» обращать в христианство пребывающие еще в язычестве племена, обитающие в глубине германских лесов (там кое-где были еще в ходу каннибализм и человеческие жертвоприношения).

Главное же – перевалив альпийские проходы, Пипин нанес резкий удар по лангобардам и запер их короля Астульфа в его столице Павии. Тот заплатил большой выкуп и отказался от всяких посягательств на Рим и на Равенну. Папа наградил победителя званием патриция, которое понималось тогда в Италии как «покровитель Рима». Святой престол оказал также большую помощь в проведении во Франкском королевстве церковной реформы: необходимость в ней назрела давно, местная церковь за время нестроения и войн огрубела до крайности.

* * *

Хотя позиции католической церкви укреплялись, духовная жизнь Западной Европы была на спаде. По позднейшим гуманистическим представлениям, надвигалось «мрачное средневековье» (насколько компетентна такая оценка – разговор особый).

Папа Григорий I, прозванный Великим (понтификат с 590 по 604 гг.), был известен как человек добросердечный. Он оказывал огромную помощь беднякам и страждущим не только в своих владениях, но и далеко за их пределами. В папском дворце имелись списки всех тех, кто имел право на вспоможение. Его стараниями христианские проповедники отважно несли веру в среду язычников. Была крещена Англия (папе очень нравилось, что название страны созвучно ангелу).

Но он же постановил, чтобы люди церкви не приобщались к античной культуре – не дай Бог, попадут под ее обаяние. Под запрет попала даже математика – пугала ее связь с волшебством и «магией чисел».

Отменена была идея о шарообразности Земли (которую Платон выдвигал еще в IV в. до н. э.). Теперь Земля представляла из себя плоский круг, покрытый горами и плавающий в воде. К этому блину на западе крепился хрустальный многосферный небесный свод, по сферам обращались Солнце, Луна, планеты, звезды. А что – великолепно, особенно если знать, что все эти светила движутся ангелами.

Все меньше становилось школ, все меньше людей понимало латынь и греческий. А церковная служба повсюду на Западе велась на латинском, так что язык богослужения хорошо понимали даже не все священники, что уж говорить о пастве. Народ принимал азы веры только на слух, через проповедь.

Карл Великий

Будущий император вступил на престол Франкского королевства в 768 г., двадцати шести лет от роду (годы жизни 742–814). Возраст вполне зрелый – было время перенять у отца, Пипина Короткого опыт управления государством. Тем более, что учеником Карл был примерным – это был человек умный, жадный до знаний, энергичный.

Историк его царствования ученый монах Эйнгард оставил нам следующий портрет короля. Крепкое, даже мощное телосложение, высокий рост, большие, выразительные глаза. Пышные волосы, усы и борода. Когда с годами они поседели – это придало еще большее благородство его мужественному облику. Дело не портили ни крупноватый нос, ни склонность к полноте, ни бычья шея, ни тонковатый голос – по совокупности качеств все это скрадывалось. Карл явно располагал к себе людей – и внешним видом, и речью, и манерой держаться.

Здоровья король был отменного, только последние четыре года его мучила лихорадка. Подхватить ее ему было где: за время своего правления он совершил около тридцати больших походов. Но даже больной, он пренебрегал советами врачей: невлюбил он их смолodu и на всю жизнь за то, что они приставали к нему с советами есть поменьше зажаренной на вертеле дичи – его любимого кушанья. Вина же Карл пил очень мало, а пьянство ненавидел.

Карл Великий

Он постоянно заботился не только о расширении границ и правильном устройстве своего королевства, о силе войска. Повышение «культурного уровня» – и своего, и подданных тоже всегда было в сфере его интересов. Латынью владел как родным языком, понимал и греческий. Даже во время поглощения излюбленных мясных блюд или слушал музыку, или внимал чтению книг.

В преклонные годы даже вознамерился овладеть «трудным искусством чтения и письма», но в этом больших успехов не достиг. Хоть и клал перед сном под подушку вырезанные из дерева буквы, чтобы, проснувшись среди ночи (спал он беспокойно), отгадать первую попавшуюся.

В личной жизни Карлу особенно повезло с третьей по счету супругой – Хильдегардой. Правда, после свадьбы ей было отпущено не так уж много – 12 лет (после нее у Карла было еще две жены), а все то время, пока она была жива, приходилось выслушивать нарекания католической церкви: предыдущий брак Карл расторг своевольно.

По мнению историка, «с Хильдегардой ни одна из франкских девушек не могла сравниться по красоте». С Карлом они жили душа в душу. Жена часто сопровождала супруга в

походах, где ей порою приходилось выносить все тяготы, выпадающие на долю простого воина. Но – с милым рай и в шалаше, особенно если милый – великий человек.

* * *

Первая большая война была с саксами. Это уже знакомое нам непоседливое, не знающее единой власти племя твердо придерживалось языческих обычаев, видя в них опору всего своего существования. Карл же был поборником Христовой веры и горел желанием распространить ее во все окрестные пределы. К тому же от саксов было много беспокойства.

Вторгшееся в их земли франкское войско (772 г.) не встретило организованного сопротивления: жившие отдельными родами и общинами, саксы просто не успели собраться с силами. Карл приказал срубить огромный священный дуб саксов Ирменсуль – символ «мирового дерева», основы мироздания в германской мифологии. Наскорю построил церкви, поставил в них священников. Но стоило его войску уйти – храмы запылали, их причт был изгнан.

Однако король не смог сразу вернуться, чтобы навести порядок. Его звали дела поважнее: папа Адриан I настоятельно просил помощи против лангобардов, которые опять стали наседать на его владения.

Прибыв в Рим, Карл повел себя самым благочестивейшим образом. Он на коленях поднялся по ступеням храма Святого апостола Петра, целуя их. У гробницы апостола, в присутствии высшего духовенства и вернейших своих вассов – земельных магнатов, король возобновил отцовский союз со святым престолом.

Лангобарды не смогли противостоять силе франков. Их столица Павия капитулировала, король Дезидерий был принужден уйти в монастырь. С самостоятельностью лангобардского королевства было покончено (774 г.). Но Карл не захотел ставить побежденных в приниженное положение. Лангобардским королем он провозгласил себя, лангобардские воины влились в его войско как королевские вассы. Потом они ходили с ним в походы по всей Европе – это были доблестные бойцы.

Но и после этого до непокорных саксов руки не дошли – была предпринята экспедиция против арабских (маврских) властителей Испании, удерживающих несколько южногалльских городов. Карл перевалил с войском через Пиренеи, но там его ждала неудача под Саргосой – безрезультатная осада. Пришлось отступить.

Отход растянувшейся в горных ущельях армии прикрывал арьергард, возглавляемый графом Роландом, племянником короля. Весь этот отряд был уничтожен внезапно нападшими союзниками мавров – христианами-басками. Событие в военном отношении не очень значительное, но оно прославлено в веках «Песней о Роланде» – одним из прекраснейших эпических произведений. Значение этого памятника не только в его художественных достоинствах. В нем мы находим идеологическую установку на грядущую эпоху: и беззаветную воинскую доблесть, и нарождающиеся понятия рыцарской чести. Лучше погибнуть, чем отступить; даже позвать на помощь в безвыходной ситуации – уже в какой-то степени уронить свое достоинство.

Главное же – идея безусловной верности вассала своему сеньору, королю. По версии «Песни», Роланда отправил в ловушку ненавидящий его отчим, коварный Ганелон. Тем самым он изменил и своему королю, и его деяние приравнивается к предательству Иуды.

* * *

Но сочинение «Песни о Роланде» – дело будущего, а пока весть о поражении франков вызвала восстания среди подчиненных им народов. Только подавив их, Карл смог бросить все силы против саксов (в 782 г.).

Саксы были уже расколоты не только традиционной разобщенностью: многие из числа знати сочли за благо признать себя вассалами франкского короля. Поэтому по призыву Карла на устроенное им торжественное собрание явилось множество людей. На нем был обнародован закон, гласивший, что смертью будет караться не только разорение храмов и убийство священников, не только отступничество от христианской веры, но даже несоблюдение Великого поста.

Однако угроза должным образом не подействовала. Когда Карл отправил саксонское ополчение в помощь своему войску против язычников-славян – оно повернуло оружие против франков.

Теперь король был беспощаден. Он объявил о казни всех, кто будет действовать заодно с язычниками против христиан. Было перебито 4,5 тысячи человек. Но и это только подлило масла в огонь: саксы сплотились вокруг избранного ими вождя Видукинда, отошли в глухие леса и, нападая оттуда, тоже не знали жалости.

Карл переломил ситуацию только тогда, когда в массовом порядке стал отбирать землю у мелких владельцев – эделингов, которые составляли костяк саксонского войска. Эти земли он частью отписал на себя, частью раздал своим приближенным, а остальными наградил сохранивших ему верность знатных саксов и тех, кто вовремя изъявил свою покорность. Наместников-графов король тоже назначил из среды саксонской аристократии.

Среди «осознавших ошибки» оказался даже Видукинд: на месте разрушенного капища бога войны он вместе со своими людьми отрекся от «сатанинских сил» и перешел в христианство. На этих праздниках примирения не было места только простым свободным земледельцам и рабам: они просто перешли под управление новых господ, да еще вынуждены были платить теперь церковную десятину.

* * *

На очереди был поход, принесший Карлу и много славы, и несметные богатства. В 791 г. была разгромлена обосновавшаяся в Паннонии, на Дунае главная орда кочевников-аваров, которые совершали набеги и на Галлию. Но больше всего насилия терпели от них соседние славянские племена – память о тех издевательствах сохранила наша «Повесть временных лет». Когда знатный обр (так в ней зовутся авары) собирался ехать куда-то по своим делам, он впрягал в повозку вместо лошадей славянок (в «Повести» говорится о женщинах из племени дулебов).

Удар была нанесен с двух основных плацдармов – из Германии и из Италии. К походу присоединились славяне и болгары. Воины шли по старым римским дорогам по обе стороны Дуная: с хоругвями, с пением церковных гимнов.

Ставка аварского кагана была защищена восемью кольцами высоких валов со рвами, но они не спасли – победа была за христианским воинством. Сокровищ, добытых многовековым грабежом, было обнаружено умопомрачительное количество. Часть их благочестивый король отправил в Рим папе, часть раздал своим вассалам, «чтобы они и впредь прославляли его милость и помогали в тяжелых походах».

На следующий год королевский сын Людовик довершил разгром, да так, что, по оценке хрониста, в Паннонии не осталось ни одной живой души.

Этими походами было положено начало современной Австрии: на захваченных придунайских землях было образовано военное наместничество – маркграфство, получившее название аварской, или восточной марки (марка – пограничная область).

Потом пришел черед отомстить за испанскую неудачу. На этот раз Карл действовал очень осмотрительно, провел солидную дипломатическую подготовку. Было отправлено посольство к багдадскому халифу Гаруну аль-Рашиду, знаменитому герою сказок «Тысячи и одной ночи». С ним была заключена договоренность о союзе против испанских Омейядов – выяснение отношений внутри мусульманского мира шло уже вовсю.

Военной помощи за дальностью расстояния от союзника ждать не приходилось, но Карл мог теперь быть уверенным в том, что и на помощь своим единоверцам могущественный халиф не придет. В знак особого уважения аль-Рашид передал Карлу право покровительства над христианскими святынями Иерусалима, а еще прислал в подарок слона – о котором позже.

Армия Карла объединилась с испанскими христианами – теми, которым удалось сохранить относительную независимость от мавров в горах Астурии и в долинах Пиренеев. Соединенное войско отбило у мусульман Барселону. Там франки основали еще одну пограничную марку – испанскую. Была создана база для последующей растянувшейся на века Реконкисты – освобождения Пиренейского полуострова от мусульманского господства.

* * *

Карл создал огромную по тем временам державу. Но, несмотря на невероятную порою военную добычу, экономически она была слаба.

Два других тяжеловеса эпохи – арабский халифат и Византия выглядели предпочтительней. Они находились на землях древних государств Востока и античного мира и в значительной степени сохранили традиции управления и хозяйства, торговые связи и культуру более благополучных времен.

А государство Карла Великого? Веками разорявшаяся войнами Галлия, в которой последние завоеватели если и не все перекроили на свой варварский лад, то существенно в этом преуспели. Германия, в недавнем еще прошлом языческая, жители которой привыкли существовать за счет меча не в меньшей степени, чем за счет труда. Север Италии, где лангобарды хозяйствовали доселе, скажем так, неконструктивно.

Знаменитые римские дороги не поддерживались, а новые были совсем плохи, торговля в упадке, денежное обращение минимально.

Большинство населения питалось от земли, но не продавало ее плодов. Карл мог собрать со своих подданных только сотую часть того, что имел от налогов и податей багдадский халиф.

Карл Великий (А. Дюрер)

Королевское хозяйство было построено по тому же принципу, что и поместья крупнейших земельных магнатов. Все отличие – что король был богаче всех. По всей стране были разбросаны его имения, виллы, которыми заведовали управляющие – они же судьи над всеми служащими и трудящимися там. К Рождеству управляющий представлял отчет, сколько получено с хозяйства продуктов, сколько поступило оброка и штрафов, сколько проедено, сколько сложено про запас. Собранные деньги сдавались к Вербному воскресенью, свечи – в начале зимы и к Великому посту, а другие продукты в течение всего года. Когда управляющий прибывал к королевскому двору или ко двору наместника с обозом, его обязательно сопровождал опытный пивовар – чтобы в досталь приготовить хмельного напитка для повелителя, его домочадцев, придворных и слуг.

Но и рот ходил за хлебом: король со всей своей свитой перемещался с виллы на виллу, потребляя припасы по месту их возникновения. Ради такого дела везде должно было быть наготове не только пропитание, но и одежда, мебель, утварь и все необходимое для поездок.

В поместьях были устроены женские мастерские, где работницы ткали, красили ткани, шили одежду. Везде должны были находиться под рукой ремесленники всех профессий того времени: кузнецы, золотых дел мастера, портные, плотники, оружейники, рыбаки, птицеводы, медовары, хлебопеки, пивовары и другие.

Любимой резиденцией Карла был австразийский Ахен. Этот град изначально возник как большое имение. Королевская усадьба из множества домов со службами, кругом – такого же типа усадьбы вельмож. Когда собирался церковный синод или народное собрание, когда прибывало большое посольство издалека – в город стекалось множество народа. Появлялись купцы с восточными товарами – евреи и сирийцы. Специально для них были построены торговые и складские помещения. На королеве Хильдегарде в такие дни лежала обязанность «вовремя радовать подношениями придворных и чиновников и удерживать их в добром настроении». Из званых гостей кто попроще получали лошадей, нарядные одеяния; знатные наделялись дорогими украшениями и деньгами.

* * *

Когда войско отправлялось в поход, основную его часть составляли местные ополчения, собранные и ведомые герцогами и графами. Каждый воин на протяжении значительного времени должен был обеспечивать себя сам: одеждой и оружием не менее полугода, собственных съестных припасов должно было хватить на три месяца. Поэтому на каждых трех пеших воинов приходилась снаряженная за их счет телега с лошадьми.

Как мы видели, со времен Карла Мартелла все большую роль играла кавалерия, и все более привилегированным сословием становились ее всадники. Знакомые нам слова иностранного происхождения: испанское кабальеро, французское шевалье, немецкое риттер (от него – русское «рыцарь») – все они обозначают «всадник», «наездник», а в более широком смысле – представитель того высшего слоя, который все больше отдалялся от простого народа.

Это были люди, лично служившие королю (до тех пор, пока герцоги и графы, а потом и местные магнаты не стали почти самовластными сеньорами). Чтобы ходить в походы самому и привести с собой еще несколько бойцов и чтобы безбедно существовать в остальное время, каждый из них получал от короля бенефиций – владение пожизненное, но не наследственное. Таких вассов, или уменьшительно – вассалов требовалось все больше, особенно для обороны пограничных, не замиренных еще областей – маркграфств, управляемых маркграфами.

Выделялся и верхний слой вассалов – палатины, люди, постоянно находившиеся при короле. Они получали должности в дворцовом хозяйстве, выполняли важнейшие поручения, связанные с поездками по стране. Их владения становились аллодами – передавались по наследству.

Вассалами стала окружать себя и землевладельческая знать (магнаты), и наиболее весомые королевские вассалы. Такими вассалами следующего уровня становились и те из землевладельцев победнее, что передавали себя под покровительство богатого соседа, а тот обеспечивал их боевым конем, вооружал за свой счет, при необходимости обеспечивал судебную защиту (этот процесс станет массовым, можно сказать, всеохватывающим, позднее, когда будет складываться классическое феодальное общество – мы с этим знакомимся).

Были вассалы и другого рода, – и их становилось все больше, – те, кто шел в личную зависимость от влиятельного человека, чтобы избавиться, например, от разорительных расходов на военную службу. Ведь воин ополчения, чтобы выступить в поход в подобающем виде, должен был зачастую продавать коров, инвентарь, а то и хлеб в разгар жатвы – по самой низкой цене. Отсюда слово «вассал» получало еще более широкое значение, внутри этого понятия обозначалась резкая градация: одни вассалы, пусть небогатые, были заняты благородным военным делом, другие – ремеслом и земледелием (со временем первые станут рыцарями, вторые – вилланами).

Короля Карла расширение феодальной зависимости вполне устраивало. Воины-вассалы, если даже они состояли не на королевской службе, а на службе у сеньоров («старших»), были лучше вооружены и подготовлены, чем оторванные от повседневных дел, снарядившиеся за свой счет ополченцы. Королевских вассалов можно было использовать для службы в дальних гарнизонах сколь угодно продолжительное время, зимой и летом. Они же могли пополнять королевскую администрацию, если им давались какие-то постоянные или временные поручения.

С попавшими в вассальную зависимость простолюдинами властям было меньше хлопот: за ними присматривали, а зачастую за них отвечали господа. Скоро стало нормой, что у человека помельче имеется сеньор. Вошло это и в церковный обиход: епископы или аббаты монастырей считались сеньорами тех, кто сидел на их земле или служил им.

Карлу особенно была по душе идея вассальной верности: единожды отдав себя в руки сеньора, изменять ему нельзя. Вассал приносил присягу на верность, при этом становился перед сеньором на колени и вкладывал свои руки в его. Это был знак «коммендации» – отдачи себя во власть господина. К концу своего правления король законодательно запретил самовольный переход от сеньора к сеньору.

* * *

Центральной фигурой областного управления были наместники-графы – со времен Мерovingа Хлотаря II король назначал их пожизненно из числа местных магнатов.

Граф собирал королевские доходы и пошлины, созывал ополчение и командовал им – но королевские вассалы ему не были подвластны.

Граф же следил за судопроизводством. Три раза в год жители каждого подчиненного ему округа созывались им на общее судебное собрание. На нем ему помогали семь выборных «из зажиточных». В остальное время выборные сами отправляли правосудие по делам попроще.

Жалованье из казны графу не полагалось: источником его служебных доходов были подарки, которые он получал за суд или при объезде своей области (принимать его следовало с почетом). Обычно в натуральном выражении, гораздо реже деньгами (вспомним, денег в обращении было очень мало).

Для надзора за этими наместниками, для защиты жителей от всевозможных притеснений король направлял (или назначал) «государевых послов» (своего рода прокуроров). Ими становились обычно епископы, которые следили, чтобы «светские люди исполняли законы, воздерживались от неправды и обмана, живя в мире и любви друг с другом».

* * *

Чтобы иметь более тесную связь со своим народом, Карл дважды в год собирал своих подданных на совещание. Но это были отнюдь не прежние полноправные народные собрания: теперь мероприятие носило куда более аристократический характер.

Приглашенные стекались туда, где в это время пребывал король. Собрание, проводимое в конце весны («майское поле») имело более расширенный состав. На него, помимо королевских вассалов, вельмож, магнатов и епископов с их многочисленными свитами сходились и рядовые ополченцы из ближайшего округа. Это был одновременно военный смотр – иногда прямо с «майского поля» войско уходило в поход.

Осенью собирались в более узком составе – созывалась верхушка общества. Придворные, епископы, виднейшие сеньоры совещались о государственных делах, о войне и мире, предлагались законы. Король больше слушал, иногда говорил. Никакого голосования не было, решения принимал после совещания он сам в кругу своих ближайших советников.

* * *

Важнейшую роль при дворе короля играли два должностных лица: канцлер, подготавливавший королевские грамоты, и капеллан – духовник короля и его советник по многим вопросам.

Особенная нужда в людях духовного звания была не только потому, что они были наиболее образованной частью общества и могли дать хороший совет. Еще важнее была роль церкви в установлении порядка в стране: за счет ее высокой организованности, ее духовного влияния на народ, наконец, за счет страха перед ее наказаниями.

Многие преступления по самой сути своей подпадали не под светское, а под церковное правосудие. Епископский суд карал за преступления, на которые тогда смотрели как на посягательство на Божью правду на земле. Это были, например, убийство в усобице, нарушение супружеской верности, клятвopеступление. Не говоря уж о колдовстве, магии и всех прочих формах общения с дьявольскими силами.

Приговоры, выносимые церковным судом, могли и не сопровождаться привлечением светской власти для их исполнения. Осужденный сам, добровольно отбывал наказание – хотя оно могло быть очень суровым. Люди страшились гибели своей души в случае неповиновения.

Убийца мог быть осужден на три года изгнания на чужбину, и все это время он должен был находиться в цепях, питаться только водой и хлебом. Очень тяжелой карой было отлучение от церкви: виновный лишался участия в церковных таинствах и обрядах, с ним нельзя было ни есть, ни пить, ни даже разговаривать – нарушители запрета могли быть сами отлучены. Умерший под отлучением считался лишенным надежды на спасение души.

Но над собой лично Карл никакого церковного диктата не допускал. Сам же в дела церкви вмешивался очень активно, даже по вопросам сугубо духовным. Это по его настоянию в христианское богослужение введено обязательное чтение «Credo» – «Верую» (по православному, «Символ Веры»).

* * *

Культуру эпохи Карла Великого многие историки и искусствоведы называют «карлингским возрождением», видя в ней провозвестие грядущего через века Ренессанса.

Вокруг короля сплотился кружок интеллектуалов, необычайно высоко ценивших античную мудрость. И дело было не в том, что Карл считал себя правопреемником Римской империи. Просто он всю жизнь стремился к постижению высот культуры – в меру своих сил и в меру возможностей своего времени.

Больше всех из древних мудрецов Карла привлекали Платон и Сократ. Сократ прославился своим самоотверженным стремлением к истине, своей способностью умело поставленными наводящими вопросами заставить собеседника самому всесторонне рассмотреть

предмет, волей-неволей прийти к верным ответам и признать их правоту. Его метод позднее был назван диалектикой, а сам Сократ называл себя «повивальной бабкой истины».

Платон, один из величайших философов в истории, посвятил себя познанию самых высоких основ бытия: бога, высшего блага, исходящего от него в мир, божественных эйдосов, или идей – небесных первообразов всех земных вещей и понятий. Особенно захватывало то, что бог, творец («демиург») всего, мыслился, как и в христианстве, как «Единое», а не как пантеон языческих богов (Платона и его учителя Сократа некоторые богословы называли «первыми христианами до Христа»).

Платон же разрабатывал учение об идеальном государстве, в котором высшим авторитетом должны обладать философы. Он основал знаменитую Академию, в которой вели нескончаемые беседы вдохновенные мудрецы – искатели истины. Карл (по крайней мере, в свободное от суровых земных забот время) тоже мечтал об идеальном государстве, а отраду своей души – кружок собратьев по любви к прекрасному и высокому называл именно Академией.

Виднейший его участник – англосакс Алкуин (735–804 гг.), ставший на новой родине аббатом турского монастыря. Богослов, автор философских трактатов, учебников и руководств по словесности и математике. Он устроил при дворе школу по образцу тех, что существовали при английских монастырях. В ней обучались дети высшей знати, Карл хотел в дальнейшем видеть их умелыми и образованными администраторами.

По примеру дворцовой стали создаваться школы при крупнейших монастырях. Но уровень обучения там, к сожалению, зачастую был невысок – в первую очередь потому, что хороших учителей на всех было не напасть. Однако в монастырских стенах делалось другое великое дело – собирались и переписывались древние книги, в том числе античных авторов. Вопреки официальным запретам папского престола, поддерживался и разгорался тот огонек монастырской учености, что высветил из тьмы веков грядущим поколениям изумительные свершения эллинского и римского гения.

В кружке состояли вестготский поэт Теодульф Орлеанский, известный историк лангобард Павел Диакон, франк Эйнгард – любимец Карла и его ученый секретарь. Это был человек жадной любознательности, ритор, живописец, архитектор, механик. Написанная им биография Карла Великого проникнута пафосом, достойным восхваления славнейших героев Древнего Рима.

Они и другие подобные им энтузиасты составили королю тот круг общения, где можно было обмякнуть душой. Время проходило в непринужденных интеллектуальных занятиях, подобных изящным веселым забавам. После обеда кто-нибудь начинал читать свое стихотворение. Автора можно было прервать, вставить замечание, зачастую шуточное. Отшучивался и поэт – чтение превращалось в увлекательную беседу. Протекала она на латинском языке, использовались красивейшие обороты, «цветы речи» из произведений Вергилия, Августина и других авторов.

В чести было умение давать хитрые и многозначительные определения, подобные загадкам. Так, «мертвый породил живого, дыхание живого пожрало мертвого» – это возникновение огня от трения сухих сучьев. Глубокомыслие «академиков» было многим обязано изучению античных мыслителей, но несло в себе и влияние зарождающейся средневековой схоластики. Например, Алкуин доказывал, что число 6 совершеннее числа 8, потому что части числа $6 = 3+2+1$ составляют в сумме ту же шестерку, а части числа $8 (8 = 4+2+1)$ – всего лишь семерку. В учебниках Алкуина находим иносказания, долгое время потом использовавшиеся для начальной подготовки риторов, философов и богословов: «солнце – это блеск вселенной, краса небес, прелесть природы, распределение часов; человек – раб смерти, мимолетный путник, гость в своем доме; буква – страж истории; свет – лицо всех предметов».

Участники кружка брали себе, по англосаксонскому ученому обычаю, шуточно-возвышенные псевдонимы, почерпнутые из Священного Писания и античности: Давид (им был сам Карл), Гомер, Гораций и тому подобные. Эти люди осознавали и ценили свое культурное превосходство над правителями предшествующих поколений и их окружением. «Возобновляются времена, воскресает жизнь древних, возрождается то, чем сиял Рим» – так выразил свои чувства один поэт.

Изобразительное искусство, архитектура того времени следовали позднеимским образцам – грубоватым, но не лишенным внутренней силы. Большое влияние оказывало искусство Византии: мастера Восточной империи много работали тогда в Италии, византийские шедевры попадали и к королевскому двору, и во дворцы церковных иерархов. Но при всех заимствованиях, проявлялось и своеобразие «каролингского возрождения» – то своеобразие, которое скажется вскоре в романском стиле, а потом и в готике.

* * *

Пример интереса Карла ко всему необычному – судьба упоминавшегося уже слона.

Началось с того, что однажды среди прочей военной добычи королю достался огромный, изукрашенный искусной резьбой рог. Карл заинтересовался, какому зверю он мог принадлежать, и люди сведущие сообщили ему, что это бивень слона и объяснили, как могли, кто это такой.

Король никак не мог поверить, что такое чудо-юдо действительно может существовать на свете, а потому загорелся желанием иметь его в натуральном виде. Поэтому посольство, отправленное в 797 г. в Багдад к халифу Гаруну аль-Рашиду в преддверии Пиренейской кампании, имело поручение заодно попросить и о диковинном подарке.

Гарун был щедрым правителем – огромный индийский слон редчайшей белой масти по имени Абуль-Абба отправился в путь. Это было нелегкое путешествие. Великану пришлось надолго задержаться в северной Африке – местным арабским правителям не на чем было переправить его через море, и Карл послал за ним специально построенный корабль. Потом, чтобы попасть в Галлию, надо было пройти через альпийские перевалы – маршрутом, обратным тому, по которому тысячу лет назад проследовали слоны Ганнибала.

Наконец 20 июля 802 г. состоялась торжественная встреча долгожданного гостя. Все были в восторге, подарок халифа был поистине великолепен. Больше всех радовался шестидесятилетний король. По его повелению Абуль-Абба обрел подходящее ему пристанище в знаменитом королевском парке, где уже находилось множество редкостных животных и прочих чудес природы.

Но с таким королем не соскучишься и мохом не обрастешь: как когда-то жену, Карл стал брать с собой в походы слона. И вот в 810 г. в Саксонии произошла трагедия: после переправы через Рейн, когда король поджидал свое войско, знатный чужестранец околел. Скорее всего, Абуль-Абба стал жертвой свирепствовавшей тогда на севере государства эпизоотии – подхватил заразу от какого-нибудь тупорылого деревенского вола.

Насколько тяжела была эта утрата, можно судить по записи в анналах, сделанной в связи с кончиной сына Карла, короля Италии Пипина: «В том же году, когда умер слон, скончался и король Италии Пипин».

* * *

Под властью франкского короля оказалась почти вся Западная Европа (кроме Британских островов и большей части Пиренейского полуострова). Это земли, на которых ныне расположены Франция, Бельгия, Голландия, Швейцария, западная и южная Германия, боль-

шая часть Италии и северо-восточная Испания. А 25 декабря 800 г., на Рождество, Карл Великий был провозглашен императором.

Предыстория этого события была драматичной. В 795 г. папой римским стал Лев III. Он полностью полагался на Карла – только тот мог его защитить от внутренних недругов и от византийцев, вновь стремящихся обосноваться в Италии.

Весной 799 г. Лев III был неожиданно захвачен заговорщиками, среди которых были родственники предыдущего папы – Адриана. Пленника заточили в соборе Святого Стефана. Посовещавшись о его судьбе, похитители приняли страшное решение – выколоть ему глаза и вырвать язык. Но они успели лишь вволю поиздеваться над главой церкви – с помощью друзей тому удалось бежать. Вскоре он прибыл ко двору Карла.

Король приказал покарать врагов папы, но с окончательными выводами спешить не стал – он продержал Льва у себя целый год. Наверное, дело было темным. Интриги при папском дворе уже снискали славу изощренных и смертоносных, а на самом первосвященнике лежали тяжелые подозрения.

Следствие вели виднейшие вассалы короля. Наконец, папа и Карл прибыли в Рим, и у гробницы апостола Петра состоялась напряженная судебная процедура. Папа Лев III, опершись на раку с мощами, давал клятву в невиновности. 28 его соприсяжников, взявшись за руки, повторяли слова клятвы. После этого они должны были несколько минут провести в полной неподвижности. Присутствующие при этом королевские вельможи пристально следили за всем происходящим: малейшая запинка при произнесении клятвы, малейшее нарушение последующей окаменелости означали бы лживость клятвы. Но – обошлось. С папы римского были сняты все подозрения и он был восстановлен в своих правах.

А на ближайшей рождественской службе произошло – для многих неожиданно – великое событие. В соборе Святого Петра Лев III возложил на голову молящегося Карла императорский венец, и прозвучали не позабытые еще слова прославления прежних римских императоров. Стоявшие кругом франки и римляне воскликнули: «Победа и здоровье Карлу, Августу, Богом венчанному великому и миротворящему императору римлян!».

Папа приказал увековечить это событие прекрасной мозаикой, выложенной в трапезной его дворца. На ней апостол Петр восседал на троне, а папа и Карл стояли колена-преклоненные по обе стороны от него. Апостол вручал одному знамя, другому поллиум (часть епископского облачения). Этим символически утверждалось духовное значение произошедшего: власть Карла, теперь уже императора, была властью от Бога. Возродилась Римская империя, которая, при благотворном единении императорской власти и власти церкви, должна стать Градом Божьим на земле.

Сам Карл, конечно же, тоже считал, что теперь его власть обрела гораздо более высокое содержание. Через два года был принят новый текст присяги подданных на верность ему, где были и такие слова: «Все должны исполнять святую службу Богу, не совершать ни насилия, ни измены по отношению к святой церкви или к вдовам, сиротам и странникам, так как государь император наречен, после Господа Бога и святых, покровителем и защитником над всеми».

Новому венценосцу очень важно было признание его титула законным правопреемником владык Древнего Рима – византийским императором. Для этого он начал переговоры с правившей тогда в Константинополе императрицей Ириной. Но ее вскоре сверг логофет (глава администрации) Никифор, который, став императором, и слышать не хотел ни о каком западном двойнике. Он даже послал флот для отвоевания Италии. Однако Никифор вскоре погиб на войне с болгарами, а его преемники об итальянских захватах больше не помышляли. Тем не менее императором воссозданной Западной империи Константинополь признал Карла только в 812 г., за два года до его смерти (оговоримся – есть мнение, что этого так и не произошло).

Вспомним еще раз, что само имя Карла стало легендарным для потомков. Слово «король», известное всем славянским народам – производное от этого имени. Повсюду возник образ мудрого правителя, умеющего читать в сердцах людей и ненавидящего неправду. Образ сильно идеализированный, но он стал меркой, с которой люди подходили к современным им владыкам – что придавало уверенности при отстаивании своих прав.

Империя после Карла

У империи не было достаточно твердой основы, чтобы она смогла просуществовать длительное время в прежнем единстве и силе.

Еще при жизни Карла беспокойно стало и на границах, и на местах. На востоке участились нападения славян, на юге агрессивно вели себя мавры, на севере – датчане. А на побережье Северного моря первые заявки сделали о себе скандинавские «властители морей», кошмар раннего средневековья – норманны, или викинги.

Внутри империи народ роптал на подати и повинности. Особенно на окраинах, где жили недавно присоединенные народы (саксы, лангобарды, славяне, авары, мавры), и жили они преимущественно по прежним своим законам и традициям. Франки не были носителями той культурной притягательности, с помощью которой покоряла когда-то народы Римская империя – порою успешнее, чем оружием.

Карлу докладывали: «Твои послы не встречают больше повиновения, твои приказы не исполняются». Да и сами графы, и прочая знать изрядно подраспустились. Эти наместники и земельные магнаты, обзаведшиеся собственными многочисленными вооруженными вассалами, не походили, для сравнения, на византийских стратегов, командиров и чиновников. Тем, как и римлянам лучших времен, в какой-то мере было присуще чувство сопричастности великому, державе с многовековыми традициями (хотя казнокрадами и насильниками тоже были еще теми). Знать франкского государства ни о чем таком представления пока не имела: она служила не государству, а лично королю, и не «за идею», а за щедрую милость. Служила точно так же, как простые и малые служили тем, кто покрепче.

Эффективной центральной власти, способной постоянно контролировать ситуацию в стране, так и не было создано. Пока был жив Карл – с его энергией, с его личным обаянием и несомненным авторитетом, состояние государства было довольно стабильным. Когда его не стало, дела пошли гораздо хуже.

* * *

У Карла и Хильдегарды было восемь детей: три сына – Пипин, Людовик и Лотарь, и пять дочерей. Старший, Пипин, от рождения был горбатый. А если в малокультурной среде порою оголтело травят даже рыжих – чего же хорошего было ждать этому королевскому отпрыску? Над ним издевались не только братья, сестры и придворные – даже городские сопляки, завидя его, вприпрыжку бежали следом и вопили: «Горбатый! Горбатый! Горбатый!».

Несчастный мальчик озлобился, он возненавидел всех и вся, даже отца – который, когда Пипину было всего четыре года, провозгласил его королем Италии. Такие люди, повзрослев, не расстаются со своим детским восприятием мира, оно скорее утверждается в них. Пипин устроил заговор против отца, намереваясь убить и занять его место. Карла спасли бдительные друзья: один монашек, затаившись в алтаре церкви, подслушал речи заговорщиков и обо всем сообщил императору. Рядовых злоумышленников схватили и казнили, Пипина же постригли в монастырь. Там он в 810 г. скончался (в один год со слоном).

А ведь Карл любил всех своих детей и хотел так устроить их будущее, чтобы после его смерти между ними не было раздоров. Для этого он и решил поделить свое государство между сыновьями, что было закреплено особым Тионвильским указом. В нем были определены границы новых королевств – предполагалось, что дружественных, ибо их государей будут объединять память об отце и братские узы. Но предал Пипин, рано скончался Лотарь.

В 813 г., за год до смерти, Карл своей властью, без участия папы нарек императором последнего своего сына Людовика.

* * *

Людовик (778–840 гг., правил в 814–840 гг.) был прозван Благочестивым. Действительно, это был очень набожный человек – почти каждый свой день он начинал с длительной молитвы в храме, щедро жертвовал на нужды церкви, не раз порывался удалиться в монастырь. Но многие современники считали, что лучше бы он проявлял поменьше рвения к вере – дела государства в той обстановке требовали куда большего внимания, чем он им уделял.

Получив после отца всю полноту власти, Людовик Благочестивый начал с того, что приказал взять под стражу любовников своих сестер. Один, оказав сопротивление, был убит, другого ослепили. Впоследствии и сестры, и многие придворные дамы были разосланы по монастырям. Были удалены многие отцовские сановники. К делам управления император предпочитал привлекать духовных особ, в первую очередь епископов. Они очень уверенно стали чувствовать себя при дворе.

Доверие императора, к удивлению многих, сумел тогда заслужить сын злосчастного горбатого Пипина – Бернгард. В свое время Карл Великий оставил ему отцовское итальянское королевство. Теперь и Людовик сохранил за ним трон. Королями остальных земель он решил сделать своих сыновей Лотаря, Пипина и Людовика-младшего (как видим, имена в точности дублируют предыдущее поколение Каролингов).

В 817 г. Людовик издал «Императорский декрет», по которому наследником императорского титула провозглашался Лотарь. Декретом закреплялся также раздел империи.

Но тут вознегодовал племянник Бернгард. Он считал, что у него больше прав на императорский венец, поскольку его отец был старшим из сыновей Карла Великого. Бернгард отказался признать декрет и занял своими отрядами альпийские проходы.

Теперь в гнев пришел дядя. Он двинул на ослушника большое войско. Итальянский король, которому явно не по силам было противостоять ему, пришел в смятение. Но тут он получает послание от императрицы Ирменгарды (личности, судя по всему, довольно мрачной) с клятвенным уверением, что муж простит его, как только он явится с повинной. Бернгард поверил.

Когда он с ближайшими друзьями явился к императору и склонил перед ним колени, тот приказал всех схватить и передал на суд своих вельмож. Суд признал Бернгарда бунтовщиком и осудил на смерть и его, и его спутников. Но дядя смиростивился и ограничился тем, что приказал ослепить осужденных. Однако палач перестарался: исполнил приказ с такой жестокостью, что Бернгард через два дня скончался.

Старший сын императора Лотарь перебрался в Италию, а оставленная им Бавария досталась Людовику-младшему.

Вроде бы установился какой-то порядок. Но вот незадача – его нарушила личная жизнь императора. После смерти Ирменгарды (818 г.) он женился на красавице Юдифи – дочери баварского графа Вельфа. Красавица оказалась еще и умницей, и хитрости ей было не занимать – Людовик влюбился без памяти. В 823 г. у них родился сын Карл. Любимое дитя от любимой жены отец не мог оставить без короны (этого не могла допустить и мать), и в 826 г. маленькому Карлу была дарована Швабия (земля алеманнов).

В результате возникла смута. Сыновья Пипин и Людовик и раньше уже роптали, заявляя, что не признают главенства над собой Лотаря. А теперь, когда стало известно, что надо делиться и в пользу четвертого брата – все трое, не переставая грызться между собой, выступили против отца. Требование к нему было однозначным: установившийся раздел должен остаться в силе.

Епископы, привыкшие к своему властному положению, решили воспользоваться моментом и узаконить свое первенство по отношению к императору: собравшийся в 829 г. в Париже церковный синод провозгласил, что отныне духовная власть выше светской.

Не замедлил вмешаться и папа Григорий IV. Когда распря между отцом и сыновьями дошла до вооруженного противостояния, он, никем не званный и без всякого предупреждения, появился в лагерь императора. Там повел себя как верховный судья: настоятельно потребовал от Людовика примирения с детьми, причем всю вину за создавшееся положение возложил на него. Император был крайне удручен.

Видя такое дело, значительная часть его воинов перешла в стан его сыновей, и вскоре Людовик Благочестивый оказался фактически у них в плену.

Его ждало тяжкое унижение: в Суассоне он прилюдно покался в своих грехах, в якобы совершенных убийствах, клятвопреступлениях и святотатствах, а в довершение отказался от власти и императорского достоинства. В конце концов епископы его простили и в императорских правах восстановили, но понятно, что авторитетным правителем он быть уже не мог. Государство Карла Великого утрачивало единство.

Диакон Флор Лионский в эту годину всеобщего раздора написал такую прочувственную «Жалобу о разделе империи»: «Теперь, придя в упадок, эта великая держава сразу утратила и свой блеск, и наименование империи. Государство, недавно еще единое, разделено на три части, и никого уже нельзя считать императором. Вместо государя – маленькие правители, вместо государства – одни только маленькие кусочки.

Что же случилось с соседними народами на Дунае, Рейне, Роне, Луаре и на По? Все они, издревле соединенные узами согласия, в настоящее время, когда союз порван, будут раздираемы печальными раздорами...»

Это уж как повелось: разным людям, собранным вместе, свойственно в большей степени исходить из того, что они разные, а не задумываться над тем, что есть ведь и серьезные основания для единения. А когда они оказываются порознь – поздно локти кусать.

* * *

После смерти императора Людовика в 840 г. его сыновья не смогли восстановить единство державы, а скорее всего об этом и не помышляли.

В 842 г. в Страсбурге встретились братья – короли Людовик Немецкий (когда-то Людовик-младший) и повзрослевший Карл, король Нейстрийский (западногалльский. Вскоре он получит прозвище Карл Лысый). Их целью было договориться о том, чтобы вместе противостоять императорским амбициям Лотаря (четвертый брат Пипин к тому времени умер).

Королей сопровождали многочисленные вассалы, в присутствии которых они поклялись друг другу в верности. И вот что интересно и показательно: эти люди говорили на разных языках. Прибывшая с Людовиком австразийская и саксонская знать изъяснялась на каком-то старогерманском прототипе немецкого (или наборе прототипов). Нейстрийские же вельможи, хоть и имели в большинстве своем франкские корни, за четыре века успели настолько плотно слиться в культурном отношении с окружающими их все это время галло-римлянами, что теперь говорили на их языке, и только все больше утверждавшееся название страны – Франция, напоминало об их славном чужеродном происхождении. Но из вежливости Карл обращался к воинам Людовика на германском наречии, а Людовик к его людям – на романском (или уже старофранцузском?).

* * *

Видя такое направленное против него единодушие, Лотарю оставалось только примириться со сложившимися реалиями. В следующем 843 г. в Вердене собралось 120 самых мудрых и уважаемых знатных сеньоров со всей империи, и они решили труднейшую задачу: договорились о границах раздела державы между тремя братьями. Был составлен знаменитый «Верденский договор».

Старший, Лотарь, получил Италию – богатейший тогда в Западной Европе край. За ним был сохранен императорский титул, который стал скорее номинальным. Ему пошли навстречу и в желании непременно иметь Ахен – любимую резиденцию Карла Великого. Больше того: чтобы его владения, включая Ахен, составляли единое целое, Лотаря наделили широким «коридором» от устья Рейна до устья Роны на Средиземном море. (По современным меркам, это Голландия, Бельгия, часть западной Германии, восточные департаменты Франции и Швейцария. Но уже к 880 г. после многократных переделов от этого коридора ничего не осталось. Последней ушла к Германии названная в честь Лотаря Лотарингия).

Людовик стал государем чисто германских земель по правую сторону от Рейна. А еще ему досталась небольшая левобережная область по среднему течению Рейна: как было сказано в договоре, «для вина» – там уже тогда производились прекрасные южногерманские вина. Его королевство в литературе называют иногда Восточно-франкским.

Королевство Карла Лысого состояло из галло-романских Нейстрии и Аквитании – основы грядущей Франции.

Деление империи на три королевства сопровождалось ускоренной атомизацией самих королевств: в них обособлялись большие и малые фактически самостоятельные сеньоры.

* * *

В те же годы отчетливо проявилась еще одна историческая тенденция, не только земного, но и духовного плана. Претензия папского престола на буквально монархическую власть над западной церковью. Этот процесс неизбежно сопровождался нарастающим отчуждением от восточных епархий единой пока вселенской церкви.

От епископов требовалось подчинение в первую очередь не земным владыкам и не митрополитам, а непосредственно римскому папе. И идея превосходства духовной власти над светской обретала все больший вес. Папы настоятельно добивались права разрешать королевские споры и даже семейные проблемы королей. Когда правитель Лотарингии Лотарь II (сын императора Лотаря) развелся со своей женой – заручившись поддержкой епископов, но не испросив согласия Рима, – папа сместил епископов, а Лотаря отказался допускать до своих очей. Пастве же назидательно, а отчасти подстрекательски внушалось, что «государи тогда достойны короны, когда умеют владеть сами собой; иначе их следует считать тиранами, а не государями; тогда мы не только не должны оказывать им повиновение, но обязаны сопротивляться и восставать против них».

Новые волны нашествий

В мире редко кому удавалось жить по принципу «я тебя не трогаю – и ты меня не тронь». Обычно находилось кому беспардонно напасть на погрузившегося в свои заботы. Большим королевствам, на которые распалась империя Карла Великого, было не до новых внешних захватов: они были заняты выяснением отношений между собой и внутри себя. Вот тут-то и объявились недруги: и те, что давно были знакомы, да до поры попритихли, и те, что как черти из табакерки.

На юге оживились арабы (или мавры, или сарацины – называй как хочешь, европейцам легче от этого не становилось). В 831 г. они отобрали у византийцев Палермо, а потом и всю Сицилию (и привели ее в такое благодатное состояние, что хватило на столетия). Оттуда стали пускаться в морские набеги – благо Италия под боком. В 846 г., поднявшись по Тибру, ворвались в Рим и даже разграбили собор Святого Петра. Устроили себе опорную базу неподалеку от Ниццы, оседлали альпийские проходы, перекрывая сотням тысяч паломников дорогу в Вечный город.

В конце IX в. на берегах Дуная, в Паннонии громом прозвучал отголосок Великого переселения народов. Свято место пусто не бывает, но и проклятое тоже. Туда, откуда в предшествовавшие столетия злодействовали гунны и авары, прискакали мадьярские (венгерские) орды. Народ угро-финской языковой группы, они долго обитали на южном Урале. Потом обосновались в более уютном Причерноморье, чтобы контролировать торговые пути «из варяг в греки», строили свои крепости и на среднем Дону. Но оттуда их прогнали хорошо нам знакомые по родной истории печенеги. И вот под ударами новоявленной вражьей силы застонало Восточно-франкское королевство. Да что там Германия – окрестности Парижа, Рима и Неаполя ужасались при виде скуластых всадников на быстрых низкорослых лошадках. Они налетали неожиданно, поражали воинов и всех, кто не понравится, отравленными стрелами, арканили многочисленный полон, на храмы Божьи смотрели только как на сундуки с сокровищами (мадьяры были типичными степными язычниками).

* * *

Но через Рейн они прорывались все же не так уж часто. Главной напастью для Западной Европы и Франции стали скандинавские норманны. Их удары были подобны не скоропалительным набегам кочевых орд, а скорее тем тектоническим подвижкам германских племен, которые докончили в конце концов Римскую империю.

Подспудные причины норманнской экспансии – перенаселенность Скандинавии, малая плодородность земель, их подверженность климатическим невзгодам. Голод был частым гостем, а надеяться можно было только на себя. До начала IX в. страны, ставшие через тысячелетие процветающими на зависть всему миру, представляли собой совокупность мелких недружелюбных сообществ. В них заправляла знать, опирающаяся на свои сильные роды и на тех, кто признавал свою зависимость от нее, искал в ней опору. В Норвегии был что ни фьорд, то княжество.

Людям, которые чувствовали себя лишними на родной земле, надо было куда-то деваться. Ими были не только те, кого заела нужда. Кому-то надо было искать спасения от кровной мести за убийство, кого-то срывала с места традиционная жажда наживы и подвигов. Число последних особенно возросло, когда стали возникать большие национальные королевства – Дания, Швеция и Норвегия. Короли поприжали своенравных князей (ярлов), а среди них и их окружения было много таких, что предпочитали опасную свободу за морем подчиненному положению в родном отечестве. Прочие любители вольной жизни собира-

лись вокруг них толпами. Не только и не столько искатели приключений: больше было крепких хозяев – бондов, предпочитавших свободный труд на свободной земле, а не указы, не налоговое ярмо скандинавских владык (впрочем, и оружием бонды умели владеть, как мало кто в мире). И как всегда было много тех, кто искал лучшей доли.

Битва

Во главе переселенцев становились «береговые вожди» – викинги. Со временем это слово стало применяться ко всем скандинавским воинам и морским бродягам, стало синонимом норманна. Тогда же это были по большей части выходцы из знатных семей, даже королевские сыновья. Собравшиеся строили большие гребные и парусные ладьи, пригодные к дальним морским странствиям. На их носах красовались устрашающие головы драконов, отсюда пошло название – драккары. Во время спуска на воду к бревнам, по которым должна была скатиться махина, привязывали пленников – чтобы кровь, брызнувшая на борта из тел раздавленных людей, послужила возлиянием богам. Без него кораблю не суждено было счастливое плавание. Помимо языческого дракона, скандинавы по-прежнему верили в Одина и подвластных ему небожителей.

Зачастую при выборе маршрута доверялись воле богов и рока – со всей силы метали вверх копье и оно, упав, становилось своеобразным компасом (настоящего компаса скандинавы не знали). Многим судьба указала путь на дальний запад, и они стали первооткрывателями Фарерских островов, Исландии, Гренландии, Ньюфаундленда, Северной Америки (местность, где теперь Нью-Йорк, они назвали Винландом – «виноградной землей»).

Особенно вместительной оказалась Исландия. Большой остров, согретый множеством термальных источников, с удобными фьордами, с огромными косяками рыбы и стадами китов в прибрежных водах. Путь до него занимал иногда месяцы, плавание в угрюмых, холодных, беспокойных, часто штормящих морях уносило немало жизней – но это был народ особого закала.

Переселенцы обустроивались, запускали на пастбища привезенную с собой скотину, пахали и сеяли. Но многим опять становилось не по душе сиднем сидеть на земле. Пусть хозяйствуют люди поспокойнее и попроще, а настоящих викингов опять ждали морские дали. Ждали тех, кому слава дороже жизни, для кого бессмертие – песни скальдов, в которых будут увековечены их подвиги. «Имени викинга достоин лишь тот, кто никогда не спал под почерневшими стропилами, кто не пил из рога у домашнего очага» – вот образчик такого творчества.

И они прекрасно знали, что не всем перст судьбы указал на Исландию и прочие северные острова. Кому-то выпало плыть на юг – туда, где люди иных племен веками лелеяли свои поля, сады и виноградники, где за стенами городов хранятся несметные сокровища, где, наконец, моря полны, как рыбой, тяжелыми купеческими кораблями – излюбленным уловом сероглазых наглецов. И они тоже отправлялись в вожделенные земли.

Высадившись на побережье, норманны сразу же старались захватить побольше лошадей – чтобы устремиться в глубь страны. Они были страшны в бою. Рогатый шлем, дикий напор, умелое владение мечом и другим излюбленным оружием – секирой с наконечником-пикой. Неистовство их доходило до того, что до сих пор спорят, кто же такие берсерки: то ли это поэтический вымысел, то ли действительно были такие буквально теряющие от ярости рассудок, а потому неуязвимые в бою воины. Опыяненные не то отваром из мухоморов, не то запахом крови. Неудивительно, что у многих неприятелей сразу начиналась дрожь в коленях.

Как поступали не остывшие от боя норманны с мирным населением – можно судить по отрывкам из исландских саг. Одного своего походного конунга скандинавы с оттенком насмешки прозвали Детолюбом: за то, что он запретил своим храбрецам их излюбленную потеху – подбрасывать младенцев и ловить их на копья. Из этих же прекрасных литературно-исторических памятников знаем, как беспощадны эти северные люди могли быть и друг к другу даже в повседневной жизни, при малейшем конфликте. Так что понятно: обитателям европейских берегов не приходилось ждать чего-то доброго от этих непрошенных гостей. Разве что, захватив огромную добычу и не в силах увезти ее с собой, норманны могли заключить с уцелевшими туземцами перемирие и им же запродать награбленное добро по сходной цене.

Основными объектами нападений поначалу были Ирландия, Шотландия, восточная Англия. Потом скандинавы расширили свою кровавую экспансию. По рекам они проникали далеко в глубь континента. И не только по германским Эльбе и Рейну, но и по Тахо и Гвадалквивиру в Испании. А там уже ожидало своей участи Средиземноморье: берега южной Франции, Италия, Сицилия – в конце концов захваченная у арабов и ставшая вотчиной норманнских королей. От них не знали покоя ни византийцы, ни арабы. Есть версия, что старинное русское княжество Тмутаракань близ Кубани изначально возникло как база шведских викингов, проникших со стороны Средиземного моря.

* * *

Франкские короли попытались смирить скандинавов привычным уже способом – насаждением христианства. Но те оказались людьми твердолобыми для проповеди. При Людовике Благодетелем вроде бы крестился один из датских конунгов, и в Данию отпра-

вился ревностный и пылкий проповедник монах Асгарий. Через несколько лет папа поставил его епископом Гамбурга – чтобы следил за ходом всей миссионерской деятельности на Севере. Не тут-то было. Датский король Эрик отправил к устью Эльбы свой флот: Гамбург сожгли, епископа прогнали.

Норманны тщательно изучили речную сеть франкских королевств, и до начала X в. Франции и значительной части Германии приходилось мало сказать, что тяжело. Особенно после того, как король англосаксов Альфред сначала дал захватчикам достойный отпор, а потом хоть и вынужденно, но благоразумно поделил власть над Англией с датским королем Гутрумом, который принял христианство и стал по-хозяйски защищать остров от набегов скандинавов. Тем пришлось переключиться на иные направления.

Был сожжен дворец Карла Великого в Ахене, норманны трижды подступали к Парижу. Когда против врага выступали местные ополчения, набранные по большей части из крестьян – тот бил их нещадно. Отрядам хорошо подготовленных вассалов удавалось оттеснить налетчиков из внутренних районов, но берега они удерживали крепко.

Карл Лысый попробовал использовать методы византийской дипломатии. Он договорился с одним большим отрядом викингов, что они изгонят другую ватагу пришельцев, угрожающих Парижу. За услугу с короля запросили 3 тысячи фунтов серебра. По стране был объявлен чрезвычайный налог, но деньги в срок собрать не удалось. Тогда ставка поднялась до 5 тысяч. Но тут на переговоры пошли те, что стояли под Парижем. Они предложили: 6 тысяч, и мы уходим сами. Пришлось согласиться.

* * *

Для коллективного противостояния нашествиям была даже сделана попытка возродить империю Карла Великого. Три франкских королевства объединились под общим верховенством сына Людовика Немецкого – Карла III, прозванного Толстым (правил в 877–887 гг.). Увы, его прозвище оказалось метким – человек это был слабовольный и болезненный (с 14 лет страдал падучей), не ему было противостоять таким бедам.

Когда папа, которого обложили мавры, прислал отчаянное послание: «Помогите против неверных, чтобы люди не спрашивали – где император?» – Карл мавров отбил. Но потом отправился против отколовшихся от Германии западных славян.

Пока он находился в их землях, пришла еще одна весточка: датские викинги осадили Париж.

Сил у защитников было явно недостаточно, но во главе обороны встали люди высокого мужества: епископ Гозлен и граф Парижский, он же герцог Франции Одон (такое название носило не такое уж большое герцогство вокруг Луары, включающее Париж и Орлеан). Защитники стойко держались восемь месяцев. Епископ пал в бою, а Одон совершил подвиг поистине легендарный: пробрался сквозь стан врагов и предстал перед императором, призывая того поспешить на выручку. После чего чудесным образом благополучно вернулся обратно.

Император прибыл, но то, что он предпринял, покрыло его позором. Он не повел свое войско на битву, а откупился от норманнов данью – 7 тысячами фунтов (886 г.).

* * *

После такой доблестной обороны подданным стерпеть это было трудно. А тут еще добавился скандал в императорском семействе. Карл обвинил свою жену Рихарду в любовной связи с канцлером Лиутвардом. Канцлера он прогнал, а по поводу супруги заявил, что никогда с ней как с женщиной не жил, а потому намерен развестись. Рихарда же покля-

лась, что насчет канцлера – все клевета, что она вообще девственница и может доказать это «Божьим судом». После чего удалилась в монастырь.

В декабре 887 г. германские вельможи собрались на съезд и постановили: императора от власти отстранить, немецким королем объявить его племянника Арнульфа. Но Карл сам отказался от власти. Ему оставили «на прокорм» несколько городов, от доходов с которых он и жил.

Французские сеньоры пошли еще дальше: они посадили на престол избранного ими короля. Это был герой обороны Парижа герцог Франции Одон.

Тем временем внутри всех трех королевств, составлявших когда-то империю, центробежные процессы шли по нарастающей. Сеньоры и епископы давно уже получили право иммунитета: могли почти неограниченно судить жителей своих владений и собирать с них подати в свою пользу. За это они обязаны были вносить свою долю усилий в военные предприятия короля. В сложившихся же условиях, когда опасность грозила постоянно и отовсюду, все дело обороны государства перешло в руки местной знати и наместников.

Они отбивались своими силами и как могли. Ускоренно шло строительство замков: сеньоры укрепляли усадьбы, чтобы в случае опасности запереться со своим войском, предоставив убежище и населению. Конечно, о каком-то контроле сверху, о приезде «королевских послов» и речи не шло.

Герцоги, графы уже не считали себя королевскими наместниками. Они закрепили свою власть как наследственную и стали полноправными повелителями в своих владениях. Королевскую же власть считали не наследственной, а пожизненной и зависящей от их выбора и выбора других сеньоров.

Произошла важная сословная подвижка: крупнейшие сеньоры подчинили себе королевских вассалов и объединили их вместе со своими конными воинами в единый класс подвассалов. Так родилось дворянское рыцарское сословие, произошел принципиальный разрыв между воителями и простонародьем. Высшие же сеньоры, вассалы лично самого короля, составили сословие баронов (термин этот, однако, так и не устоялся: баронами называли и влиятельных вассалов высших сеньоров).

* * *

А может быть, не такое уж определяющее влияние оказывали норманнские нашествия на то, что происходило во французском обществе? Может быть, куда важнее было то, что сеньоры давно уже рвались стать независимыми правителями? Как знать. Факт то, что западнофранкское государство (Франция в широком смысле) стало совершенно раздробленным. По мнению одного современника, графы больше всего были озабочены тем, чтобы превзойти друг друга, и каждый захватывал, сколько мог. А норманны между тем все жгли да грабили.

После смерти выборного короля Одона престол вновь занял Каролинг – Карл III Простоватый. Когда в 888 г. Совет вельмож объявил королем герцога Франции, Карл был слишком юн. Однако и тогда ущемление его законных прав далеко не всем понравилось. А в 893 г. архиепископ Реймский Фулькон объявил Одона узурпатором и помазал на царствование четырнадцатилетнего Карла. Вспыхнула война, Одон победил, Карлу удалось укрыться в Лотарингии. Потом новые повороты колеса Фортуны, и в конце концов противоборствующие стороны пошли на такой компромисс: Карл будет править после Одона. И через год тот умирает. Молодой король без всяких осложнений взошел на трон (898 г.).

Карл был хорошего телосложения, имел простой и добрый нрав. Жадность ему вообще не была знакома. Образование получил хорошее. Из недостатков же: слабая компетенция в военных делах, падкость на женские ласки, иногда – пристрастность в делах судебных.

По совокупности качеств, король не из числа выдающихся, можно было бы и не говорить о нем подробно. Но в его правление произошло событие, важное не только для Франции, но и определившее в близкой исторической перспективе судьбу соседнего островного королевства – Англии.

Сеньоры настолько утеснили своего государя, что он реально правил лишь на северо-востоке королевства, в небольшой области вокруг Суассона и Реймса. Сил для сопротивления норманнам у него не было, и в 911 г. норвежский викинг Роллон захватил Руан и сделал его центром своих земель. Оттуда он стал совершать походы в глубь Франции. Народ опять застал.

И тогда Карл предложил ему руку своей дочери Гизелы и значительные владения на побережье – но с условием, что Роллон и его люди примут христианство. Тот согласился: удалил от себя жену-язычницу, крестился со всем войском и женился на Гизеле. Так появилось славное герцогство Нормандское. Оттуда через полтора столетия отплывут корабли Вильгельма Завоевателя для покорения Англии, а Франция уже сейчас была избавлена от норманнских набегов.

Правда, Роллон не захотел коленопреклониться перед королем в знак вассальной зависимости от него – послал ради такого дела одного из своих дружинников. И христианин он был еще тот. Накануне крещения норманны принесли обильные жертвы своим языческим богам – как бы прося у них прощения перед расставанием. А перед смертью герцог закатил по себе такие поминки: приказал умертвить сто христианских пленников и одновременно одарил сотней фунтов золота находящиеся на его земле христианские церкви.

Карл, при поддержке своего зятя, стал править довольно успешно, даже овладел Лотарингией. Но его угораздило крепко посориться с братом своего предшественника Одона – Робертом. Опять большая междоусобная война – и в решающей битве Роберт гибнет, пронзенный насквозь копьем, а Карл терпит полное поражение (922 г.).

Королем был избран бургундский герцог Радульф, Карл же оказался под стражей в замке Шато-Тьерри на Марне, где и встретил свой смертный час в 929 г.

* * *

Но твердой королевской власти на том этапе французской истории быть не могло, на троне сменяются то избранники вельмож, то заявляющие свои наследные права потомки Карла Великого. Лысый, Толстый, Заика, Простоватый, Ленивый – хорошая цепочка эпитетов этих угасающих Каролингов. Людовик Ленивый был последним из них, он правил лишь ничтожным клочком земли вокруг Лана.

В 987 г. сеньоры провозгласили королем Гугона (Гуго) по прозвищу Капет из рода герцогов Французских. Капет – производное от «каппа», так именовался плащ, носимый герцогом как патроном аббатства Сен-Дени близ Парижа. Начавшаяся с него династия Капетингов, – если принять в соображение, что Валуа и Бурбоны это ее ответвления, – правила восемь веков (когда в 1793 г. зачитывали смертный приговор Людовику XVI – его именовали Людовиком Капетом).

Положение же ее в собственном королевстве на момент зарождения нельзя назвать многообещающим. Юго-запад страны, Аквитания с большими сеньориями: Гиенью, Гасконью, Тулузой вообще не признавали власти парижского монарха. На севере от него фактически были совершенно независимы Бретань, Вермандуа, Фландрия, а Нормандия помимо этого была еще и всех сильнее.

Король был полновластным владыкой лишь в своем домене (коронном владении, личной собственности короля) герцогстве Французском. А потому сеньоры считали его лишь «первым среди равных». Это было в общем-то почетно, но сил не прибавляло.

В соседних королевствах

За Пиренеями ширилась Реконкиста – освобождение от мусульманского владычества. Испанские идалго в боях с неверными набирались сурового духа, которого хватит им на века, который закалит характер всего народа. Гордость, чувство рыцарской чести, религиозная нетерпимость, готовность к длительной борьбе и подвигу, аскетизм, сдержанность – его отличительные черты.

Признак уверенности в неизбежности конечной победы: христианские королевства стали выяснять отношения и между собой. Но до полного освобождения еще очень далеко – Реконкиста продлится до XV в.

* * *

Стоит поподробнее ознакомиться с тем, что творилось в эти годы в Германии и Италии. Отчасти потому, что они недавно были единым целым с Францией и не совсем еще разделили с ней сферы влияния (это «не совсем» растянется на многие столетия). А еще – там завязались тогда такие тугие узлы, что распутывать их придется всей Европой – опять же, веками.

Общеизвестный раскол Германии на множество княжеств произойдет позднее, а в то время она сплотилась под внешними ударами – не сразу, но сплотилась. Изначально Восточно-франкское государство состояло из пяти герцогств, образованных, как правило, по принципу доминирования отдельных германских народностей: Франконское (бывшая Австрия) – территория восточных франков, Саксонское – саксов, Швабское – алеманнов, Баварское – баваров и Лотарингское. Когда скончался последний германский Каролинг малолетний Людовик Дитя (911 г.), германские сеньоры по примеру соседних французских стали избирать королей.

Главным врагом Германии были венгры. Их «навел» на свою страну отец Людовика Дитя король Арнульф. Правитель властный, он терпел неудачи в борьбе с Великоморавским (Богемским) государством, которое возглавлял славянский князь Святоплук. Потерпев в 893 г. тяжелое поражение, Арнульф додумался натравить на Моравию паннонских степняков. Те преуспели, под ударами орд славянское государство пало (чему содействовала и кончина Святоплука).

Но призадуматься бы находчивому королю, что Великоморавское княжество служило для Германии щитом от венгерской угрозы. Теперь кочевники стояли на ее границах, они поняли, что противник не из сильнейших – и вскоре стали для средней Европы таким же «бичом Божьим», каким некогда были гунны (подобным же образом наш доблестный князь Святослав, разгромив Хазарский каганат, открыл дорогу на Русь печенегам).

Начались непрерывные набеги, Германия запылала. Придунайские степи вскоре переполнились христианскими пленниками, подвергающимся каторжной эксплуатации. Герцоги оборонялись каждый сам по себе или старались откупиться от врага, нисколько не заботясь о соседях.

В 919 г. саксонские и франконские сеньоры провозгласили королем герцога Саксонии Генриха по прозвищу Птицелов (правил в 919–936 гг.). Человек, отличавшийся добрым нравом и незлопамятностью, дела он мог вести твердо. Став королем по избранию только двух герцогств, быстро заставил признать свои права и остальных.

Но в 924 г. в Саксонию ворвалась огромная орда степняков, а король не мог оказать им достойного сопротивления. Укрывшись в крепости, он лишь наблюдал, что творят варвары на его земле. К счастью, удалось пленить одного венгерского князя, который пользовался у

своих соплеменников таким почетом, что ради его освобождения они пошли на заключение десятилетнего мира. Но Германия была обязана выплачивать дань.

Генрих не терял времени даром – он сделал вывод из того, что видел с городских стен. Тот же вывод, к которому еще за два столетия до него пришел Карл Мартелл и который существенно изменил тогда строй жизни во Франции: нужна сильная тяжеловооруженная кавалерия. Саксы же вообще не привыкли биться верхом, им по душе был пеший строй. Но вскоре, благодаря энергичным мерам короля, тяжелая конница стала ядром их армии. То же произошло и в соседних герцогствах.

Ближайшие походы Генрих Птицелов предпринял против западных славян. В военном отношении они важны были в первую очередь для того, чтобы сплотить и придать уверенности в себе воссозданному войску. Но своей репутации человека добродушного король не подтвердил: когда был захвачен главный город доленчан Гана, все мужчины были перебиты, а женщин и детей продали в рабство.

Почувствовав силу, заручившись обещаниями верности от своей знати, Генрих отказался от уплаты венграм дани. В отместку те разгромили Тюрингию и двинулись двумя ордами на Саксонию. Но одна орда была наголову разбита, а другая, наслышанная о происшедшем, обратилась в бегство, едва завидя тяжелую конную рать. На какое-то время страна была избавлена от опасности с этой стороны.

Генрих совершил поход и на датчан, соседей тоже агрессивных. Их король Горм Старый не решился вступить в битву и сразу же пошел на мировую. На уступленных им землях была восстановлена пограничная Шлезвигская марка, учрежденная когда-то Карлом Великим. Горм согласился платить дань и обеспечить христианским миссионерам свободный доступ в свою страну.

* * *

Сын Генриха Оттон I, вошедший в историю как Оттон Великий (912–973 гг., правил в 936–973 гг.), был провозглашен королем на всенародном собрании в городе Карла Великого – Ахене. И он был во многом под стать легендарному императору.

Начало было нелегким. Воспользовавшись сменой правителя, восстали славянские племена, выказали непокорность герцоги Баварский и Франконский. Последних поддержал старший брат Оттона по отцу Танкмар.

Молодой король быстро решил все проблемы. При этом Танкмар был убит вассалами брата прямо в церкви, где пытался найти убежище. Мятежи, однако, на протяжении его правления вспыхивали еще не раз, со стремлением сеньоров к самоуправству трудно было что-то поделывать. Но королю каждый раз все же удавалось показать, кто в стране главный. А в конце концов он «усилил руководство»: сохранив прежнее деление страны на герцогства, во главе каждого поставил своих сыновей и зятьев.

По свидетельствам хронистов, Оттон был человеком сильной воли, рожденным для того, чтобы повелевать. Пресекал непокорность, но умел прощать и быть великодушным к смирившимся. Хорошо разбирался в людях и редко ошибался при выборе помощников. К цели шел уверенно, был энергичен и не засиживался на одном месте.

Был набожен и щедр. Нрав имел веселый, но его настроение мгновенно менялось, когда нужна была концентрация усилий. Любил охоту, дружеское застолье, прогулки верхом – «соблюдая при этом, однако, королевскую важность». «Спал очень мало, а во сне постоянно разговаривал, так что нельзя было и понять – почивает король или бодрствует». Как и Карл Великий, знал языки – говорил на латыни и по-славянски. А там, где Карл вынужден был отступить, Оттон добился успеха – выучился хорошо читать и писать.

В 947 г. король двинулся на датчан, которые перед тем разбили на Эльбе германское войско и захватили Шлезвигскую марку. Оттон вернул свое и даже больше того. Народное предание гласит, что он дошел до самой северной оконечности Ютландского полуострова и метнул в море свое копьё – так по старогерманскому обычаю вожди утверждали границы своих владений.

В 950 г. германское войско двинулось на богемского герцога: тот отказался от своей вассальной зависимости и перестал выплачивать дань. Чеху пришлось подчиниться и вновь принести присягу на верность.

Через пять лет, когда в Германии произошло обострение усобиц, венгры решили воспользоваться случаем: нахлынуло неисчислимое их войско. Но германские сеньоры сразу же позабыли о распрях и сплотились вокруг своего короля, на подмогу подошли и чехи. Битва произошла на реке Лех. Сначала успеха добились мадьяры, но король сам повел отборную часть войска в решающую атаку, орудуя копьём, как простой воин.

Победа была полнейшая, из венгров мало кто уцелел. Тех, кто искал спасения в бегстве, безжалостно убивали жители укрепленных пограничных селений – бургов. Плененные венгерские вожди были повешены. С убитых врагов снимали золотые колокольчики, которыми они украшали себя – эти побрякушки были отлиты из сокровищ, награбленных когда-то в немецких церквях.

Это было историческое событие с далеко идущими последствиями. Венгры вскоре предпочли перейти к оседлому образу жизни, а благодаря тому, что число невольников-христиан в их землях было огромно, они и сами склонились к крещению.

* * *

Потом произошло не менее исторически значимое вмешательство в итальянские дела. В Италии со смертью сыновей Лотаря началась борьба сеньоров и за королевский трон, дающий право на императорский титул, и за диктат над Римом – а соответственно над папским престолом (особенно усердствовали герцог Сполеттский и марграф Фриульский). К этому добавлялось постоянно вмешательство внешних сил: Византии, имевшей владения на итальянских берегах и к которой тяготела богатая Венеция, арабов, напиравших с юга, королей Германии и Бургундии.

Папы, бывшие не только духовными владыками, но и светскими правителями большой области, сами ввязывались в круговорот усобиц и внешних конфликтов. При этом они полностью свели на нет недавний авторитет римских первосвященников. Если, как помним, Григорий IV мог явиться в стан Людовика Благочестивого и навязать ему свое решение, то теперь его преемники готовы были идти на любой союз, лишь бы отстоять свою территорию.

В 895 г. папа Формоз, надеясь обрести могущественного покровителя, решил отнять корону у сполеттского герцога и передать ее германскому королю Арнульффу. Но король страшно занедужил (очевидно, был отравлен), а на папу набросилась со своими вассалами вдова развенчанного герцога. Это ли стало причиной или нет, но старика хватил удар, и он ушел в мир иной. Враги не оставили в покое даже мертвого. Труп папы Формоза был облачен в торжественное одеяние и предстал перед судилищем. После гневных обличительных речей тело бросили в Тибр.

Новые папы пошли еще дальше: в расчете на благодарность, они стали раздавать свои земли окрестным сеньорам. А те сделали из этого вывод, что теперь они вправе проталкивать на папский престол своих родственников, особенно младших сыновей.

В конце концов, первосвященником оказался восемнадцатилетний Иоанн XII. Судя по отзывам, он обладал даром вызывать симпатии, но должности вряд ли соответствовал.

Время проводил на охоте, в забавах и попойках. Ходили слухи, что он пил за здоровье дьявола, а однажды посвятил дьякона в сан не в храме, а в конюшне.

Как бы там ни было, когда против него стали выступать сеньоры, он обратился за поддержкой к Оттону. Тот двинулся через Альпы в Италию с сильным войском. Короля повсюду встречали с почетом – надо думать, истосковавшись по сильной руке и покою. В бывшей лангобардской столице Павии Оттон короновался «железной короной Италии» – золотым венцом, в который был вставлен гвоздь из Креста Спасителя.

А в Риме Иоанн XII возложил на голову Оттона императорскую корону – такой платы потребовал тот за свою поддержку. Так родилась «Священная Римская империя германской нации» (962 г.). Скоро она превратится в сложную и конфликтную политическую систему, которая на протяжении восьми с половиной веков будет играть большую роль в судьбах Европы. Тогда же этот акт означал, что императорский титул переходит к повелителю Германии, под рукой которого оказалась значительная часть державы Карла Великого. В империи Оттона не хватало Франции и Бургундии.

Новый император подтвердил все привилегии, данные церкви и папскому престолу Каролингами начиная еще с Пипина Короткого. Но он взял с римлян присягу, что они никогда не будут избирать и поставлять папу без его согласия.

Однако стоило Оттону удалиться со своим войском, Иоанн XII сразу вышел из подчинения. Император вернулся и заменил его другим папой. Но история повторилась: когда германцы ушли, Иоанн опять воссел на престол – причем его поддержало большинство населения Рима. Не поленившийся вернуться во второй раз Оттон разгромил римлян «как сокол голубей» и восстановил прежний порядок.

Когда умер его ставленник, к императору прибыло римское посольство и, как положено, попросило назвать своего кандидата. Оттон долго не раздумывал: порекомендовал племянника одной очень влиятельной, но известной своим распутством дамы.

* * *

Надо сказать, что при всей своей благочестивости Оттон имел довольно специфический взгляд на церковные дела даже по меркам того времени. Что делать, истинная вера все еще не обрела глубоких корней в душах государей. Пример тому: отец Оттона Генрих Птицелов был страстный собиратель священных реликвий. Прослышав, что у бургундского короля имеется копьё Константина Великого, он послал сказать ему: отдай мне подобру-поздорову, а не то быть войне. Бургундец предпочел расстаться со святыней.

Оттон сам поставлял епископов – хотя по каноническим правилам это было прерогативой капитула, собрания священников главной епископской резиденции. При совершении обряда епископ, как вассал перед сеньором, становился перед императором на колени, вкладывал свои руки в его и давал присягу на верность. После чего государь вручал ему кольцо и копьё как знаки светской власти, а капитул вручал посох – как символ власти духовной.

Однажды, совершая обряд над сыном недавно казненного им вельможи, Оттон произнес довольно циничную фразу: «Вот тебе от меня выкуп за убитого». В других случаях епископы платили приличную сумму за свое назначение.

Император очень рассчитывал на помощь епископов и аббатов в своих делах. Щедро награждал их, раздавал во владение города и богатые имения. За это, помимо прочего, церковные владыки должны были выступать с ним в поход во главе больших конных отрядов, снаряженных за свой счет. Зачастую эти избранники государя сами были людьми диковатых повадок, как в добрые старофранкские времена. Лично участвовали в битвах не только в общих походах, но и во время усобиц, а из оружия предпочитали все ту же палицу – во избежание лишнего кровопролития.

Многие епископские города лежали на основной торговой дороге того времени – Рейне и приносили иерархам особенно обильные доходы. Это Кельн, Майнц, Страсбург.

Но были епископства особого рода. Оттон учреждал их на севере своего государства, на недавно завоеванных землях поморских (на берегах Балтики) и полабских (на Эльбе) славян. Главной их задачей была миссионерская деятельность: обращение в святую веру лютичей, сорбов, поморян, ляхов (поляков).

Вслед за проповедниками на покрытые дебрями земли двигались германские землепашцы и ремесленники. Общее руководство этой колонизацией было возложено на архиепископа Магдебурга.

Из западных славян относительную независимость сохранили только ляшские (польские) племена. Их князь Мешко (Мечислав, правил в 963–992 гг.) после долгой борьбы с германскими маркграфами отстоял свой заэльбский край и заложил основы национального польского государства. Но и он вынужден был признать себя вассалом немецкого короля. Когда же поляки в 966 г. приняли христианство, к ним был поставлен зависимый от Магдебурга епископ.

Мир классического Средневековья

На старте второго тысячелетия

Мы подступили к эпохе, давно уже облюбованной людьми никудышными – мечтателями и романтиками. К славным рыцарским временам. Да и где же еще искать пристанища пораженным неясным томлением душам? Замки, крестовые походы, львиные сердца, прекрасные дамы и трубадуры. Гербы на щитах и гордые знамена, плещущие над закованными в сталь всадниками. И какие послания долетели оттуда к потомкам: «Песни» о Роланде и нибелунгах, романы о короле Артуре и его рыцарях Круглого стола, мистический «Роман о Розе» и куртуазная поэзия высокой любви. Как упоительно чувствовать себя сопричастным безбрежному идеальному миру, перелистывая эти страницы. Чего только не померещится потом в золотисто-розовых закатных даях...

Но те, для кого был создан этот мир, на закатные дали глазели редко. Он был для них напоминанием о том, что они родились не для суетного прозябания, а для подвигов и славы, они черпали из него свой кодекс чести. Только не надо забывать ту прописную истину, что живые люди ни в какие идеальные границы никогда не укладывались, будь это даже «рыцари без страха и упрека». Рыцарь (и то не всякий) мог быть воплощенной легендой в жарком бою или на трудном марше через горы и пустыни, у ног дамы сердца или внимая на пиру пению менестрелей. В остальное время ему других забот хватало. А его менее доблестным соотечественникам, тем, что не на коне, а хорошо, если не под копытами – подавно.

* * *

Предстояло встретить второе тысячелетие от Рождества Христова. Но до его начала еще надо было дожить – а большинство христиан на это не надеялось. Скорее, они были убеждены в обратном. С приближением 1000 года, еще на дальних к нему подступах, Европу охватил леденящий страх. Ждали конца света, Страшного Суда, на котором не многим удастся дать добрый ответ за свои земные похождения.

Почему светопреставление приурочили именно к этой круглой дате? Возможно, из привычки пугаться всего необычного. Или потому, что из средневековых представлений об историческом времени выходило, что пора бы уже. Судьбу человечества соотносили с индивидуальным уделом каждого. От первого человека Адама до Ноя – это был младенческий возраст мира. Следующие библейские вехи отмеряли его детство, отрочество, юность, зрелость. Пребывание Иисуса Христа на земле знаменовало начало старости, а ее характерные признаки – увядание, утрата земных упований, немощь, страх смерти. Это возраст, когда не строят планы на будущее, а замаливают грехи. Тысячи лет для этого вполне достаточно.

Люди забрасывали поля и виноградники, переполняли храмы, каялись, спать укладывались в гробы. Повсюду непрерывно погребально звонили колокола. Но вот незадача – Бог миловал. И Новый год справили, а солнышко все так же катило своим путем небесным, и не свернулись небеса, как свиток... Некоторые энтузиасты еще пытались уцепиться за тот довод, что, возможно, произошла ошибка в летосчислении, или что считать надо было не от Рождества, а от Воскресения. Но от них досадливо отмахнулись и принялись за дело – наверстывать упущенное.

Надо было продолжать жить в этом не пожелавшем кануть в небытие – напротив, сильно меняющемся мире. Мире, в котором утверждался задел на будущее. Предстояла

эпоха классического средневековья: где-то до середины четырнадцатого века, до того, как нагрянули Черная смерть (чума) и Столетняя война.

* * *

Франция становилась привлекательнее – во всяком случае, внешне. Больше становилось сел, больше возделанной земли – поля, сады, виноградники появлялись на местах чащоб и болот. Люди стали лучше питаться (главной кормилицей была пшеница), увеличилось население. 0,4 % устойчивого ежегодного прироста – это, конечно, не демографический взрыв, но тенденция обнадеживающая.

Приводились в порядок и ширились старые галло-римские города, появлялись новые – особенно вдоль рек, вставали замки. Обособлялось и совершенствовалось мастерство, оживлялась торговля: плыли морские и речные суда, пылили обозы (купцов так и прозвали – «пыльные ноги»). Не только были восстановлены римские дороги, но и упорно прокладывались новые: пусть узкие и колдобистые, они вливались в единую сеть, главным перекрестком которой был Париж (это где-то еще все дороги ведут в Рим).

Конечно, и гарью тянуло, и головешки чернели на месте недавнего человеческого жилья, и свежие холмики бросались в глаза по окраинам выбитых копытами полей битв. Ну, это не с тех людей началось, не ими и даже не нами закончится. Но, в общем и целом, динамика общественного бытия отнюдь не сводилась уже к неуклонной деградации римского наследия – нарождалось что-то новое, своеобразное, перспективное.

А если взглянуть поглубже – как жили и уживались, ради чего созидали и враждовали люди, как расслаивалось и укреплялось их сообщество? Церковные интеллектуалы – политологи того времени, прочертили следующие социальные границы: общество делится на тех, кто молится за всех, на тех, кто воюет, защищая всех, и на тех, кто трудится, кормя (обеспечивая) всех. Но это скорее благостное упрощение и призыв к классовому миру.

Сделаем краткий обзор, жизненного уклада в первые века очередного тысячелетия.

Феодализм

Прежде всего, на Западе установилась система феодальных отношений. Окончательно уверовавшие в свое могущество сеньоры уже не хотели довольствоваться тем, что воины-вассалы связаны с ними лишь личной клятвой на верность, за что получают бенефиций (надел) на срок службы. Желательны были более прочные узы: чтобы господину и его потомкам служил не только сам вассал, но и дети его, и внуки. Вассалы тоже не прочь были иметь более твердую почву под ногами, хотели стать благородными потомственными воителями и держателями поместий – рыцарями. И бенефиции стали превращаться в феоды (во Франции чаще употреблялось слово фьеф).

Феод – часть владений сеньора, которую он передавал в наследственное владение вассалу и его потомкам на условиях верного несения службы. В подавляющем большинстве случаев это был земельный надел с проживающим на нем трудовым населением, но были и другие варианты. Феодом могли быть горный проход, речная переправа или мост – вассал охранял эти объекты и взимал мзду за проезд.

Договор между сторонами закреплялся оммажем – принесением присяги на верность («фуа») по процедуре, с которой мы уже сталкивались (для вящей задушевности отношений к ней добавился еще «поцелуй мира»). Подписывались соответствующие документы.

Рыцарь на коне

Феод мог быть отобран у рыцаря или его наследников только в случае измены сеньору – а мы помним, что по складывающимся понятиям такое деяние приравнивалось к предательству Иуды. Устанавливался такой принцип феодальной подчиненности: «сеньор моего

сеньора не мой сеньор». Принцип, весьма чреватый последствиями во время смут, когда знать выказывала неповиновение королю.

Феод должен был принести его держателю доход, достаточный для снаряжения на войну и для жизни в мирное время – достаточный ему, его ближним и домочадцам. А еще надо было не забывать о материальном интересе сеньора: делать подношения, когда посвящается в рыцари его сын или выходит замуж дочь; или в экстренных случаях – когда господин угодил в плен и его надо выкупать.

Служба вассала сеньору складывалась из военной и судебной. Военная состояла в обороне крепостей и замков, в участии в набегах и походах. Но были ограничения: за свой счет вассал служил не более 40 дней и не далее определенных территориальных границ. Если сеньор желал большего – он должен был за это платить.

Трижды в год – на Рождество, на Пасху и на Троицу вассал являлся ко двору сеньора, на заседания его «курии». Там в это время решались важнейшие вопросы, и надо было вникнуть в суть дела и постараться дать хороший совет. А когда сеньор разбирал конфликты между своими подданными, надо было принять участие в суде.

Помимо этих основных своих обязанностей, вассал должен был оказать достойный прием господину, когда тот объезжал свои владения или охотился.

* * *

Большие личные проблемы у многих членов бедных рыцарских семей возникали в связи с тем, что феод не только нельзя было продать, но он еще и не подлежал разделу при наследовании. Когда умирал глава семьи, его место замещал старший сын или кто-то другой из родственников мужского пола, оставшийся за главного. Он уплачивал сеньору положенную подать (иногда до 20 % стоимости наследуемого имущества), приносил присягу на верность – и вступал в права наследника. Другие домочадцы материально теперь полностью зависели от него.

Что было делать младшим сыновьям? Они могли уже быть посвящены в рыцари, но положение их при этом оставалось безнадежно подчиненным. И они или терпели, или уходили в далекие походы – в надежде обзавестись собственным поместьем – феодом на завоеванной земле, или становились клириками (явление это было массовым – отчасти поэтому устройству церкви были свойственны многие черты военной организации).

Был еще один выход, на грани криминала: охмурить и похитить дочку богатого сеньора (не своего, разумеется), жениться на ней увозом, добиться от тестя прощения – и урвать наконец свой кусок от жизни. Способствовала ли успеху таких романов нарождающаяся куртуазная поэзия? Вполне возможно.

* * *

Сословие феодалов, подразделившись по знатности и силе, образовало «феодальную лестницу». На вершине ее стоял король – в этом ему не отказывали даже в худшие смутные времена, хотя бы в дань памяти о его славных предках.

Потом шли крупнейшие самовластные сеньоры, герцоги и графы, повелители соответствующих герцогств и графств. Они могли выставлять многотысячные армии своих вассалов. Еще бы – в их владениях находились десятки городов, сотни селений, множество замков. Они собирали налоги в свою пользу и чеканили монету (особенно независимы были: на юге – граф Тулузский, правитель Аквитании и Прованса, на северо-западе – нормандский герцог). Большие сеньоры значительно укрепили свое независимое положение во время недавно рассмотренного нами «парада суверенитетов» IX–X веков. Основу их иммунитета

составляли право суда и наказания, право взимания податей в своих землях. Наделяя их иммунитетом, король, верховный сюзерен, практически отказывался от контроля над тем, как управляются огромные области его королевства.

Знатная дама

Эти владыки, в свою очередь, могли даровать иммунитет своим вассалам первого ряда – баронам, которым в качестве феодалов предоставлялись обширные «замковые области», или баронии. Бароны были, как правило, представителями родовой знати, которые поступили под покровительство своего сеньора не с одним только конем и мечом и не с парой деревенек: у них были свои немалые потомственные владения (повторим, что значение термина «бароны» четко так и не определилось. Иногда к ним относили только сеньоров, совершивших оммаж с самим королем – в такой трактовке это были в первую очередь герцоги и графы, а также сеньоры королевского домена – личных владений короля).

Следующая ступенька – мелкие феодалы, простые рыцари, которые в лучшем случае могли привести с собой лишь нескольких конных воинов, оруженосцев и слуг. По происхождению многие из них были вчерашними доверенными людьми простого происхождения, за расторопность, за особые заслуги или просто по доброй воле господина продвинутое в благородное воинское сословие и получившие от него во владение деревню-другую, а то и часть большого села.

Такая неродовитость многих из них стала причиной того, что простых рыцарей от знатных сеньоров отделяла резкая грань – они были им не ровня. Но не менее резкая грань отделяла рыцаря от простолюдина. У него были феод и замок, он воевал на коне в стальных латах или в кольчуге, с копьем и мечом, а главное – он был посвящен в рыцарское достоинство.

* * *

Это посвящение объединяло весь класс феодалов, через него должен был пройти каждый представитель воинского сословия – от самого незнатного и малоимущего до высшего сеньора и принца.

Обряд этот поначалу был светским – вернее, не христианским, языческие элементы наличествовали в избытке. Но вскоре он превратился в целую религиозную церемонию. Предшествующую ему ночь юноша должен был посвятить молитвам в храме, а наутро исповедаться и причаститься.

Сеньор вручал ему щит, доспехи, шлем, копье. Самое же главное – меч, предмет гордости рыцаря, символ его чести. Меч благословлялся священником, а по традиции, идущей еще от языческих времен, он мог носить собственное имя (меч Эскалибур короля Артура, меч Дюрандаль Роланда).

Одна из компонент процедуры посвящения – «куле», ритуальная, но сильная оплеуха, которую наносил своему подопечному сеньор. Она служила символическим залогом того, что рыцарь стойко встретит любой вражеский удар и любой удар судьбы.

Посвящение надо было заслужить: обучиться «вежеству» – правилам хорошего тона, закалиться воинской тренировкой, приобрести боевой опыт. Не зря же легендарный граф Роланд в юные лета служил оруженосцем Карла Великого. Для полноценного образования юные отпрыски рыцарских семейств могли подолгу пребывать в замке сеньора (при этом они использовались для охранной службы и выполняли хозяйственные поручения). Сами сеньоры часто отдавали своих сыновей на воспитание или кому-то из родни, или наиболее уважаемому вассалу – главное, чтобы это были люди, овеянные боевой славой, у кого было чему поучиться будущему рыцарю.

* * *

Поскольку воинское сословие было правящим, войны происходили часто и военное дело было на высоте.

Основой войска была рыцарская кавалерия. Где-то в конце первого тысячелетия произошла подлинная революция – были изобретены (или заимствованы с Востока – какая разница) стремена. На наш непосвященный насмешливый взгляд – чего бы особенного? Но стремена в еще большей степени, чем седло, позволяли конному воину обрести уверенность. Поменьше думать о соблюдении равновесия, изо всех сил впиваясь коленями и бедрами в бока коню. Теперь можно было сконцентрировать свое внимание, ловкость и умение на том, чтобы поосновательнее всадить в недруга свое трехметровое копье, крепко сжатое кольчуж-

ной рукавицей, или рубануть его мечом. Само появление такого копья, не будь стремян, было бы невозможно. Лишь немногие продолжали по старинке заниматься метанием дротиков.

Более того – появилась возможность облачиться в сверхтяжелые защитные доспехи. Надеть длинную, до колен кольчугу, а поверх нее еще и стальные пластины, защищающие наиболее опасные места – вскоре они станут цельными латами. Пугающий гуманоидный шлем, поножи, а там придет черед и коня обрядить в броню (что, впрочем, делали еще сарматы и парфяне). При этом уровень общефизической подготовки был таков, что в своих доспехах рыцари могли свободно танцевать и плавать.

За этим цветом европейского войска шли всадники младших чинов – не имеющие рыцарского звания сержанты, молодые дворяне, не прошедшие обряд посвящения.

Все большее значение в тактике того времени отводилось умелому использованию пехоты. Основой ее были ополчения, выставляемые сельскими округами и городами. Главное вооружение – луки и арбалеты (на что способен хороший стрелок – в полной мере покажут англичане во время Столетней войны). Были еще отряды пехотинцев, состоящие преимущественно из замковой стражи: на них были железные шлемы, короткие кольчуги или кожаные доспехи, усиленные металлическими бляхами. Вооружены они были копьями, рогатинами и ножами.

Возрастала роль военных инженеров – специалистов по осадам, строительству временных защитных сооружений и переправ.

* * *

Еще одно свидетельство принадлежности к феодальному сословию и предмет гордости – замок. Он же служил и важнейшим средством выживания в том мире.

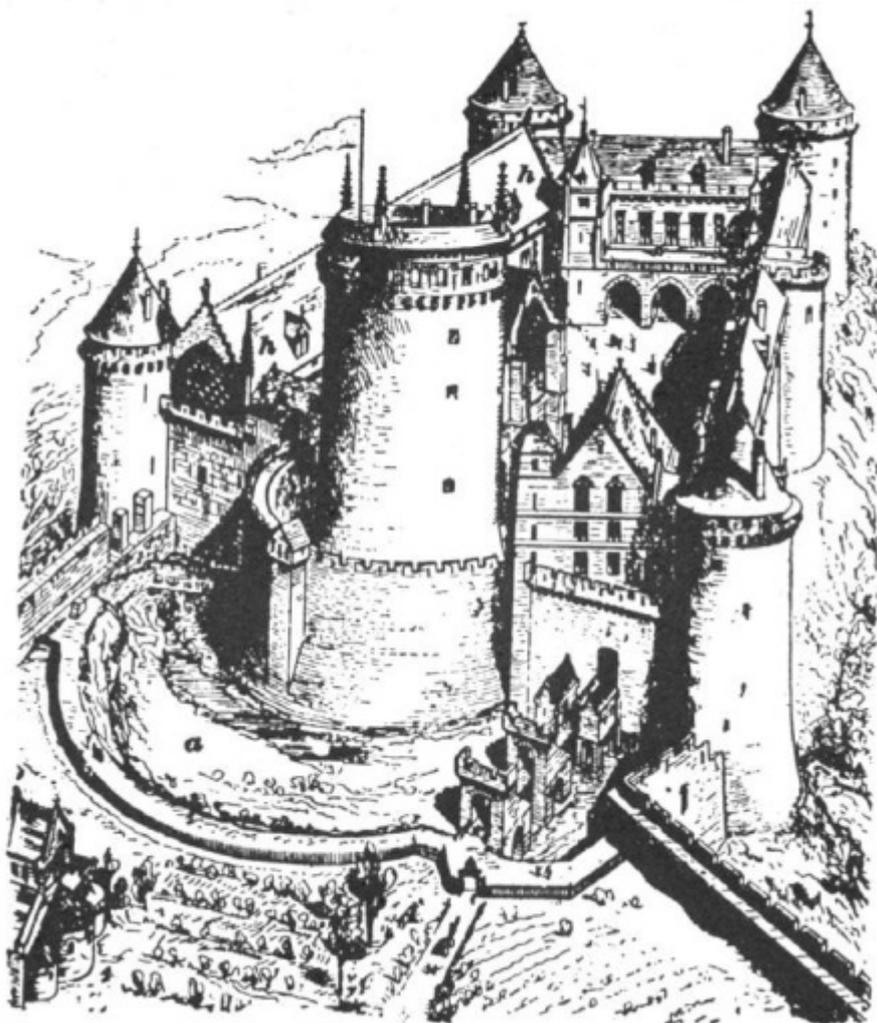
Если не было войны с внешним врагом – господа все равно времени зря не теряли. Они не любили скучать, а потому под любым предлогом затевали «частные», или феодальные войны – междоусобицы. Таковые были их признанным правом, и французские короли тратили немало сил и нервов, чтобы удерживать своих подданных от свар.

В феодальных войнах установилось правило: «Пахарь и его вол неприкосновенны». Но в боевой горячке о правилах не всегда вспоминали, а если и помнили – было и помимо воля, что предать уничтожению и с чем очень не хотелось расстаться крестьянину и хозяину земель. Поэтому замок был жизненно необходим и для господ, и для селян. Владелец замка (шато) – шателен должен был укрыть в нем не только его обитателей, но и крестьян с их скотом и скарбом. И, конечно, же, отбить вражеское нападение.

Замок старались расположить на вершине холма – природного или насыпного (или на более солидной возвышенности – помните, как поразили князя Мышкина увиденные им в Швейцарии могучие рыцарские твердыни, взлетевшие на скалы заоблачной высоты).

Главным оплотом обороны была цитадель – донжон. По периметру холма устраивалась бревенчатая стена – за ней и укрывалось окрестное население.

Донжоны сначала тоже были деревянными. Это было дешево, но ненадежно – длительной осады они выдержать не могли, а при особо неблагоприятном развороте событий их быстро охватывало пламя. Поэтому стали строить каменные, сначала квадратные в основании, а потом цилиндрической формы.

Замок Куси

Совершенствовались осадные орудия и приемы штурма – не отставала и архитектура замков. Скоро многие из них превратились в мощные многоярусные крепости. С подъемными мостами, дозорными путями по стенам, каменными галереями с навесными бойницами, с донжоном, выросшим на недосягаемую высоту. Вот оно, то, что радует глаз, а то и вызывает необъяснимый душевный трепет, когда смотришь исторический фильм или листаешь книгу с хорошими романтическими иллюстрациями. Особенно славился Шато-Гайяр, возведенный Ричардом Львиное Сердце в устье Сены.

То обстоятельство, что замок был еще и жилищем феодала и его семьи, привнес в его архитектуру элементы дворцовых построек. Зал для приемов и трапез с огромным камином, супружеская опочивальня, не так уж редко – библиотека. И множество других помещений, жилых и хозяйственных, которые постоянно пристраивали и перестраивали. Планировка получалась замысловатая, и в темных извилистых проходах было место, где затаиться наемному убийце – чтобы всадить кому надо кинжал по самую рукоятку. Как же без этого в мрачном средневековье?

Формально кто угодно, по одному своему хотенью, возвести замок не мог. Верховным правом на строительство укреплений обладал король. Он делегировал его своим самым высокопоставленным вассалам, те, в свой черед, давали разрешения своим – и так далее. Но

все равно находились субъекты, для которых закон не писан, и они сооружали свои гнезда (часто разбойничьи) самочинно.

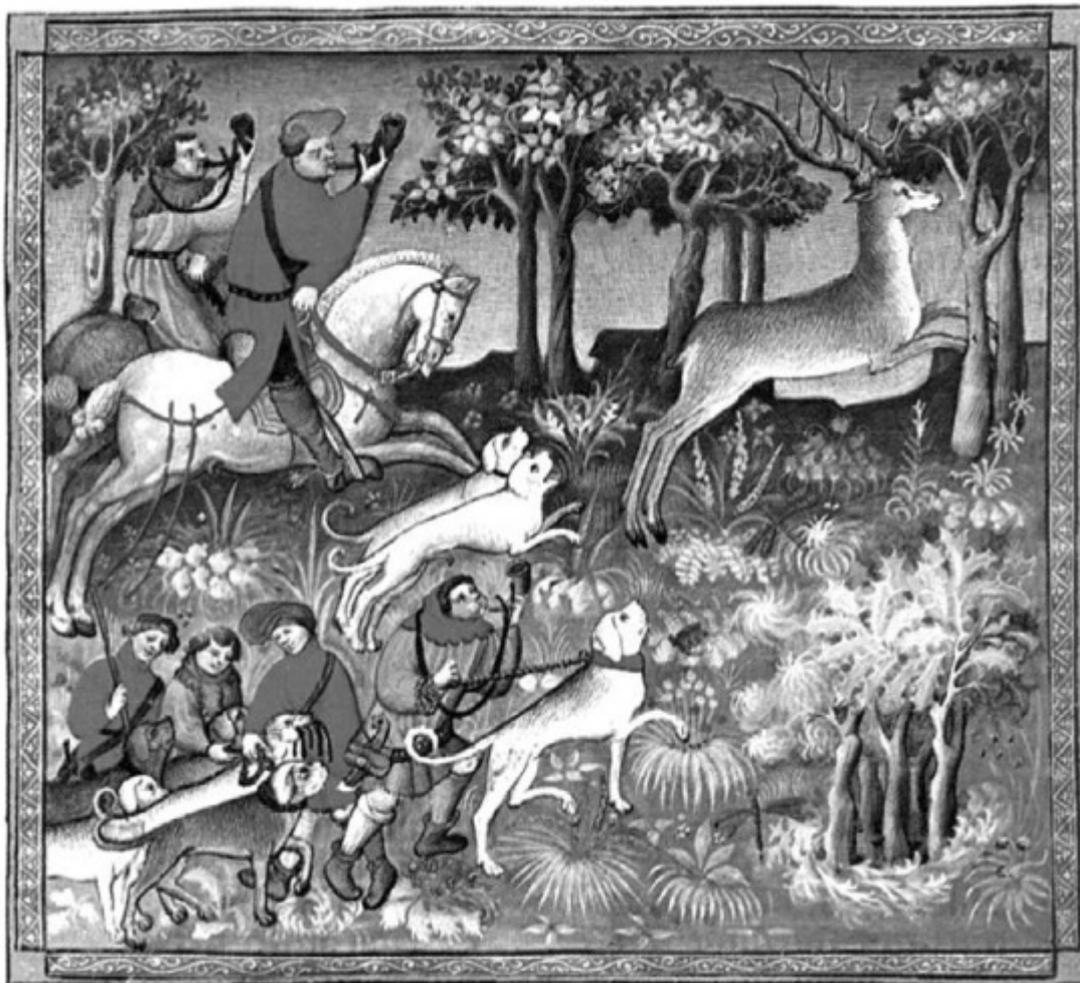
Иногда сеньоры разрушали такие плоды самостоятельности, но обычно предпочитали не связываться. Заденешь одного, заденешь другого – примут близко к сердцу, забеспокоятся остальные... Неизвестно, чем дело кончится. Клятва в верности – это само собой, но ведь во время оммажа и сеньор клялся всячески блюсти интересы своего вассала. А эти ребята хоть и небогатые, но все как на подбор, одно слово – рыцари.

До сих пор по всей Франции, среди прекрасных ее пейзажей высится около пяти тысяч рыцарских замков, приведенных в состояние, достойное этой преуспевающей, насквозь буржуазной страны. А еще про примерно такое же количество известно, что они были – но от них или следа не осталось, или их следы – объекты археологических раскопок.

* * *

Помимо взаимных наскоков, феодалы значительную часть своего досуга посвящали охоте. В почете была соколиная охота (ястреб из-за его низкого полета считался непрестижной птицей). Но больше всего любили конные облавы с собачьими сворами. Высшим шиком считалось заколоть кабана мечом прямо с седла.

От такой забавы могли страшно пострадать крестьянские поля, по которым очертя голову, дикой ордой проносились десятки всадников. Но тем – было бы о чем горевать. А мужики лишь молча сжимали кулаки. Не было ли это отчасти атавизмом взаимоотношений завоевателей и покоренных? Но была и законодательная база: собственник всей земли – сеньор, и он охотится в своих владениях, где ему вздумается (пройдет немало времени, прежде чем такой порядок будет пересмотрен – по крайней мере, на бумаге).

Охота

У крестьян могли возникнуть и другие поводы для обиды. Многие леса объявлялись заповедными, и охотиться – даже находиться в них – могли лишь избранные (например, те вассалы, которым сеньор даровал такое право в знак своей милости). Все прочие, застигнутые там, могли оказаться и в петле. А ведь для крестьянской семьи лесная дичь зачастую была основным источником мяса. Господа же охотились ради удовольствия, добыча была для них лишь сопутствующим деликатесом – мясо они преимущественно покупали на бойнях.

* * *

Еще одно излюбленное аристократическое времяпрепровождение – рыцарские турниры. Возникли они во Франции в середине XI в. На широком поле два конных отряда, предводительствуемые знаменосцами, вступали в ожесточенную схватку почти всерьез: разве что слегка притуплялось оружие и высказывалось пожелание – до смертоубийства дело по возможности не доводить.

Для молодых рыцарей такие ристалища были отличной тренировкой перед настоящими битвами. В случае успеха можно было и неплохо поживиться: поверженный противник считался пленником и должен был заплатить изрядный выкуп, его конь и оружие тоже доставались победителю. Но главное – победа в нешуточном состязании приносила славу герою. Поэтому необходимо было, чтобы все узнали и запомнили, кто ты такой. Вот откуда

пошли яркие гербы, красующиеся на щитах – чтобы издали было видно (не будем забывать, что на рыцарях к тому же были закрывающие лицо шлемы – так что без герба никак не можно). Здесь же – один из важных побудительных мотивов развития геральдики.

Рыцарский поединок

Король, царедворцы, крупные сеньоры часто были устроителями турниров и рассылали по всей округе уведомления о них. Но у церкви было свое мнение на этот счет. Собор, состоявшийся в 1130 г. в Клермоне, постановил: погибшие в подобных нечестивых баталиях лишаются христианского погребения. Может быть, церковь иногда действительно поступала так сурово, но популярность турниров росла год от года.

Вскоре характер турниров существенно изменился, а подтолкнули к этому «жюте» – поединки совсем молодых, только что посвященных рыцарей, предварявшие большие командные столкновения. Зрители нашли, что дуэль более азартна и зрелищна, чем обезличенная свалка отрядов – и турниры стали такими, какими мы их и представляем с детства.

Рыцарь и дама сердца

Длинный барьер, с разных концов которого металлизированные храбрецы несутся во весь опор навстречу друг другу с копьями наперевес. Красочные герольды – распорядители состязания. Трибуны, заполненные возбужденной нарядной публикой – все сплошь высшее общество. Здесь же – дамы сердца соперников. Одна из них повяжет свой платок на локоть гордого и радостного победителя, а другой останется досадливо прикусить губу.

Что могут короли?

Трудновато было королевской власти в таких феодальных обстоятельствах утверждать свои права и свое достоинство. Трудновато, но надо. Капетинги никогда не забывали о славе и могуществе своих предшественников Хлодвига и Карла Великого.

Сама жизнь заставляла сплачивать страну под королевской властью. Со времен Оттона внушала серьезные опасения Германия (теперь уже «империя германской нации»), неподалеку были владения могучих арабов и Византии. Совсем под боком – боевитые и беспокойные Нормандское и Бретонское герцогства. Жить среди таких с растопыренной пятерней – жди беды.

Да и король – он ведь верховный сюзерен, первый сеньор среди других сеньоров, и никакие сеньорские амбиции ему не чужды. У него были и свои персональные владения – королевский домен.

Вот только домен этот поначалу был невелик – область Ильде-Франс с центром в Париже. 8 тыс. кв. км между Луарой и Уазой, где-то семидесятая часть современной Франции. Правда, это был процветающий край, где скрещивалось много речных и сухопутных дорог. А население Парижа уже перевалило за стотысячную отметку, и жили в нем люди дельные.

* * *

Знаковой была идея, прозвучавшая в окончательно сложившейся тогда же, в начале тысячелетия, «Песне о Роланде». Там умирающий герой-граф последние свои слова обращает сначала к «милрой Франции», и только потом – к королю.

А простой народ «милрой Франции», в свою очередь, все отчетливей осознавал, что сильный единоначальник может защитить его от произвола феодалов, от их постоянных буйных разборок. Только тогда безопасными станут дороги и полнокровней хозяйственная жизнь.

А еще королевская власть – от Бога. Она передается по единокровному династическому принципу. В Реймсе, где крестился Хлодвиг, в храме Божьем происходит коронация и миропомазание властителя. Он клянется там защищать святую церковь, хранить мир и справедливо судить своих подданных.

Капетинги сделали шаг огромного значения в том же направлении, что и «Песнь о Роланде»: подобно великим императорам Древнего Рима, они провозгласили, что находятся на службе у Res Publica – общественного дела, дела всех и каждого. Это значительно укрепило в людях чувство национальной общности.

Короли действовали неустанно и целенаправленно. Два основных направления их забот: усиление своего влияния на сеньоров и расширение и укрепление королевского домена.

Ради последней цели действовали разносторонне. Некоторые владения, иногда целые графства покупались за золото, другие переходили к королю в качестве приданого или как выморочное имущество бездетных сеньоров. Или конфисковывались в случае неповиновения вассала.

На части королевских земель хозяйство велось под управлением дворцовой администрации, а часть отдавалась в ленное (феодалное) владение надежным людям. Таких лично преданных королю воителей (королевских вассалов) становилось все больше и больше.

* * *

Королевская власть накладывалась на сложную систему феодальных отношений и на кутюмы – исконные установления обычного права, с которыми все должны были считаться.

Юридической основой королевской власти были подписанные королем ордонансы, или указы, зачитываемые вслух во всех округах в людных местах.

До XIII в. король собирал всех прямых вассалов на Королевский совет – чтобы помогли словами, а иногда и делом управлять государством. Самые светлые головы получали назначения на придворные должности, имеющие теперь сугубо «министерское» содержание, но названия которых по старой памяти соответствовали дворцовым службам. Так, кто-то из советников мог величаться «управляющим винным погребом» (вспомним наших стольников, кравчих, постельничих и конюших еще во времена первых Романовых).

Начиная с правления Филиппа II Августа (1180–1223 гг.) стала создаваться сложная система централизованного управления, в которую вливались весьма компетентные чиновники и юристы, получившие университетское образование на факультетах римского права.

В округах собственного домена король осуществлял свою власть и надзор через прево, наделенных военной, административной и судебной властью. По форме это были назначенные королевские чиновники, как правило, люди простого звания. Но они быстро находили общий язык с местными «сильными людьми», тем более, что прево брали на откуп сбор налогов. С XII в. были установлены должности бальи или сенешалей (бальи они назывались на севере Франции, сенешалями на юге).

Это были люди знатные, но должность их не наследовалась, поэтому они дорожили доверием короля. Вверенные им территории назывались бальяжами, а главной их задачей было следить за деятельностью всех подопечных им прево. Борьба с такими отвратительными явлениями, как богохульство, проституция, пьянство, азартные игры тоже была в зоне их особого внимания.

Мудрая предосторожность: ни сами бальи и сенешали, ни члены их семей не имели права покупать землю в своих округах. Специальный ордонанс (1247 г.) предписывал, что за бальи тоже надо присматривать – дабы они не превратились в деспотов районного масштаба.

По мере увеличения королевского домена такая система управления распространялась все шире и шире, а со временем была внедрена и во владения высших сеньоров.

Особняком стояли прево города Парижа: они обладали судебными, управленческими и полицейскими полномочиями, которыми их наделил король как сюзерен и землевладелец своего любимого города. Они избирались из верхушки бюргеров.

* * *

Хотя с XII в. все больше возрождался авторитет римского права, судопроизводство во Франции долгое еще время не представляло собой стройной системы.

Некоторые преступления судились на местном общинном уровне в соответствии с кутюмами, и ни феодальная, ни королевская власть в такие дела не вмешивалась. А кутюмы могли признавать право на кровную месть за убийство или страшные расправы с неверными женами. Считалось, что в таких случаях имеет право карать не суд, а оскорбленный род.

Феодальные суды были двух инстанций – высшей и низшей. В высшей под председательством сеньора могли решаться гражданские и уголовные дела посерьезнее: нанесение тяжких телесных повреждений, поджоги, изнасилования и прочее, за что полагался штраф размером более 60 су, а то и смертная казнь – в ознаменование чего бок о бок с судьей возвышалась виселица. Всякая «бытовуха» рассматривалась судом низшей инстанции, который

был поднадзорен феодалу мелкой руки. Но иногда сеньор объединял оба суда, не считаясь с тем, что это щелкало по самолюбию его вассалов.

По-прежнему были суды церковные. Право на суд получали крепнущие города – он осуществлялся мэрами или представителями городских общин, сеньоры судебной власти над горожанами не имели.

Королевский суд на местах вершили прево, бальи (сенешали). Но высшей судебной инстанцией был сам король – как верховный судья. Его суд считался единственно справедливым – насколько вообще может быть справедлив суд человеческий. «Рука правосудия» – один из символических знаков королевской власти, который вручался монарху сразу после миропомазания.

Крестьяне

Тяжелее всего во Франции жилось крестьянам. Это было самое подневольное сословие. Большинство из них находилось в личной зависимости, а поскольку вся земля считалась собственностью господ – за право жить и трудиться на ней платили все. Чем дальше, тем больше.

Крестьяне обязаны были полностью обеспечить обитателей замка – и владельца, и его ближних, и обслугу, и стражу. Накормить, напоить, одеть, обусть, обустроить и обставить, снарядить на войну, оплатить забавы и причуды. И дополнительно снабдить наличными деньгами в виду того, что сеньор повыше тоже иногда облагает своих вассалов разовыми поборами.

Господин посылает крестьян на работу

До поры до времени почти все, даже доспехи и оружие, производилось здесь же, в поместье – на хозяина работали не только крестьяне, но и ремесленники. Если господин был побогаче – ему мог быть подчинен и торгово-ремесленный бург, а то и город (о больших сеньорах и говорить нечего). Но время шло, торговля ширилась, производились и заво-

зились все новые предметы роскоши и разные диковинки – соответственно росли барские запросы. Все больше требовалось денег, а потому все больше должен был потеть мужик – значительную долю плодов своего труда он вынужден был продавать, чтобы выручить звонкую монету.

Земля (в отношении ее использования, а не собственности) делилась на господскую и крестьянскую. Но повсюду царил чересполосица – участки феодала вклинивались в поля сельчан. Он вообще не вел какого-то своего обособленного хозяйства: крестьяне отработывали на его земле барщину точно так же, как привыкли работать на своей. Но при уборке урожая они должны были в первую очередь заполнить хозяйские закрома, хотя бы в это время у них самих зерно сыпалось. После жатвы все изгороди между полосами убирались и на поля выгоняли скотину – и господскую, и деревенскую. При этом происходило и удобрение земли.

По своему статусу крестьянство было неоднородно, подразделяясь на две неравные группы. Меньшую часть составляли вилланы, люди лично свободные. Это по преимуществу потомки тех франков и галло-римлян, что в опасные времена перешли вместе со своей землей под покровительство владельца замка, или же те, кто поселился с его согласия на его свободной земле. Они выплачивали господину оброк, но были вольны уйти от него – при условии, что найдут себе замену. Земля при этом оставалась в распоряжении феодала.

Другая категория – сервы. Люди подневольные, потомки прежних рабов и колонов, или тех, кто утратил свободу при каких-то печальных обстоятельствах – в те веселые времена возможностей для этого было предостаточно. Сервы были собственностью господина. Они переходили по наследству, их можно было продавать. Правда, последнее происходило очень редко: умелых рабочих рук не хватало, и сервы из поколения в поколение работали на одном и том же клочке земли. Делали все, что прикажут и отдавали, сколько прикажут.

Серв не мог даже выбрать себе невесту вне господских владений. И судьей ему был только его же хозяин – ни в какой другой суд он обратиться не мог. Кое-где действовало «право мертвой руки» – если серв умирал, господин мог целиком присвоить его имущество. Но так поступать было не принято, и он милостиво забирал только то, что ему больше всего приглянулось, а наследники могли жить и работать дальше.

Когда читаешь поэзию трубадуров, а они все были людьми благородного происхождения, – иногда диву даешься: откуда бралось такое классовое презрение? Ведь господа и крестьяне веками жили бок о бок, в одном замке укрывались от вражеских набегов, и в церковь ходили одну и ту же, и у одного священника крестили своих детей. Но вот: «Любо видеть мне народ голодающим, раздетым, страждущим, небогретым...» И много чего другого в том же духе. Чувствуется, что искренние слова. Сквозит той злостью, какую испытывает волк к убегающей от него косуле: как же, по праву принадлежащее ему мясо имеет наглость попытаться укрыться в лесной чаще. Так и у господина одно на уме: как бы мужик чего не утаил, как бы не поленился пролить лишнюю каплю пота. А ведь рядом – прославленные на века стихотворные послания тех же авторов к дамам сердца.

Только из церковной среды, поскольку многие клирики были выходцами из народа, могли прозвучать слова сочувствия: «Ведь у бедных сервов нет имущества, за все должны они платить тяжелым трудом, бегать, напрягаться, уставать; кто сосчитает их беды, их страдания, их слезы и стоны!».

Понятно почему, когда начиная с 1100 г. сеньоры стали предоставлять за плату сельским общинам «хартии вольностей», – видя в этом способ быстро получить крупные суммы наличными, – те не скупились, вплоть до того, что по уши влезали в долги. А ведь хартии эти не несли полную свободу. Но они все же фиксировали, а значит, ограничивали обязанности крестьян по отношению к господину, отменяли наиболее тяжкие повинности, ограждали от произвола и вымогательств – для чего иногда восстанавливались в силе давно известные

кутюмы, положения обычного права. Во многих случаях хартиями устанавливалось крестьянское общинное самоуправление. Важно и то, что они практически стирали границы между вилланами и сервами – крестьянство в этом смысле становилось более однородным.

А еще сельские жители, если только представлялась такая возможность, легко снимались с места. В те времена многим феодалам, получившим во владение новые земли, надо было осваивать целину: выкорчевывать дебри, осушать болота. И они заключали с крестьянами заманчивые договоры: новосел вступал в совладение землей с господином. Движение таких целинников было массовым – не только из-за социального гнета, но и потому, что во многих старых районах молодым семьям трудно было обзавестись самостоятельным хозяйством.

Память о тех мужественных первопроходцах несут в себе названия многих французских городов – тех, в которых присутствует «вильнев» (новый город), «совтер» (отвоеванная земля), «борд» (небольшая ферма), «эссар» (раскорчеванный участок).

И несмотря на все невзгоды, на феодальный гнет, усиление эксплуатации, засухи, войны, усобицы – рос качественный уровень сельского хозяйства. Не так уж много было существенных нововведений – до эпохи технологических революций было куда как далеко, но гораздо шире, чем прежде, стало применяться ранее уже известное, но забытое в ненастные века. Плуг с лемехами и отвалом вытеснял соху и мотыгу, появлялась более совершенная упряжь для тягловых животных, быстро росло число водяных и ветряных мельниц. Совершенствовался севооборот: повсюду переходили к тронополью.

Росли урожаи, появлялся избыточный продукт – становилось возможным выделение ремесел в самостоятельные профессии, возникновение и рост городов, расширение товарно-денежных отношений по всей стране. Получше стали жить и крестьяне: качественней питаться, привлекательнее и прочнее стали их дома и подворья.

Заря урбанизации

Судьбоносным для всей европейской истории явлением стал подъем городов. Мы видели, какие кризисы приводили к оскудению старых городов галльских и античных времен. Но с начала II тысячелетия положение стало меняться. Многие знаменитые и процветающие ныне стеклометаллические нагромождения ведут свое происхождение именно от той поры.

А начало их было весьма скромным. Какой-нибудь дальновидный сеньор (или епископ, или аббат монастыря) разрешал своим сельским умельцам – кузнецам, ткачам, сукновалам и прочим заняться своим ремеслом специализированно, не обременяя себя больше крестьянским трудом. Лишь бы исправно платили оброк. Тогда как раз произошла «победа овцы над льном»: ярко окрашенные шерстяные ткани (сукно) стали вытеснять полотняные и грубые меховые одеяния, и на них рос спрос. Быстро усовершенствовалось производство изделий из металла, особенно оружия. Глядишь, и вокруг замка (или монастыря) разрастается целая ремесленная слобода.

Ее обитателей надо кормить – и появляется рынок, куда крестьяне привозят на продажу плоды своего труда. Не только привозят, но и увозят – у новоявленных протогорожан было чего купить и для хозяйства, и к празднику. Некоторые крестьяне, приглядевшись, целиком посвящают себя торговле, получив у сеньора разрешение «заниматься делом продаж».

Где оживление – там и купцы, и пошло-поехало... Не только поехало, но и поплыло. По рекам растут торговые пристани и городки. Торговцам надоедало быть «пыльными ногами» – путь по воде и безопаснее, и дешевле. Ведь на суше безобразят разбойники, да и владельцы земель не лучше – дерут плату за провоз багажа по их территории (даже с богомольцев взимают мзду за проход!). А если что свалилось со сломавшейся телеги на дорогу – это уже собственность феодала, потому что то, что лежит на его земле, принадлежит ему. Купцы, с целью защиты перевозимых товаров, объединялись в гильдии, или ганзы (вспомним знаменитый северный, в т. ч. балтийский, «Союз ганзейских городов», или просто Ганзу).

Стены Каркассона

Слобода, при мастеровитости и упорстве ее обитателей и при удачном стечении конъюнктурных и прочих обстоятельств, становится признанным центром производства и торговли. Рынок становится постоянным, для чего требуется разрешение местного властителя – но тот всегда за. Он собирает плату за пользование лавками, за употребление весов и монет. А еще – немалые пошлины с приезжих покупателей и продавцов. Рынок находится под охраной господина, в знак чего на нем устанавливается шест со шляпой, перчаткой или крестом наверху (в Германии это мог быть каменный рыцарь, называемый Роландом). Ремесленники торговали своими изделиями и прямо из окон мастерских.

Происходит административное оформление новообразования: для разрешения всяких споров и конфликтов сеньор назначает особого судью, а ему в компанию торгующие избирают от себя присяжных – скабинов. Последний момент особо знаменателен. «Сунь палец

– откусит по локоток». Это начало не заставившего себя ждать городского самоуправления, а там и вольности городов.

Жители поселения возводят свою церковь – помимо той, что за стеной замка. Их положение становится более привилегированным, чем крестьянское. У них есть деньги, они за все платят сеньору наличными. При срочной нужде могут и займы дать. Снарядить на войну, выкупить из плена. А взамен находящиеся еще в личной зависимости от него люди получали разные льготы: им снижались штрафы, они освобождались от военной повинности, получали разрешение пользоваться всем имуществом по собственному усмотрению, в конце концов, предоставлялась полная свобода.

Вокруг слободы по всему периметру возводится каменная стена – надо было быть постоянно готовым не только к труду, но и к обороне. За этой стеной по различным причинам предпочитают поселиться и некоторые представители благородного сословия. Ну, чем не город? Город и есть. А населяют его уже городские жители, а не слобожане при замке. И неизвестно, кто теперь при ком – город при замке или замок при городе. Ближайшее будущее даст ответы на все вопросы. Схожие процессы, только не с нуля, происходили и в старинных городах.

Особая статья – ярмарки. Богатым купцам было не с руки доставлять свой товар к конечному потребителю и делать закупки у производителей или мелких оптовиков. Им нужны были центры, где периодически заключались бы сделки между китами тогдашнего бизнеса. Этому и служили ярмарки, проводимые в местах пересечения основных торговых путей, пролежавших от Средиземного моря к Северному, от Дуная к Ла-Маншу. Откуда и куда только не вели эти пути.

Крупные ярмарки устраивались во Фландрии (Лилль), Иль-деФрансе (Сен-Дени). Но особенно хороши были те, что проводили предприимчивые графы Шампанские. Эти сеньоры обустроили подъездные пути, выделили большие земельные участки – и деловая жизнь кипела практически круглый год. Там собиралась элита мировой торговли. Для разрешения споров было учреждено целых два суда.

Немцы предлагали меха и кожу, англичане шерсть, фламандцы сукно и полотно. Итальянцы специализировались на предметах роскоши, шелке, пряностях, квасцах, на многих товарах из дальних стран. Они вообще были мастаки в делах и быстро обучили интернациональную торговую братию более совершенным способам заключения сделок.

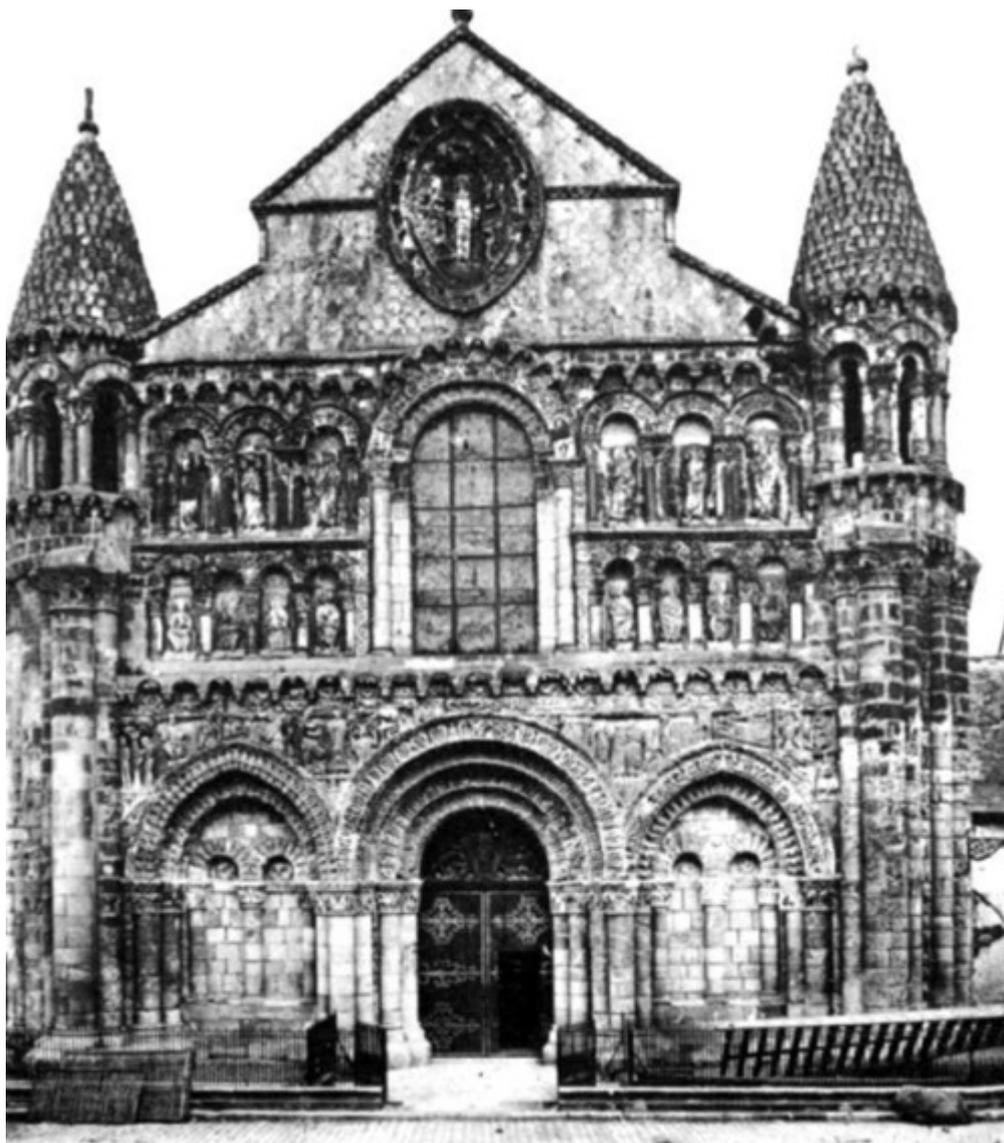
Одна из теневых сторон роста денежных оборотов – развелось много фальшивомонетчиков. С ними поступали без пощады: в XII веке перед лишением жизни выкалывали глаза, а в XIII медленно погружали в котел с кипящей водой.

* * *

Появился слой населения, который уже без всяких натяжек можно назвать горожанами, бюргерами.

Ремесленники сначала объединялись в «ассоциации присяжных» (присягнувших на верность договору), призванные защищать права всех своих членов. Вскоре эти ассоциации превратились в цеховые объединения по профессиям, имеющие большое влияние.

У торговцев возникали свои корпорации, они договаривались с ремесленными – и вот уже появились объединения граждан города, коммуны, которые повели борьбу за городское самоуправление.

Романский собор в Пуатье

Для достижения этой цели иногда приходилось вступать в жестокую борьбу с сеньорами – так добился свободы Бурж в 1111 г. Но чаще шли на мировую. Феодалы быстро поняли, какая мощь, экономическая и политическая, произросла на их землях, и смекнули, что не портить отношения – оно и выгодней (хотя не могли не знать, что кое-где на севере Франции коммуны, которые уже пришли к власти, обнаглели до того, что постановили не допускать благородное сословие к городскому самоуправлению). Благоразумные буржуа тоже понимали, что без военной силы сеньора обойтись трудно (городские ополчения не сразу станут вполне боеспособны).

Наиболее прагматичным был такой путь. Жители города договаривались с сеньором о выплате ему ежегодного ценза, еще кое о чем – например, о вооруженной поддержке в особых ситуациях, и этим откупались от многих прежних повинностей и услуг. Коммуна получала письменную гарантию своих прав, в том числе и права выбирать магистратов, призванных отстаивать городские привилегии и вершить правосудие (в оговоренных пределах).

Королевская власть сначала как-то не обратила должного внимания на происходящие «коммунальные революции». Потом спохватилась, стала осуществлять контроль за ними. Обязала некоторые «добропорядочные города» помогать государству военной силой и деньгами. Те не считали это обременительным: в короле видели противовес притязаниям сеньо-

ров (через какое-то время союз городов и королевской власти в значительной степени будет способствовать укреплению монархии во Франции).

О города, о нравы...

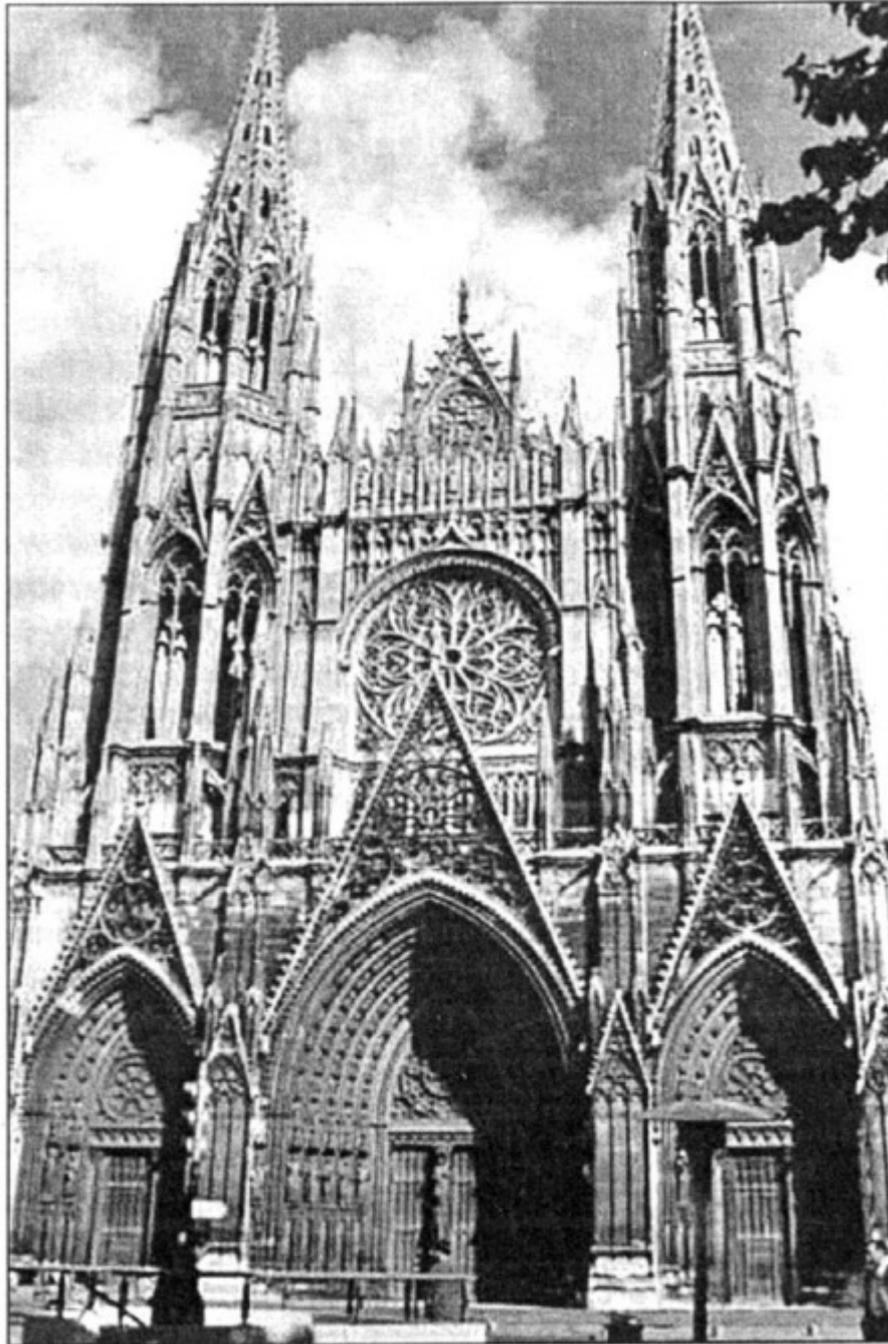
Город – это то, что за его крепостной стеной. Когда он перебирается через нее, раздаваясь в плечах, строится новая, а старая забрасывается, ветшает и растаскивается на строительные материалы. В новой стене – новые городские ворота, иногда с подъемным мостом. В них стоит бдительная стража, которая десять раз спросит, зачем пожаловал путник и что такое в возах у торговца. Если все в порядке – взыщет положенную пошлину за право входа или въезда.

Уже за старыми стенами быстро стал вырисовываться специфический городской уклад, народилась и сразу же стала расти вширь и вглубь городская культура. Та, на которой до сих пор зиждется великая цивилизация Запада.

Города, при всей их несхожести, в чем-то были однотипны. Тот рынок, на который когда-то окрестные крестьяне привозили снесь для прокорма обитателей призамковой слободы, превратился в центральную площадь (а нынешний городской рынок теперь на соседней). Замок сеньора по-прежнему громоздится поблизости на холме, но это уже не сердцевина города, а скорее довесок к нему – от которого никуда не деться и который надо терпеть.

На центральной площади высятся собор и ратуша – здания, на которые денег не пожалели. Они, как и городские стены, главные предметы гордости и свидетельства благополучия горожан.

Средневековые соборы огромны, их строительство иногда не укладывалось и в столетие. В одной части храма давно уже служили мессы, а в это время рядом, за стеной, каменщики копошились на лесах. До XII века соборы строили в романском стиле – суровом, грубоватом, без особых излишеств. Его храмы похожи на римские базилики, в плане они образуют крест. Из средокрестия в небо устремляется колокольня (по-итальянски кампанилла). Как можно выше – чтобы и к Богу поближе, и еще издали, при подъезде к городу было виднее.

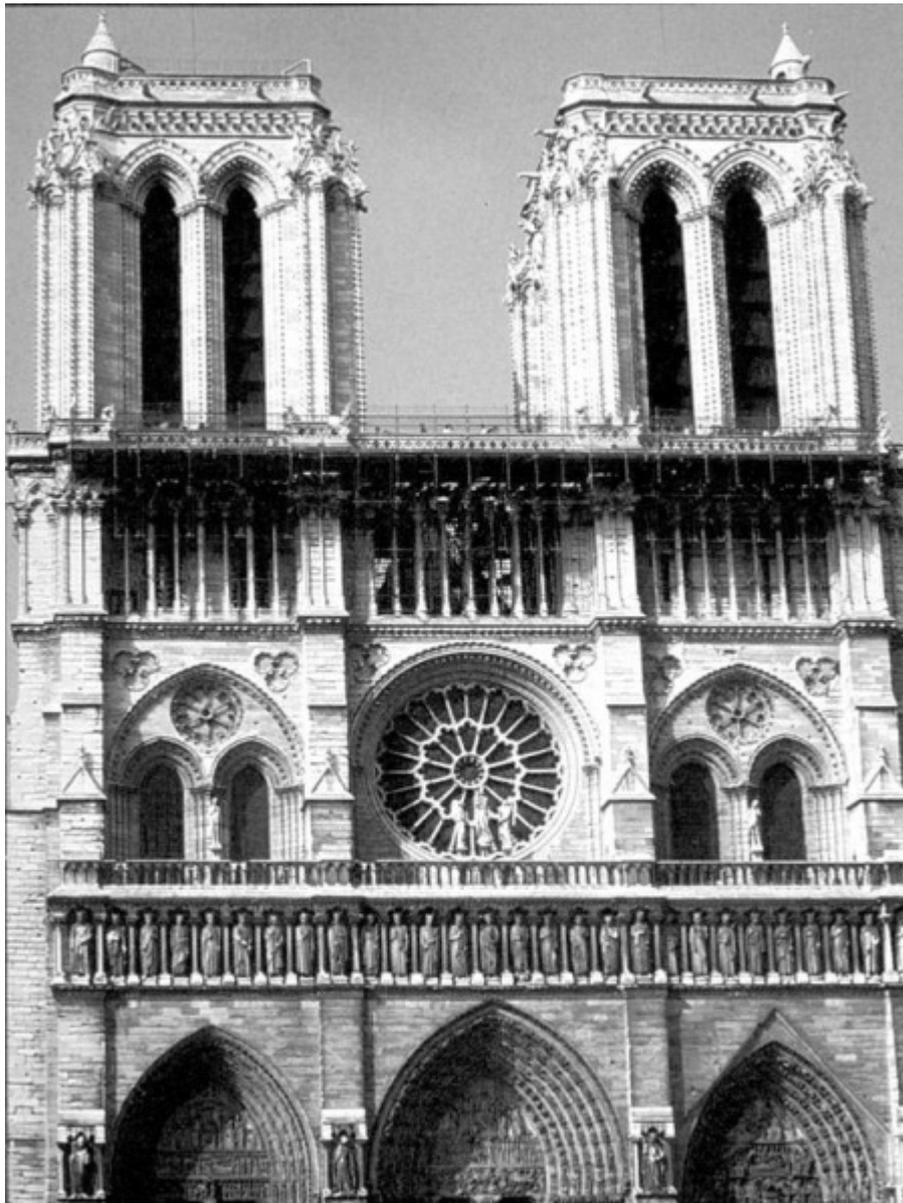
Руанский собор

Привлекает декор романских храмов. Скульптуры не очень-то изысканны, но они как бы соприсутствуют нам, дышат рядом с нами живой жизнью – и в то же время понятно, что они посланцы мира иного. Отчасти такое ощущение может быть вызвано тем, что это не просто декоративные элементы: если статуя напряжена, то, скорее всего, она действительно несет на себе огромную тектоническую нагрузку, она работает, а не имитирует давящую на нее тяжесть.

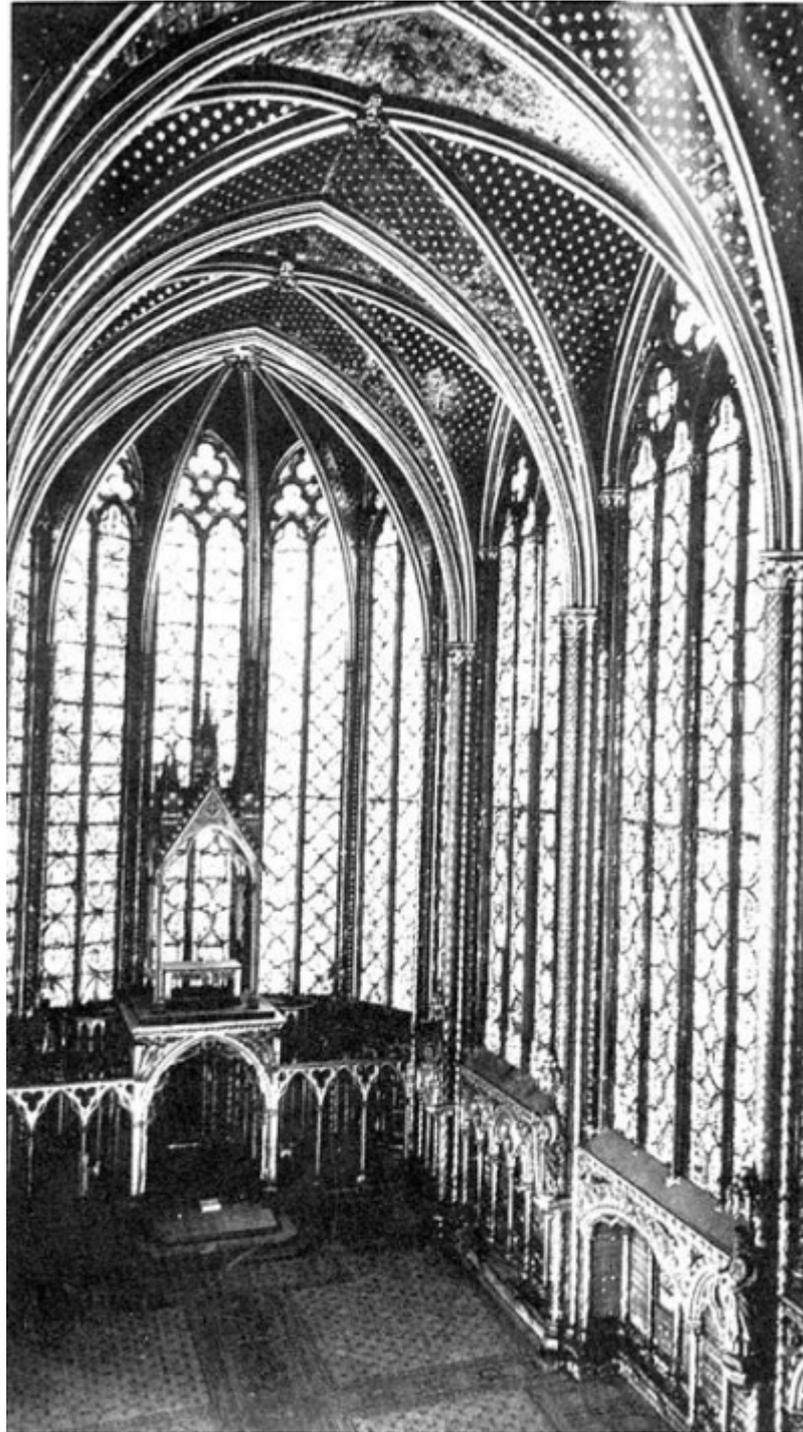
На стенах можно было любоваться фресками, изображающими сцены из Священной истории или из житий святых. На стене, противоположной алтарю, как правило, призывал к покаянию и предостерегал от излишних упований на блага мира сего Страшный Суд.

Обычай этих живописных изображений был заимствован у византийцев: наряду с художественными достоинствами, они служили наглядным повествованием для неграмотной паствы.

В XII веке появляются готические храмы. Здесь к небу рвется все, что может. Стрельчатые арки, стрельчатые своды. Даже контрфорсы стен – они как разбег крутой волны, без которого та не взметнулась бы ввысь. Внутри, в отличие от романского полумрака, царствует свет. Он проникает через огромные вытянутые окна – но это не просто проемы, это изумительные витражи из цветного стекла. Густые, насыщенные тона, выразительные силуэты фигур. Поражаемся и мы с вами – а что должен был чувствовать средневековый крестьянин, в кои-то веки добравшийся до городского храма Божьего поклониться мощам святого угодника?

Нотр-Дам-де-Пари

Сен-Шапель в Париже

Все утрачивает тяжесть, все переплетено, как кружево. Никак не верится, что эта причудливая гармония поверена строгой алгеброй. Так что создателям этих храмов, архитекторам и каменщикам, секреты их собственного мастерства казались чем-то мистическим: неудивительно, что это они основали первые братства «вольных каменщиков» – масонов. В Нотр-Дам-де-Пари, в соборах Реймса, Шартра, Страсбурга, в других прославленных шедеврах готики в старых городах – действительно есть нечто такое, что задумаешься: может быть, их создателям и впрямь открылись какие-то сокровенные тайны мироздания? Ведь храм Божий – это подобие Вселенной, а, возводя его, человек становится со-Творцом.

Готическая культура, несмотря на то, что она порою очень натуралистична в передаче чувств, по сути своей глубоко потустороння: позы напряжены, по земным меркам неестественны, резкие складки одежд скорее тяготеют к горизонтали, чем ниспадают вниз, как следовало бы. Изображенное не проникает «оттуда» в наш земной мир, подобно романской скульптуре – оно уводит «туда».

Вокруг собора – городское кладбище, где в обычные дни не зазорно было непринужденно прогуляться, но в дни поминовения усопших надо было обязательно навестить могилы близких и помолиться о спасении их душ.

* * *

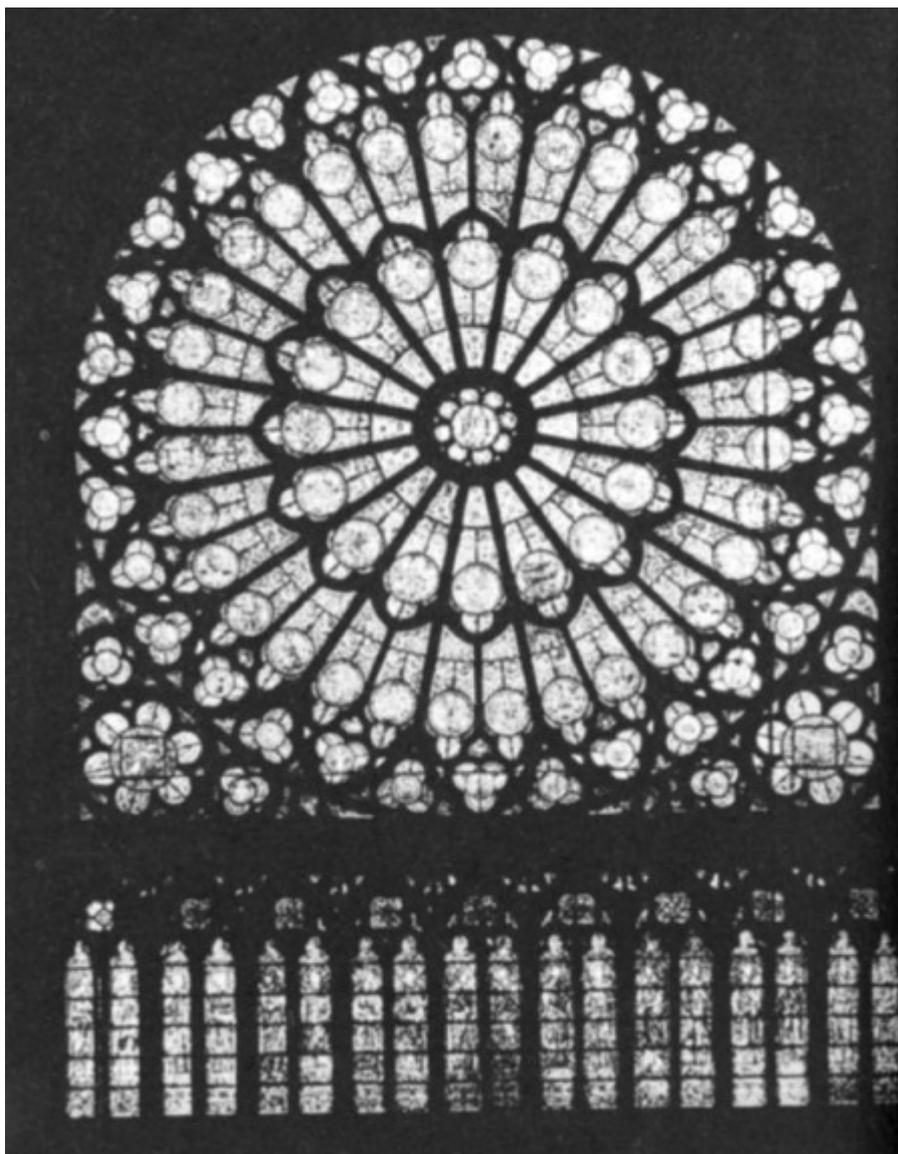
По противоположную от собора сторону площади – ратуша. Это здание тоже должно было внушать почтительный трепет: горожанам недешево стоило, чтобы появилось это средоточие их власти, символ их свободы. Поэтому красивое здание ратуши венчала высокая башня с колоколом – в него звонили, созывая горожан по разным поводам (или предупреждая о том, что в городе чума).

На первом этаже был склад городских припасов. Основное помещение находилось на втором: украшенный гербами, резьбой по дереву, картинами зал заседаний и торжественных церемоний. Здесь же городские судьи разбирали дела и выносили приговоры, а неперемное изображение Страшного Суда напоминало, что и им тоже придется держать ответ, насколько они были справедливы. В этом же зале заключались брачные контракты между женихом и отцом невесты, а по окончании юридической процедуры договор спрыскивали. По праздничным дням здесь устраивались танцы для избранных.

В подвале содержались преступники и ожидающие суда. Они могли находиться и в подземелье какой-нибудь крепостной башни – специальные тюремные здания были редки. Содержались все скопом, мужчины и женщины, некоторые были прикованы к стене. Пропитание и одежду должны были приносить родственники. Если же позаботиться об узниках было некому – стражники водили их днем по улицам испрашивать подаяние. Но подолгу в каземате задерживались редко – разве что несостоятельные должники маялись до тех пор, пока не уплатят все сполна (отсюда – «долговая яма»). Обычно следствие велось быстро, а к содержанию под стражей приговаривали немногих.

Кому-то после суда могла выпасть горькая дорога на ту же городскую площадь. Если город имел право на смертную казнь – там стояла статуя рыцаря с мечом. Осуществлял казнь палач, с которым город заключал договор. Его называли «мастером острого меча», уважали и сторонились – хотя проживал он среди прочих горожан, обычно в домике неподалеку от тюремной башни. Для него большой проблемой было выдать замуж своих дочерей: по традиции многих городов, зять палача тоже должен был стать палачом или его подручным.

Способы лишения жизни были разные, от довольно безболезненного отсечения головы (хотя, кто знает) до сожжения живьем – за колдовство, например. Преступника могли колесовать, повесить, фальшивомонетчиков погружали в кипящую воду – но распространяться на эту тему не хочется. Тогда же народ собирался на зрелище, как на мероприятие шоу-бизнеса, и в подобном же возбужденном состоянии, с явным удовольствием, созерцал торжество правосудия.

Готический витраж

Часто казни и прочие наказания осуществлялись не на главной площади, а на месте менее престижном: неподалеку от городских ворот. Но обязательно в пределах городской стены – права карать за нею у города не было. Тела преступников в назидательных целях оставляли на несколько дней неубранными, и по ночам они становились объектом нездорового интереса. Частицы грешной плоти использовались в колдовских обрядах, были ценным сырьем для разных снадобий. Так, палец повешенного очень интересовал безнадежно влюбленных девушек – он шел на изготовление приворотного зелья, которое помогало возлюбленному получше разобраться в своих чувствах. Изредка под виселицей вырастало загадочное растение – мандрагора. Его корень напоминает маленького человечка, и существовало поверье, что оно зарождается от спермы казненного, излившейся в последние мгновения его жизни (такой физиологический феномен действительно отмечен). Корень был поистине драгоценен для всех знатоков черной магии.

Впрочем, смертная казнь – это мера крайняя. Для подавляющего большинства сбившихся с пути дело обходилось штрафами, плетью, розгами, другими способами причинения физических страданий. Или страданий нравственных. Осужденного могли выставить у позорного столба. Была еще клетка, в которую сажали проветриться пьяниц и всяких мелких

дебоширов – на потеху благонравным горожанам (если помните, в Праге еще во времена Швейка пьяных увозили прочухаться в большой корзине).

* * *

Обычно на главной площади устраивался фонтан с чистой водой, и собиравшиеся у него женщины вместе с полными кувшинами и ведрами растаскивали потом по всему городу сплетни и слухи из самых компетентных источников.

На площади же располагались аптека и школа. Аптекарь, помимо снадобий растительного происхождения, имел в продаже и такие панацеи, как порошок из сушеных лапок жабы или яд скорпиона. Ему обычно соседствовал лекарь. Но хотя бы эскулап и был выпускником университета или знаменитой салернской школы (в южной Италии) – толку от него было мало. Практического обучения почти не было, препарировать трупы церковь категорически запрещала – науку постигали преимущественно по древним трактатам, греческим и арабским. Так что к лекарю обычно обращались, когда больше пойти уже было не к кому. Бедняга служил объектом постоянных насмешек, был персонажем анекдотических историй, а во время мора его могли порешить.

Казнь

Если медикам не доверяли, то дать своим детям образование многие считали необходимым. Школы устраивались при главном соборе, иногда и при других городских церквях – содержались они на средства городского совета. Учили грамоте и счету, основам религии. Преподавали, как правило, монахи и священники – человеку нецерковному требовалось заручиться разрешением епископа, а это было нелегко. Нельзя достоверно утверждать, что эти школы посещали и девочки, но то, что грамотные горожанки не были редкостью, – факт.

Были школы рангом повыше (по нашим понятиям – средние). Там преподавали еще и латынь. На ней давно уже не говорили, это был язык мертвый, но без знания ее стать клириком или чиновником высокого ранга было невозможно: это был язык богослужения, а долгое время еще и делопроизводства и науки.

Больной и врач

Педагогика была в понятиях того времени: наказывали за любую провинность, а в положенные дни учеников пороли всех подряд. Но так же строго обращались тогда с учениками в мастерских, и домашнее воспитание было зачастую не слаще. Преобладало представление, что ребенок – это маленький взрослый, только упрямый и глупый, и обращаться с ним надо, как с нерадивым подчиненным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.